

Брайан Герберт · Кевин Андерсон

ДЮНА

ДОМ ХАРКОННЕВ



Вселенная Дюны

Кевин Андерсон

Дюна: Дом Харконненов

«АСТ»

2000

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Андерсон К. Д.

Дюна: Дом Харконненов / К. Д. Андерсон — «АСТ»,
2000 — (Вселенная Дюны)

ISBN 978-5-17-105504-2

Вторая книга цикла о событиях, предшествовавших основному действию «Дюны» Фрэнка Герберта. Уже восемнадцать лет прошло с того дня, как Шаддам IV взошел на престол. Его власть велика, но, увы, не безгранична, и один из главных его противников – Владимир Харконнен, который тайно готовится к войне и создает нелегальные запасы пряности. Однако силы Харконнена подтачивает загадочный недуг, перед которым оказались бессильны даже самые лучшие врачи...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-105504-2

© Андерсон К. Д., 2000

© АСТ, 2000

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

102

Брайан Герберт, Кевин Андерсон

Дюна

Дом Харконненов

Brian Herbert, Kevin J. Anderson
DUNE: HOUSE HARKONNEN

Серия «Хроники Дюны»

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

© Herbert Limited Partnership, 2000

© Перевод. А. Анваер, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Быть первооткрывателем опасно, но такова жизнь. Человек, не желающий рисковать, обречен. Он никогда ничему не научится и никогда не будет расти. Он не будет жить.

Планетолог Пардот Кинес. «Букварь Арракиса», написанный для его сына Лиета

Когда с юга, завывая, начинали наступать песчаные бури, Пардот Кинес, вместо того чтобы искать надежное убежище, предпочитал заниматься метеорологическими наблюдениями. Его сын Лиет – мальчику было всего двенадцать лет, но отец воспитал его в суровых традициях фрименского племени – тем временем со знанием дела рассматривал древнее противопогодное убежище, которое они с Пардотом нашли на полуразрушенной испытательной ботанической станции. Лиет явно сомневался в работоспособности старых механизмов...

Мальчик обернулся и бросил взгляд на море дюн, в сторону приближавшейся бури.

– Ветер демона в открытой пустыне. *Хуласкали Вада*, – сказал он и инстинктивно проверил клапаны защитного костюма.

– Буря Кориолиса, – поправил сына Кинес, используя научный термин вместо народного фрименского, который употребил Лиет. – Ветер, дующий на открытой плоской местности, усиливается вследствие вращения планеты вокруг оси. Поток может при этом достигать скорости семьсот километров в час.

Слушая отца, мальчик продолжал деловито запечатывать отверстия в яйцевидном кожухе убежища, проверяя состояние воздушных вентилях, тяжелого входного люка и сохранность системы аварийного жизнеобеспечения. При этом мальчик не обращал внимания на сигнальный генератор и маяк тревоги; статическое электричество, возникавшее в завихрениях песчаной бури, буквально рывало в клочья любую электромагнитную волну.

На планете с мягким климатом Лиет в свои двенадцать лет считался бы ребенком, но здесь, в суровых условиях фрименской жизни, его опыту и умению выжить мог бы позавидовать и человек, вдвое старше его. Мальчик был подготовлен к встрече с опасностями лучше, чем его отец.

Кинес-старший задумчиво почесал свою песочного цвета бороду.

– Такой добрый шторм, как этот, может захватить своим фронтом несколько градусов широты, – сказал он, включив питание тусклых экранов древнего монитора. – Буря поднимает частицы песка на высоту до двух тысяч метров, поэтому пыль падает с неба на протяжении многих дней после окончания шторма.

Лиет в последний раз коснулся люка, убедившись в его надежности и способности противостоять буре.

– Фримены называют это явление «эль сайял» – песчаный дождь, – сказал он.

– Когда ты станешь планетологом, тебе придется пользоваться более точными техническими терминами, – профессорским тоном изрек Пардот Кинес. – Я до сих пор посылаю императору свои отчеты, хотя и не столь часто, как следовало бы. Сомневаюсь, что он вообще их читает.

Пардот побарабанил пальцами по панели монитора.

– Кажется, атмосферный фронт уже накрыл нас.

Лиет поднял ставень иллюминатора и увидел надвигающуюся черно-белую стену, переливающуюся огнями статического электричества.

– Планетолог должен пользоваться не только научно-техническими терминами, но и собственными глазами, – наставительно произнес он. – Посмотри в окно, папа.

Кинес улыбнулся сыну.

– Пора поднимать капсулу. – Приведя в действие долго бездействовавший механизм, он с облегчением услышал ровный гул двигателей. Подвеска сработала. Преодолев силу притяжения, защитная капсула оторвалась от земли.

Пасть шторма раскрылась, и Лиет закрыл ставень, надеясь, что старый метеорологический аппарат выдержит удар. Мальчик в какой-то степени доверял интуиции отца, но не очень уповал на его практичность.

Яйцеобразная капсула мягко поднялась вверх, слегка вздрогнув от первого порыва ветра.

– Ну вот, – сказал Кинес, – теперь начинается наша работа...

Договорить он не успел. Шторм ударил по убежищу, словно исполинская дубина, вознеся угловое суденышко в поднебесный мальстрем.

Пардот Кинес и его сын наткнулись на остатки покинутой много тысяч лет назад испытательной ботанической станции несколько дней назад, во время своих блужданий по дальней части пустыни. Обычно фримены растаскивали такие наблюдательные посты, унося в свои поселения самые ценные предметы, однако эту станцию, спрятанную в углублении скалы, фрименские разведчики обнаружить не смогли, и Кинесы нашли ее остатки в полной сохранности.

Они с трудом открыли покрытый коркой песка люк и заглянули внутрь, словно два демона, готовые спуститься в ад. Отцу и сыну пришлось довольно долго топтаться на жаре в ожидании, пока сменится смертельно опасный застоялый воздух капсулы. Пардот в нетерпении мерил шагами рыхлый песок, время от времени, задерживая дыхание, просовывал голову в отверстие люка, вглядываясь в темноту. Ему не терпелось начать осмотр.

Такие ботанические станции строились во времена расцвета старой империи. Кинес знал, что тогда эта пустынная планета не представляла собой ничего особенного; на ней не было обнаружено никаких полезных ископаемых, природа оказалась суровой, и планету посчитали непригодной к колонизации. Переселенцы Дзенсунни прибыли сюда много поколений назад после веков, проведенных в рабстве, надеясь основать здесь новый, свободный для себя мир.

Однако все это было задолго до открытия меланжевой пряности, драгоценного вещества, которого нет больше нигде во вселенной. После открытия пряности все круто изменилось.

Кинес давно перестал даже мысленно называть эту планету Арракисом, именем, внесенным в императорский реестр, а пользовался фрименским названием: *Дюна*. Хотя Пардот и стал фрименом, он продолжал оставаться слугой падишах-императоров. На эту планету Кинеса

послал Эльруд IX с заданием раскрыть тайну пряности, понять, откуда она берется, как образуется и как можно ее обнаружить. Кинес тринадцать лет прожил среди местного населения, женился на фрименке и воспитал сына, которому тоже предстояло пойти по его стопам и стать следующим планетологом Дюны.

Пардот Кинес не переставал восторгаться этой планетой. Он буквально дрожал, предвкушая возможность новых открытий, даже если это было связано с риском оказаться в эпицентре песчаной бури...

Древняя подвеска капсулы, сопротивляясь натиску кориолисовой бури, гудела, как растревоженное осиное гнездо. Метеорологический кораблик, маленький стальной баллон, носился по воздуху, вращаемый бешеными потоками вихря. Корпус капсулы беспощадно хлестали бичи пыльных торнадо.

– Это напоминает мне рассветные бури, которые я видел на Салусе Секундус, – вслух рассуждал Кинес. – Удивительное зрелище – весьма живописное и страшно опасное. Сильнейший ветер начинает дуть, словно ниоткуда, и может в мгновение ока сокрушить тебя. Беда, если такая буря застигнет в открытом поле.

– Я не хотел бы оказаться в пустыне и при песчаной буре, – отозвался Лиет.

От сильнейшего порыва ветра один борт прогнулся внутрь и треснул. В образовавшуюся брешь с тонким завыванием стал прорываться воздух. Лиет бросился к треснувшей переборке с баллоном, наполненным пенным герметиком. Кинес-младший держал его под рукой, будучи уверенным, что утлая посуда не выдержит напора стихии.

– Мы в руках Божьих, буря может уничтожить нас в любой момент, – сказал он.

– То же самое сказала бы сейчас твоя мать, – сказал планетолог, не отрывая взгляда от данных, которые непрерывно появлялись на экране старинного монитора регистрирующей аппаратуры. – Смотри-ка, порывы ветра достигают скорости восьмисот километров в час!

В его голосе не было страха, только возбуждение.

– Какой чудовищный шторм!

Лиет посмотрел на окаменевший герметик, которым он закрыл дефект корпуса станции. Воющий звук утечки воздуха стих, доносился только приглушенный рев урагана.

– Окажись мы снаружи, такой ветер сорвал бы мясо с наших костей, – задумчиво произнес Лиет.

Кинес-старший поджал губы.

– Скорее всего это так, но тебе следовало бы научиться выражать свои мысли более объективно и научно. Фразу «сорвать мясо с костей» не употребишь в докладе императору.

Вой свирепого ветра, скрежет песка и рев бури нарастали угрожающим крещендо; внезапно капсулу сильно сдавило, и наступила мертвая, страшная тишина. Лиет моргнул и судорожно сглотнул, стараясь смочить пересохшее горло и вновь обрести слух. Напряженная тишина ударами молота отдавалась под сводами черепа. Сквозь трещавший и скрежетавший корпус капсулы, словно тихий шепот ночного кошмара, доносился шелест кориолисова ветра.

– Мы в оке тайфуна, – сказал Пардот, отходя от панели аппарата. – В таком убежище это не подарок, мы в очень ненадежном сиегче.

Вокруг капсулы сверкали голубоватые искры статического электричества, которое пыль выбивала из электромагнитных полей.

– Я бы тоже предпочел оказаться сейчас в сиегче, – признался Лиет.

Метеорологическая капсула медленно дрейфовала в оке тайфуна, пройдя вихри фронта. Запертые в тесноте угла суденышка, двое людей на его борту могли бы поговорить как отец с сыном.

Но им не выпало такой возможности...

Десять минут спустя на капсулу обрушился задний фронт песчаной бури, станцию снова начало сотрясать исполинскими, неимоверной силы ударами пыльного ветра. Лиет пошатнулся, но удержался на ногах, Пардот тоже ухитрился сохранить равновесие. Корпус капсулы вибрировал и трещал.

Кинес посмотрел на пол, на панель управления, потом перевел взгляд на сына.

– Не вполне понимаю, что нам теперь делать, – сказал он. – Подвеска отказывает.

В этот момент капсула начала стремительно падать вниз, словно перетерлась и без того ненадежная страховочная веревка.

Лиет вцепился в поручень, стараясь сохранить вертикальное положение в зловещей невесомости, возникшей в раскачивавшейся станции, несшейся к земле, покрытой пыльным туманом. Тем временем планетолог вернулся к своим наблюдениям, не обращая особого внимания на происходящее.

Поврежденная подвеска вдруг чихнула и снова приподняла капсулу, это чудо случилось перед самым падением и смягчило удар. Искореженная капсула зарылась в песок, а буря Кориолиса ревела над ней, словно комбайн для сбора пряности, загоняющий кенгуровую крысу в норку. С неба хлынул поток освобожденной из тисков бури пыли.

Отделавшиеся синяками и шишками Пардот и Лиет поднялись на ноги и посмотрели друг на друга, дрожа от плещущего в их крови адреналина. Буря пронеслась, оставив позади капсулу...

Выставив наружу песчаный перископ и впустив в капсулу поток свежего воздуха, Лиет открыл тяжелый люк, и в кабину буквально рухнул поток песка. Пользуясь статическим пенным закрепителем, Кинес-младший укрепил стены песка и, используя лопатку из аварийного набора и собственные руки, принялся откапываться.

Пардот, полностью доверяя способностям своего сына в искусстве выживания в пустыне, углубился в данные приборов, сверяя с ними свои прежние записи.

Моргая, как новорожденный, только что появившийся на свет из материнского чрева, Лиет выбрался на поверхность и оглядел исхлестанный бурей Кориолиса ландшафт. Пустыня преобразилась: дюны сдвинулись с места, как переселяющиеся стада исполинских животных; следы, палатки и даже маленькие деревушки исчезли с лица земли. Весь бассейн выглядел свежим, чистым и обновленным.

Покрытый белой пылью Лиет выбрался на более устойчивый песок. В центре площадки виднелось углубление в песке, под которым была погребена капсула. Во время удара станция угодила в кратер, который моментом позже был засыпан падавшим с неба песком.

Руководствуясь фрименскими инстинктами и врожденным чувством направления, Лиет мог почти безошибочно определить свое местоположение в пустыне. Сейчас они находились недалеко от Южного Двойного Вала. Лиет узнал его по форме скал, по грядам утесов, по пикам и руслам давно высохших источников. Если бы вихрь протащил капсулу еще с километр, то она врезалась бы в скалу... это был бы бесславный конец великого планетолога, которого фримены почитали *уммой*, своим пророком.

Лиет наклонился над вырытым им лазом и позвал отца.

– Папа, мне кажется, что поблизости есть сиетч. Если мы пойдем туда, то фримены помогут нам откопать капсулу.

– Хорошая мысль, – донесся снизу приглушенный голос Пардота. – Пойди найди его, а я пока поработаю. Мне пришла в голову одна идея.

Вздыхнув, мальчик побрел к отрогам видневшейся невдалеке охряной скалы. Походка молодого человека выглядела странно из-за своей неритмичности. Он шел так намеренно, чтобы не привлечь гигантского песчаного червя: шагнул, подтянул вторую ногу, волоча ее по песку, сделал паузу... шагнул, подтянул вторую ногу, сделал паузу...

Товарищи Лиета по сиегчу Красной Стены, особенно названный брат Варрик, завидовали ему, потому что он так много времени проводит с планетологом. Умма Кинес начертал людям пустыни путь в рай, и они поверили пророку, его мечте о пробуждении Дюны – и последовали за ним.

Втайне от Харконненов, владык Дюны, которые были заинтересованы только в добыче пряности и рассматривали народ только как источник рабочей силы, Пардот Кинес руководил скрытыми от посторонних глаз армиями самоотверженных, преданных людей, которые высаживали траву, чтобы задержать на поверхности влагу; эти фримены сажали кактусы и жесткий кустарник в ущельях и каньонах, где по утрам выпадала скудная роса. В южных полярных регионах устраивались пальмовые сады, которые принялись и теперь начали постепенно разрастаться. В образцовом саду в Гипсовом Бассейне уже росли трава и карликовые фруктовые деревья.

Но хотя планетолог мог разрабатывать грандиозные, меняющие мир планы, Лиет не очень доверял здравому смыслу отца и не хотел надолго оставлять его одного.

Молодой человек шел вдоль гряды до тех пор, пока не увидел едва заметный знак на скале, ориентир, который не заметит ни один чужак. Беспорядочное нагромождение опаленных знойным солнцем камней обещало еду и надежное убежище – таков закон фрименского гостеприимства – *аль'амия*.

С помощью ловких и сильных фрименов – жителей сиегча – они смогут откопать и извлечь капсулу, спрятать ее в надежное место, сохранить и отремонтировать. Причем сделать все это можно в течение какого-то часа, ликвидировав потом все следы. На месте падения останется обычный, не привлекающий внимания пустынный ландшафт, хранящий вечную тишину.

Оглянувшись назад, Лиет ощутил внезапную тревогу. Искалеченная бурей капсула, дрожа и вибрируя всем корпусом, медленно вылезала из песка. На поверхности была уже одна треть обтекаемого фюзеляжа. Машина дергалась и рвалась, как зверь в трясине болота на планете Бела Тегез. Мощности двигателей хватало лишь на то, чтобы продвигаться с каждым толчком на считанные сантиметры.

Лиет, как парализованный, застыл на месте, когда осознал, что делает его отец. *Подвески работают в открытой пустыне!*

Спотыкаясь и едва не падая, мальчик бросился назад, вздымая на бегу тучи пыли и песка. – Отец, остановись! Выключи двигатель!

Он кричал так громко, что в горле появилась сильная боль. Ужас проник в самое существо Лиета. Он вгляделся в расстилавшуюся пустыню, покрытую золотистыми гребнями дюн, присмотрелся к дьявольской впадине Съелаго. Не появилась ли там волна, указывающая на движение в глубине...

– Отец, вылезай! – Лиет резко остановился перед открытым люком капсулы, которая, ритмично содрогаюсь, продолжала медленно выползать на поверхность. Поля подвески звенели, как туго натянутые струны. Лиет прыгнул внутрь и застыл на месте, ошеломленно глядя на Пардота.

Планетолог победно улыбнулся сыну.

– Здесь, оказывается, есть какая-то автоматическая система, сам не знаю, как я в нее попал, но через час эта посуда сама выберется на поверхность. – Он снова повернулся к панели управления. – Зато у меня было время сбросить все данные в одно хранилище...

Лиет схватил отца за плечо и рывком заставил его встать на ноги. Другой рукой сын ударил по рубильнику и выключил подвески. Возмущенный и растерянный Пардот хотел было протестовать, но сын не дал ему раскрыть рта и потащил к люку.

– Выходим, сейчас же! Беги к скалам что есть духу.

– Но...

Ноздри Лиета раздувались.

– Подвески работают по принципу полей Хольцмана, действуя, как щиты. Ты знаешь, что происходит, когда человек в открытой пустыне активизирует свое индивидуальное защитное поле?

– Оно начинает работать как подвеска? – Внезапно глаза Кинеса-старшего осветились запоздалым пониманием. – Ах да, в этом случае является червь.

– Червь является *всегда*. А теперь беги!

Старший Кинес неуклюже перевалился через борт люка и спрыгнул на песок. Выпрямившись, он осмотрелся и сориентировался в слепящем свете беспощадного солнца. Увидев в километре от капсулы гряду скал, на которую указал ему Лиет, он, загребая ногами песок и исполняя на ходу замысловатый танец, бросился в нужном направлении. Юный фримен тоже выпрыгнул из капсулы и присоединился к отцу. Вместе они устремились к спасительным скалам.

Прошло совсем немного времени, когда они услышали позади рокошущее-шелестящий звук. Оглянувшись через плечо, Лиет увлек отца на гребень дюны.

– Быстрее! Я не знаю, сколько времени осталось в нашем распоряжении, – сказал он.

Они ускорили шаг. Пардот споткнулся, но удержался на ногах.

Рябь на поверхности песка стремительно, принимая форму острия, приближалась к капсуле, приближалась *к ним*. Дюны вздрагивали, перекачивались и оседали на пути этой злоеющей стрелы, появлявшейся над исполинским туннелем, который рыл червь в своем подземном движении.

– Беги быстрее, ради спасения твоей души!

Они рванули к гряде скал что было мочи, пересекли гребень дюны, соскользнули вниз, снова поднялись. Песок мягко осыпался под их ногами. Лиет воспрянул духом, когда увидел, что до спасительной скалы осталось не более ста метров.

Жуткое шипение и скрежет стали громче – песчаный червь набирал скорость. Земля начала содрогаться под ногами беглецов.

Кинес наконец достиг первых камней и, тяжело, со свистом дыша, вцепился в них, словно якорь в морское дно. Лиет увлек его дальше, на склон, где чудовище не смогло бы их атаковать.

Несколько мгновений спустя, сидя на уступе скалы и молча втягивая ноздрями раскаленный воздух, Пардот Кинес и его сын смотрели, как вокруг полупогребенной метеорологической капсулы начинает стремительно образовываться водоворот песка. По мере увеличения скорости вращения песок терял вязкость, всасываясь в исполинскую воронку. Капсула вздрогнула и погрузилась в глубину.

Дно воронки поднялось, оказавшись гигантской пастью. Чудовище проглотило судно и тонны песка, проскользнувшего в глотку червя, просеиваясь сквозь сияющие, как хрусталь, зубы. Червь снова погрузился в горячий песок, и Лиет смотрел, как по поверхности, на этот раз медленнее, снова пошла рябь. Червь уходил в сторону Бассейна...

Наступила звенящая, пульсирующая тишина. Пардот не выглядел обрадованным спасению от так близко прошедшей смерти. Нет, планетолог выглядел подавленным и расстроенным.

– Мы потеряли все данные. – Пардот едва удержал глубокий вздох. – Их можно было использовать для лучшего понимания механизмов возникновения песчаных бурь.

Лиет сунул руку в нагрудный карман защитного костюма и вытащил оттуда старинное хранилище данных, которое он взял с панели управления.

– Даже спасая наши жизни, я помнил о науке.

Кинес-старший просиял от гордости за сына.

Они встали и, освещаемые лучами знойного солнца, направились по извилистой тропинке к мнившему прохладой и надежностью сиегчу.

Смотри, о человек. Ты можешь сотворить жизнь. Ты можешь истребить жизнь. Но нет у тебя выбора – ты должен испытать жизнь. И в этом твоя величайшая сила, но в этом же твоя величайшая слабость.

Оранжевая Католическая Библия, Книга Кимлы Септимы, 5:3

На пропитанной нефтью планете Гьеди Первой подошел к концу нечеловечески длинный трудовой день. Построившись в колонны, рабочие команды покинули поля. Покрытые потом и пылью невольники, освещаемые заходящим красным солнцем, направились домой, согнанные на дорогу с огороженных канавами участков земли.

Один из рабочих, Гурни Халлек, чьи свалывшиеся от пота и грязи светлые волосы сбивались в немыслимый колтун, ритмично отбивал ладонями такт. Только этот ритм придавал ему сил идти, жить, сопротивляться угнетению властителей планеты Харконненов, соглядатаи которых не могли сейчас подслушать, что творится в рабочей колонне. Халлек пел песню работников, наполненную маловразумительной лирикой, изо всех сил стараясь воодушевить товарищей, заставить их присоединиться к пению или хотя бы мычать ритмичную мелодию.

Весь день мы пашем на Харконненов наших,
Час за часом в земле надо рыться, а нам негде помыться,
Работай, работай, работай, пока не подохнешь...

Но люди в колонне хранили угрюмое молчание. Они слишком сильно устали за одиннадцать часов работы на каменистом поле, чтобы обращать внимание на самозваного трубадура. Потеряв надежду расшевелить товарищей, Гурни наконец сдался, сумев, правда, сохранить на лице кривую усмешку.

– Мы воистину несчастны, друзья, но не будем поддаваться унынию.

Впереди показалась деревня – ряды низких сборных домиков, поселок этот назывался Дмитрий, в честь предыдущего патриарха Харконненов, отца нынешнего барона Владимира. После того как прежний владыка процарствовал на планете несколько десятилетий, Владимир, приняв бразды правления Гьеди Первой, внимательно просмотрел карту и переименовал множество пунктов по своему вкусу. Топонимика приобрела мелодраматический флер: остров Печали, Гибельная Отмель, Утес Смерти...

Несомненно, по прошествии нескольких поколений снова найдется охотник дать этим местам новые названия.

Однако эти проблемы мало волновали Гурни Халлека. Он был малообразован, но знал, что империя невообразимо огромна, состоит из миллиона планет и населена дециллионами людей... но сам Гурни вряд ли совершит когда-нибудь путешествие даже в Харко-Сити – дымный, плотно застроенный мегаполис, выделявшийся на северном горизонте вечной красноватой пеленой смога.

Гурни внимательно посмотрел на своих товарищей по рабочей команде. Опустив глаза, люди, как автоматы, переставляли ноги, возвращаясь в свои жалкие хибары. Вид рабочих был настолько мрачным, что Гурни громко рассмеялся.

– Ничего, съедите сегодня немного супа, и мы еще споем. Разве не учит нас Оранжевая Католическая Библия: «Веселись из души своей, ибо восходит и заходит солнце по твоему понятию о вселенной»?

Несколько человек ответили нечленораздельным бормотанием. Это все же лучше, чем ничего. В конце концов, ему все-таки удалось приободрить хотя бы некоторых. При такой скотской жизни даже малый проблеск уже радость и стоит усилий.

Гурни недавно сравнялся двадцать один год, кожа его огрубела от постоянной работы в поле с восьмилетнего возраста. Он привык пристально вглядываться в окружающее своими

ясными синими глазами, хотя в Дмитриии и окрестностях не было ничего заслуживающего внимания. Угловатая нижняя челюсть, слишком курносый нос и плоские черты лица уже сейчас делали его похожим на старого, умудренного опытом фермера; не было никакого сомнения, что скоро Гурни женится на одной из преждевременно увядших, изможденных работой девушек из той же деревни.

Весь нынешний день Гурни провел в глубокой траншее, выбрасывая на поверхность лопатой каменистый грунт. После многих лет возделывания земля на поле истощилась, и для того чтобы добраться до тучной почвы, приходилось копать глубже. Барон не тратил ни единого соляри на удобрения, во всяком случае ради *этих* людей.

За столетия своего правления на Гьеди Первой Харконнены сделали обычаем выжимать из земли все, на что она способна, нисколько не заботясь о последствиях. То было их правом – нет, их *обязанностью* – эксплуатировать планету, время от времени перемещая деревни и селения на новое место. Когда Гьеди Первая превратится наконец в истощенную пустыню, глава Дома Харконненов просто потребует для себя новый лен, награду за верную службу падишаху-императору. В конце концов, в империи так много планет, стоит ли мелочиться?

Но галактическая политика не входила в сферу интересов Гурни. Его цель была гораздо проще: насладиться наступающим вечером, разделить с земляками нехитрое удовольствие и расслабиться на деревенской плешке. Зачем зря ломать себе голову: ведь завтра опять наступит новый изнурительный рабочий день.

На полях хорошо росли только волокнистые крахмалистые твердые клубни, и хотя большая часть урожая продавалась на корм скоту, клубни обладали достаточной питательностью и для людей, поддерживая их в работоспособном состоянии. Гурни, как и все остальные жители деревни, ел их каждый день. *Дурная почва порождает дурные вкусы.*

Родители и товарищи Гурни были настоящим кладезем поговорок, взятых по большей части из Оранжевой Католической Библии, и Халлек часто подбирал к этим словам мелодии. Музыка была единственным сокровищем, которое он мог иметь, и Гурни щедро делился им с людьми.

Рабочие разбрелись по своим отдельным, но совершенно одинаковым жилищам – бракованным сборным домикам, купленным по дешевке владельцами Дома Харконненов. Гурни взглянул на свой дом, где он жил с родителями и младшей сестрой Бхет.

Их дом выглядел более живописно, чем остальные. В старых заржавленных котелках росли пестрые цветы: анютины глазки, фиалки и даже прихотливые лилии. У большинства других домов виднелись маленькие огородики, на которых люди выращивали ягодные кустарники, овощи и зелень. Правда, все это в любой момент могло стать добычей рыскавших по округе алчных харконненовских патрулей.

День был жарким, в воздухе висел едкий дым, но окна в доме Гурни были открыты. До слуха Халлека донеслось тихое пение Бхет. Он представил себе сестру с ее длинными, красивыми соломенного цвета волосами; мысленно он называл их «льняными» – это слово он запомнил, слушая стихи, написанные на Старой Земле, хотя ни разу в жизни не видел домашней льняной пряжи. Бхет было всего семнадцать лет, и на ее красивое лицо еще не успела лечь тяжелая печать непосильного бесконечного труда.

Под струей воды из уличной колонки Гурни смыл серую запекшуюся грязь с лица и рук. Подставив голову под кран, он намочил свои светлые волосы и пальцами попытался привести их в относительный порядок. Встряхнув головой, он вошел в дом, поцеловал Бхет, брызнув на нее холодной водой. Девушка взвизгнула, отпрянула назад, а потом вернулась к очагу, где она готовила еду.

Отец уже упал в кресло. Мать, склонившись над громадными деревянными ларями, отбирала на продажу лучшие клубни. Увидев, что вернулся Гурни, она вытерла о передник руки и поспешила на кухню, помочь Бхет собрать на стол. Когда все было готово, мать встала и

торжественно прочла несколько стихов из потрепанной Оранжевой Католической Библии (она вознамерилась до своей смерти вслух прочесть детям весь этот чудовищный фолиант), а потом они приступили к еде. Гурни болтал с сестрой, поглощая суп из клубней, приправленный лишь солью и несколькими листочками высушенной зелени. Родители говорили мало, обмениваясь односложными репликами.

Покончив с трапезой, Гурни встал, положил в мойку тарелку, вымыл ее и поставил сушиться до завтрашнего вечера. Мокрой рукой он стукнул отца по плечу.

– Пойдешь со мной в таверну? Мы там собираемся сегодня с ребятами.

Старик отрицательно покачал головой.

– Я лучше посплю. Иногда твои песни действуют мне на нервы.

Гурни пожал плечами.

– Ну что ж, отдыхай, коли так.

Гурни вошел в свою каморку и извлек из ветхого шкафчика самое главное свое сокровище: старый балисет – девятиструнный музыкальный инструмент. Правда, Гурни играл только на семи струнах, так как двух струн не хватало, а замены не нашлось.

Гурни нашел сломанный инструмент на свалке, отскоблил его шкуркой, отлакировал, исправил поврежденные детали – на это ушло целых полгода, а потом научился извлекать из балисета нежнейшие звуки, когда-либо слышанные им, хотя балисет звучал не во всем диапазоне своей тональности. Гурни проводил часы, учась играть, и в конце концов научился воспроизводить услышанные мелодии и сочинять свои. Он мог проводить массу времени, подтягивая струны и подкручивая балансировочные колесики.

Когда стемнело, мать уселась в кресло, положив на колени тяжелый фолиант Библии – женщину умиротворяло не столько содержание священной книги, сколько ее внушительный вес.

– Не задерживайся, – напутствовала мать сына сухим, без выражения, голосом.

– Я ненадолго, – ответил Гурни, понимая, что даже если он не придет ночевать, то мать вряд ли это заметит. – Завтра опять копать траншею, надо выспаться.

Он согнул руку в локте, демонстрируя матери развитую мускулатуру, изображая энтузиазм по отношению к работе, которая, как все они понимали, не кончится никогда. По грязной узкой улице Гурни направился в таверну.

Несколько лет назад в деревне разразилась эпидемия какой-то смертельной лихорадки и четыре дома опустели. Жители деревни собрали из этих четырех домов один, построив себе общественное здание. Это, в общем, не противоречило строгим установлениям Харконненов, хотя начальство посмотрело на строительство косо. Таверна, однако, уцелела.

Гурни присоединился к небольшой группе людей, уже собравшихся здесь. Многие были с женами, один из мужчин спал, уронив голову на стол. Он был не столько пьян, сколько измотан работой. Кружка водянистого пива стояла на столе, выпитая только наполовину. Гурни подкрался к спящему, ударил по струнам балисета и громким аккордом вмиг пробудил спящего.

– Друзья, я сочинил новую вещь. Это, конечно, не тот гимн, к которому привыкли наши матери в стародавние времена, поэтому, подпевая мне, вы будете безнадежно врать мелодию, но я подучу вас.

Среди присутствующих не было хороших певцов, но само пение доставляло людям удовольствие, так как отвлекало от мрачных будней и скрашивало жизнь, делая ее полнее.

Энергично ударив по струнам, Гурни запел ироничные слова, положенные на знакомую старую мелодию:

О Гьеди Первая!

Твоя чернота – самая лучшая в мире чернота,

От черных скал до замасленных морей,

От черной работы до самых черных в империи ночей.

Приходите к нам, чужестранцы,
Посмотрите, что прячем мы в душах своих,
Разделите с нами радость нашу,
Помашите с нами киркой...
Тогда станет нам и вам совсем хорошо.

О Гьеди Первая!
Твоя чернота – самая лучшая в мире чернота,
От черных скал до замасленных морей,
От черной работы до самых черных в империи ночей.

Закончив песню, Гурни изобразил на своем широком, плоском лице улыбку и поклонился в благодарность за воображаемые аплодисменты. Один из слушателей хрипло произнес:
– Берегись, Гурни Халлек. Если до Харконненов дойдет весть о твоём искусстве, то ты попадешь в Харко и споешь для самого барона.

Гурни издал непристойный звук.

– У барона нет ни на грош музыкального слуха, особенно для таких песен, как мои.

Раздался взрыв хохота. Гурни поднял кружку и отхлебнул кислого пива.

Дверь распахнулась, и на пороге показалась сестра Гурни, Бхет. Льяные волосы развевались, лицо покраснелось.

– Полицейский патруль! Мы видели огни. С ними тюремный воронок и десяток солдат.

Всех присутствующих как громом поразило. Двое кинулись к дверям, а остальные застыли на месте, всем своим видом выказывая полное поражение и страх.

Гурни извлек из балисета успокаивающий аккорд.

– Успокойтесь, друзья. Разве мы делаем что-то противозаконное? «Виновный сам чувствует и выдает свое преступление». Мы просто веселимся в приятной компании. Харконнены не могут арестовать нас за это. Мы же показываем всем, что мы счастливы, что нам хорошо, мы рады работать на Харконненов и их миньонов. Правда, ребята?

Ответом Гурни было мрачное бормотание, которое при желании можно было истолковать как согласие. Гурни отложил в сторону балисет и подошел к окну таверны как раз в тот момент, когда тюремная машина остановилась на центральной площади деревни. За стеклами кабины виднелись силуэты человеческих фигур, и, насколько понял Гурни, все арестованные были женщины. Он ободряюще похлопал сестру по плечу и постарался сохранить присутствие духа, хотя понимал, что Харконненам не потребуется много объяснений для того, чтобы схватить новых пленников или пленниц.

Деревню залил свет прожекторов. По грязным улочкам, стуча в двери домов, пошли вооруженные люди. Дощатая дверь таверны с грохотом распахнулась, едва не слетев с петель.

В зал ворвались шесть человек. Среди них Гурни узнал капитана Криуби, начальника охраны Дома Харконненов.

– Всем сидеть на месте, проверка, – объявил Криуби. На верхней губе солдафона топочилась щеточка усов. Впалые щеки на удлинённом лице. Зубы плотно сжаты, на скулах надулись желваки.

Гурни остался стоять у окна.

– Мы не делаем ничего плохого, не нарушаем законов Харконнена и исправно работаем. Криуби бросил на него презрительный взгляд.

– Кто назначил тебя старостой этой деревни?

Гурни не успел сдержать свой сарказм.

– А кто дал тебе приказ пугать невинных поселян? Из-за такого ужаса мы не сможем завтра работать.

Товарищи Гурни ужаснулись такой безрассудной смелости. Бхет схватила брата за рукав, чтобы утихомирить его. Солдаты угрожающе навели на Гурни свое оружие.

Гурни дернулся и подбородком указал на тюремный фургон за окном.

– Что сделали эти люди? За какое преступление их арестовали?

– Для ареста не требуется совершить преступление, – ответил Криуби, не испытывая ни малейшей неловкости от правды, сказанной ему в глаза.

Гурни шагнул вперед, но три солдата схватили его за руки и бросили на пол. Халлек знал, что Харконнены часто вербуют своих вояк из молодых парней в деревнях. Эти новобранцы, спасенные от серой, безысходной жизни, получившие в свое распоряжение оружие, красивую форму, дармовую выпивку и женщин, были еще более жестокими, чем набранные в городе бесстрастные профессионалы. Гурни надеялся, что сможет узнать среди солдат односельчанина, чтобы плюнуть тому в рожу. При падении он ударился головой об пол, но сумел тотчас же вскочить на ноги.

Бхет бросилась к брату.

– Не провоцируй их!

Это было самое худшее, что она могла сказать. Криуби указал на нее рукой.

– Порядок, взять и эту!

Узкое лицо Бхет смертельно побледнело, когда два гвардейца грубо схватили ее за тонкие девичьи руки. Она сопротивлялась изо всех сил, когда ее потащили к дверям. Гурни отшвырнул балисет и кинулся вперед, но оставшийся в помещении гвардеец дважды ударил его прикладом по лицу.

Гурни пошатнулся, но удержался на ногах и снова рванулся за сестрой, размахивая своими пудовыми кулаками.

– Отпустите ее!

Он ударил одного из гвардейцев, сбив его с ног, потом свалил еще одного, оторвав того от сестры. Она дико закричала, когда трое солдат накинулись на Гурни, повалили его на пол и принялись избивать ногами и прикладами. У молодого человека трещали ребра, из носа обильно потекла кровь.

– Помогите! – крикнул Халлек своим землякам, которые продолжали неподвижно сидеть с остекленевшими от страха глазами. – Нас больше, чем этих ублюдков!

Но никто не пришел ему на помощь.

Гурни дрался отчаянно, но удары ногами и прикладами свалили его на пол. Приподняв голову, он заметил, что Криуби следит за тем, как Бхет волокут к выходу. Гурни рванулся, стараясь сбросить массивного гвардейца, который прижимал его к полу.

Из-за мелькающих в воздухе затянутых в перчатки рук и обутых в сапоги ног он видел, что односельчане сидят за столами, напуганные, словно овцы. Они смотрели на происходящее расширенными глазами, но оставались неподвижными, как камни, уложенные в стену.

– Помогите, будьте вы прокляты!

Один из солдат ударил Гурни в солнечное сплетение, отчего у молодого человека перехватило дыхание и к горлу подступила тошнота. Голос Гурни пресекался, он не мог дышать. Перед глазами заплясали черные пятна. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем солдаты отпустили его.

Гурни приподнялся на локтях и увидел искаженное отчаянием лицо Бхет, которую солдаты Харконненов волокли в ночь.

Охваченный яростью, задыхающийся от собственного бессилия, Гурни поднялся на ноги, изо всех сил стараясь сохранить равновесие и не лишиться чувств. Он услышал, как взвыл дви-

гатель тюремной машины на площади. Фургон, осветив огнями окна таверны, с ревом взмыл в воздух и полетел в другую деревню за новыми пленниками.

Сквозь распухшие веки Гурни посмотрел на своих земляков. *Чужаки*. Он кашлянул и выплюнул на пол сгусток крови, вытер рукавом губы. Обретя голос, он заговорил:

– Ублюдки, что вы сидите, как сукины дети? Вы не шевельнули даже пальцем, чтобы помочь мне! – Отряхиваясь, он продолжал сверлить взглядом этих трусов. – Как вы могли допустить, чтобы они сделали все это? *Они же забрали мою сестру!*

Но эти люди оказались пугливыми, как овцы. Да, собственно говоря, они всегда были ими. Но теперь Гурни понял, что от них и нельзя ждать ничего иного.

Он презрительно плюнул в сторону этих баранов слюной, смешанной с кровью, подошел к двери и вышел на улицу.

Тайны – очень важный аспект власти. Умелый правитель распространяет секреты для того, чтобы держать людей в повиновении.

Принц Рафаэль Коррино. «Рассуждение о власти в галактической империи», двенадцатое издание

Человек с лисьей мордочкой стоял на балконе второго уровня своей Резиденции в Арракине, внимательно вглядываясь в обширное пространство атриума.

– Вы уверены, что они знают о нашем маленьком вечере, х-х-ма?

Губы человека потрескались от сухого воздуха, потрескались давно, много лет назад.

– Все ли персональные приглашения разосланы? Извещено ли население?

Граф Хазимир Фенринг повернулся к высокому стройному начальнику своей гвардии Джеральдо Уиллоубруку – мужчине с безвольным подбородком. Офицер, затянутый в красный с золотым шитьем мундир, в ответ утвердительно кивнул, шурясь от яркого света, лившегося сквозь призматические стекла окон, прикрытых защитными полями.

– Это будет грандиозный праздник, посвященный годовщине вашего пребывания здесь, сэр. У ворот дворца уже собираются толпы нищих.

– Х-х-х-ма, хорошо, очень хорошо. Моя жена будет довольна.

По нижнему этажу пробежал шеф-повар, кативший на кухню серебряный кофейный сервиз. В воздухе носились дразнящие ароматы экзотических супов и соусов, готовившихся для предстоящего празднества, на углях жарилось мясо животных, никогда не обитавших на Арракисе.

Фенринг крепко взялся за окантованные железом деревянные перила балюстрады. Сводчатый готический потолок, отделанный элакским деревом, уходил вверх на два этажа, заканчиваясь гигантской крестовиной и крышей из прозрачного плаза. Сам Фенринг, хотя и был силен и мускулист, не отличался высоким ростом и чувствовал себя карликом в этом исполинском зале. Он сам спроектировал потолок в этом зале и в зале трапез. Новое, восточное крыло также строилось по его вкусу – с элегантными комнатами для гостей и роскошными частными бассейнами.

Все десять лет своего пребывания на посту имперского наблюдателя этой пустынной планеты Фенринг постоянно занимался строительством. После изгнания из Кайтэйна и отлучения от двора Шаддама граф хотел во что бы то ни стало оставить после себя значимый след.

Из строящейся ботанической оранжереи, примыкавшей к покоям, которые Фенринг делил с леди Марго, доносились шум работающих механизмов и голоса рабочих. Они врезали замки в фигурные двери, устанавливали в нишах сухие фонтаны, украшали стены замысловатой геометрической мозаикой. По какой-то странной случайности одна из петель украшенной прихотливой резьбой двери оказалась похожей на руку Фатимы, любимой дочери древнего пророка Старой Земли.

Фенринг хотел было отпустить Уиллоубрука, когда тяжкий грохот потряс пол второго этажа. Вдоль закругленных стен холла второго этажа, мимо книжных шкафов бежали два человека. Из боковых помещений и шахт лифтов показались встревоженные любопытные лица слуг.

Овальная дверь оранжереи открылась, представив взору хаос из искореженных металлоконструкций и осколков плаза. Стоял невообразимый крик, сквозь который доносились голоса рабочих, звавших врачей. В помещении рухнула перегруженная грузовая платформа – не выдержали подвески. Фенринг мысленно поклялся примерно наказать виновного, как только закончится расследование. Пусть только ему укажут подходящих козлов отпущения.

Протолкнувшись сквозь толпу, Фенринг заглянул в оранжерею. Сквозь открытое металлическое обрамление крыши было видно лимонно-желтое небо. В переплетения металлических рам были вставлены только несколько кусков плаза, другие беспорядочной кучей валялись на полу. Когда граф заговорил, в его тоне слышалось нескрываемое недовольство.

– Несчастный случай, х-хм-ма? А я хотел вечером показать оранжерею гостям.

– Да, граф Фенринг, это несчастный случай, сэр, – произнес Уиллоубрук, глядя, как рабочие начинают разбирать завал металла и плаза.

Мимо пробежали врачи в униформе цвета хаки. Один занялся человеком с окровавленным лицом, которого только что извлекли из завала. Двое других помогали снять плиту плаза с других жертв. Главный исполнитель работ был раздавлен рухнувшей платформой насмерть. *Идиот*, подумал Фенринг. *Но он легко отделался, его счастье; парень будто знал, что я бы с ним сделал, останься он в живых.*

Фенринг взглянул на свои наручные часы. До прибытия гостей осталось два часа. Он повернулся к Уиллоубруку.

– Прекратите все работы и быстро все прикройте. Я не хочу, чтобы отсюда доносился шум во время вечера. Это произведет совершенно ненужное впечатление, не правда ли, хм-м-м? Мы с леди Марго разработали план празднеств до мельчайших деталей.

Уиллоубрук нахмурился, но счел за лучшее не возражать.

– Все будет сделано, сэр. Меньше чем за час.

Фенринг кипел. На самом деле ему не было никакого дела до экзотических растений, и поначалу он согласился на дорогостоящую переделку помещений только в виде уступки требованиям своей жены – Сестры Бене Гессерит – леди Марго. Она, правда, просила лишь устроить ей маленькие покои с зелеными растениями, но амбициозный Фенринг решил сделать нечто более помпезное. В оранжерею должны были свезти флору со всей империи.

Если, конечно, удастся ее когда-нибудь достроить.

Взяв себя в руки, Фенринг вышел в сводчатый вестибюль встретить Марго, которая только что вернулась из города после посещения рынка. Красивая женщина со светлыми, слегка выющимися волосами, светло-серыми глазами, безупречной фигурой, она была на целую голову выше мужа. Марго была одета в черную абу, подчеркивавшую формы изумительного тела. На черной ткани накидки резко выделялись пятна уличной пыли.

– Ты купила экзотскую репу, дорогая? – Граф алчно уставился на два тяжелых пакета, завернутых в толстую коричневую бумагу из волокон пряности, которые несла служанка. Услышав, что в космопорт прибыл галактический лайнер с купцами, Марго сразу поспешила на рынок, чтобы купить каких-нибудь экзотических фруктов. Фенринг попытался открыть один из пакетов, но Марго игриво ударила его по руке.

– Здесь все готово, дорогой?

– М-м-м-м, все идет гладко, – ответил он. – Но сегодня мы не сможем показать гостям твою оранжерею. Там слишком большой беспорядок.

Ожидая гостей, которые должны были начать прибывать к заходу солнца, леди Марго Фенринг встала в атриуме, украшенном портретами падишахов-императоров, начиная с генерала Фэйкана Коррина, героя Джихада. Здесь были портреты просвещенного правителя кронпринца Рафаэля Коррино, Фондила III Охотника и его сына императора Эльруда IX.

В центре атриума высилась золотая статуя царствующего императора Шаддама IV в форме сардаукара при всех регалиях с поднятым ритуальным мечом. Этот дорогой подарок император сделал своим подданным по случаю десятилетия своего восшествия на престол. Вокруг Резиденции находились и другие статуи, которые император подарил супругу Марго, своему бывшему другу детства. Хотя во время восшествия Шаддама на престол два друга поссорились, однако по прошествии времени они снова сблизились.

Сквозь двойную дверь с защитным экраном от пыли начали входить гости – дамы в изысканных нарядах и мужчины в черных костюмах, сшитых по последжихадной моде, или в военных мундирах разных цветов. Сама Марго была одета в длинное платье из шелковой тафты с корсажем, украшенным изумрудными блестками.

Ливрейный лакей выкрикивал имена гостей, после чего их приветствовала Марго. После приветствия гости направлялись в Большой Зал, откуда уже доносились взрывы смеха, оживленные разговоры и звон бокалов. Артисты из Дома Жонглеров показывали фокусы и пели остроумные песенки в честь десятилетия пребывания Фенринга на Арракисе.

Супруг Марго сошел вниз по лестнице со второго этажа. Граф Фенринг был одет в темный старомодный костюм с алой королевской лентой через плечо. Наряд был сшит на Бифкаре специально по случаю праздника. Марго наклонилась, чтобы муж мог поцеловать ее в губы.

– Теперь иди в зал и развлекай гостей, пока барон не успел вмешаться во все разговоры.

Легким пружинистым шагом Фенринг направился в зал, избегнув взгляда небрежно одетой герцогини с одной из подчиненных Коррино планет; герцогиня незаметно провела над бокалом индикатором ядов, потом спрятала приспособление в карман бального платья и пригубила вино.

Марго видела, как ее муж подошел к камину и вступил в разговор с бароном Владимиром Харконненом, держателем сиридарского фьефа – Арракиса с его богатой монополией на пряность. Свет пылающего огня, усиленный специальными призмами, окрашивал в красноватый цвет одутловатое лицо барона, придавая ему зловещий вид. Выглядел барон неважно.

За те годы, что провели здесь Марго и ее муж, Владимир Харконнен не раз приглашал их в свое Убежище или на гладиаторские представления рабов, вывезенных с Гьеди Первой. Он был опасным человеком, этот барон, и слишком много мнил о себе. Сейчас барон опирался на золоченую трость, набалдашник которой был выполнен в виде пасти гигантского песчаного червя Арракиса.

Марго видела, что здоровье Владимира Харконнена сильно ухудшилось за прошедшие десять лет; барон страдал таинственным нервно-мышечным заболеванием, которое к тому же вызывало сильную прибавку в весе. От Сестер Бене Гессерит она знала, отчего возник этот физический недуг и каким образом он был причинен барону после того, как он изнасиловал Преподобную Мать Гайус Элен Мохиама. Сам барон, впрочем, даже не догадывался о происхождении своей болезни.

Но вот в поле зрения Марго попала и эта дорогая гостья – сама Мохиама. Седовласая Преподобная Мать была одета в черную абу с украшенным бриллиантами воротом. Увидев Марго, она улыбнулась в знак приветствия, не разжимая плотно сжатых тонких губ. Едва заметными движениями пальцев она передала Марго сообщение и задала вопрос: «Какие новости для Верховной Матери Харишки? Сообщи подробности. Мне надо отправить ей доклад».

Марго ответила на том же тайном языке: «Наметился прогресс в деле Защитной Миссии, хотя это только ничем не подтвержденные слухи. Пропавшие Сестры до сих пор не найдены. Возможно, все они мертвы».

Мохиам не выразила удовольствия по этому поводу. Она и сама когда-то работала в Защитной Миссии, этом бесценном подразделении Ордена Бене Гессерит, занимаясь насаждением суеверий на отдаленных планетах. В молодые годы Мохиам провела здесь несколько десятилетий, притворяясь местной городской жительницей, распространяя нужную информацию и укрепляя суеверия, полезные для Бене Гессерит. Самой Мохиам так и не удалось проникнуть в закрытое фрименское сообщество, но в течение нескольких столетий многие другие Сестры уходили в отдаленные районы пустыни, смешиваясь там с фрименами. Все они исчезли.

Хотя Марго жила на Арракисе в качестве супруги графа, ее попросили поддержать тайную деятельность Защитной Миссии. Пользуясь этим положением, она слышала неподтвержденные сообщения Преподобных Матерей. Доходили до нее и слухи о религиозных ритуалах, отправляемых по обычаям Бене Гессерит среди местных племен. В одном сиече была священная женщина; в городской кофейне удалось подслушать рассказ запыленного путника о мессианской легенде, явно внушенной «Доспехами пророка». Но вся эта информация не исходила непосредственно от фрименов. Народ пустыни, как и вся его планета, казался совершенно непроницаемым.

Может быть, фримены убили женщин Бене Гессерит и забрали их воду.

«Эти другие были скорее всего поглощены песками», – продолжала свой рассказ Марго, пользуясь языком пальцев.

«Тем не менее постарайся их найти».

Дав понять едва заметным кивком, что разговор окончен, Мохиам направилась к боковой двери.

– Рондо Туэк, – крикнул лакей, – торговец водой.

Обернувшись, Марго увидела широколицего, но худощавого и жилистого человека, который пересекал фойе странной катящейся походкой. По бокам его головы виднелись клочки ржаво-рыжих волос, на темени они были очень редкими; широко посаженные серые глаза. Марго шагнула вперед, чтобы поздороваться с этим гостем.

– Ах вы, контрабандист!

Впалые щеки Туэка потемнели, он погрозил Марго пальцем, как грозит учитель расшалившемуся ученику, его широкоскулое лицо расплылось в улыбке.

– Я поставщик воды, которую добываю из льда полярных шапок.

– Не будь ваша семья такой трудолюбивой, империя давно бы развалилась.

– Миледи, вы слишком добры ко мне. – С этими словами Туэк поклонился и прошел в Большой Зал.

У ворот Резиденции собралась толпа бедняков и нищих в ожидании редких милостей со стороны графа. Пришли и просто зеваки поглазеть на нищих и на роскошный фасад каменного дворца. Продавцы воды в традиционных пестрых одеждах звонили в свои колокольчики и выкрикивали загадочные слова: «Су-су-сук!» Охрана – переодетые по такому случаю в имперскую форму солдаты Харконненов – стояла у входа, отгоняя назойливых зевак и очищая дорогу приглашенным. Словом, на площади перед Резиденцией происходило настоящее представление.

Когда прибыли последние из приглашенных гостей, Марго бросила взгляд на хронометр, вделанный в стену над входом, часы были украшены механическими фигурками и филигранными колокольчиками. Гости опоздали почти на полчаса. Марго поспешила к мужу и что-то прошептала ему на ухо. Он послал слугу к Жонглерам, и те смолкли – это был сигнал, которого ждали все гости.

– Позвольте мне привлечь ваше внимание, хм-м-м? – провозгласил Фенринг. – Мы приглашаем всех в Обеденный Зал.

По традиции шествие замыкали идущие рука об руку граф и графиня.

По обе стороны от входа в Обеденный Зал стояли бассейны для умывания, украшенные мозаичными изображениями гербов Коррино и Харконненов в соответствии с их политической значимостью. Гербы Дома Ришезов, бывших властителей Арракиса, были тщательно вырезаны, а на их месте теперь красовались грифоны баронского Дома Харконненов. Гости останавливались у бассейнов, погружали руки в воду, брызгали на пол, вытирали руки и бросали полотенца в общую растущую кучу.

Этот обычай предложил барон Владимир Харконнен, чтобы показать, что правитель не заботится о количестве воды и не бережет ее. Это был оптимистичный намек на богатство. Фенрингу понравилась идея, и обычай был установлен – однако не без благодушного жеста: леди Марго увидела в этом способ помочь нищим, причем совершенно символическим путем. С согласия мужа всем было объявлено, что по окончании любого банкета все нищие могут собраться у ворот и, получив полотенца, унести с собой столько воды, сколько они смогут из них выжать.

Чувствуя, как по вымытым холодной водой рукам бегут мурашки, леди Марго вместе с мужем вошла в Обеденный Зал. На стенах висели древние ковры. Под потолком на одинаковой высоте плавали светильники, настроенные на одну и ту же желтую частоту спектра. Прямо над столом нависала люстра из сине-зеленого хагальского кварца, в цепь был вмонтирован мощный индикатор ядов.

Армия лакеев отодвигала стулья, помогая гостям рассаживаться по местам, после чего те же лакеи накрывали салфетками колени гостей. Кто-то споткнулся и уронил на пол хрустальное блюдо со стола, которое разлетелось на тысячу сверкающих осколков. Слуги торопливо убрали осколки и заменили блюдо. Присутствующие сделали вид, что ничего не заметили.

Марго, сидя у подножия стола, благосклонно смотрела на планетолога Пардота Кинеса и его двенадцатилетнего сына, которые заняли предписанные места по обе стороны от хозяйки. Марго была немало удивлена тем, что этот человек пустыни принял ее приглашение. Она надеялась понять, правду ли говорят о нем многочисленные слухи. По опыту она знала, что такие вечера славятся сплетнями и полным отсутствием искренности, хотя некоторые вещи не могли ускользнуть от тренированного внимания наблюдателя, прошедшего Школу Бене Гессерит. Марго внимательно взглядела в поджарого мужчину, обратила внимание на заплатку на воротнике его серой рубашки и на сильную линию челюсти, прикрытой песочного цвета бородой.

На два места дальше сидела Преподобная Мать Мохиа. Хазимир Фенринг занял место во главе стола, усадив по правую руку барона Харконнена. Зная, насколько ненавидят друг друга барон и Мохиа, Марго посадила их как можно дальше друг от друга.

Фенринг щелкнул пальцами, и слуги внесли в зал подносы с кусками экзотических блюд. Обходя столы, они смотрели на карточки и накладывали еду в тарелки.

– Спасибо вам за то, что вы пригласили нас, леди Фенринг, – сказал сын Кинеса, глядя в глаза Марго. Планетолог представил сына как Вейчиха, что означает «любимый». Марго видела сходство, хотя в глазах Кинеса-старшего застыло мечтательное выражение, а взгляд сына, воспитанного в традициях народа пустыни, отличался большей жесткостью.

Она улыбнулась мальчику.

– Один из наших поваров – городской фримен. Он приготовил для гостей особое блюдо сietetей – пироги с пряностью, медом и кунжутом.

– Фрименская кухня выходит на имперский уровень? – с кривой усмешкой поинтересовался Пардот Кинес. Было похоже, что этот человек считает еду лишь средством поддержания жизни и рассматривает формальные обеды как досадное отвлечение от других, более важных дел.

– Кухня – это дело... вкуса. – Марго тщательно и дипломатично подбирала слова. Она отвела глаза.

– Я воспринимаю это как «нет», – сказал Кинес.

Высокая наемная официантка, неся бутылку с узким горлышком, переходила от гостя к гостю, разливая по бокалам голубоватое вино с пряностью. К всеобщему удивлению, слуги внесли в зал и поставили на стол блюдо с целой рыбой, украшенной баззелскими устрицами. Даже богатейшие жители Арракина не могли позволить себе часто есть дары морей.

– Ах! – восторженно воскликнул Фенринг на другом конце стола, когда слуга поднял крышку блюда. – Как я наслажусь этой эказской репой! Спасибо, моя дорогая.

Слуга полил овощи ароматным темным соусом.

– Никакие издержки не кажутся чрезмерными ради таких дорогих гостей, – произнесла Марго.

– Позвольте мне сказать вам, почему эти овощи так дороги, – заговорил со своего места дипломат с Эказа, чем привлек всеобщее внимание. Биндикк Нарви был маленьким человечком с низким громоподобным голосом. – Порча посевов уменьшила наши поставки на планеты империи, причем уменьшила просто катастрофически. Мы называем эту напасть «грумманской болезнью».

Дипломат тяжелым взглядом посмотрел на посла Груммана, огромного, много пьющего мужчину с морщинистым смуглым лицом.

– Мы обнаружили также признаки биологической диверсии в лесах туманных деревьев на континенте Элакка.

Туманные деревья славились тем, что направление их роста можно было контролировать силой мысли; из этих деревьев создавали самые прославленные в империи деревянные скульптуры.

Несмотря на свой исполинский рост, посол Дома Моритани, Лупино Орд, оказался обладателем писклявого голоса:

– Эти эказцы снова симулируют неурожай, чтобы спровоцировать рост цен. Это же древний трюк, который вы применяли еще до того, как ваши вороватые предки были за свои хорошие дела изгнаны со Старой Земли.

– Этого вообще никогда не было...

– Джентльмены, прошу вас, – попытался остановить перепалку Фенринг. Грумманцы славились своей вспыльчивостью. Они были готовы вступить в драку по самому ничтожному поводу. Фенринг находил все это глупым и скучным. – Не сделали мы ошибку, рассаживая гостей, дорогая?

– Может быть, мы ошиблись, составляя список гостей? – отпарировала Марго.

Гости вежливо, испытывая неловкость, рассмеялись. Спорщики умолкли, продолжая, однако, сверлить друг друга злыми взглядами.

– Так приятно видеть здесь нашего выдающегося планетолога и его юного сына, – елейным тоном заговорил барон Владимир Харконнен. – Какой красивый парень. Кажется, вы самый молодой из всех гостей.

– Для меня большая честь находиться в столь блестящем обществе, – ответил мальчик.

– Я слышал, что вас воспитывают как последователя вашего отца, – продолжал барон, но Марго уловила сарказм под елеем. – Не знаю, что бы мы стали делать без планетолога.

На самом деле Кинеса очень редко видели в Арракине и не требовали обязательных донесений для императора. Собственно говоря, Шаддам и сам не очень интересовался изысканиями своего планетолога. Марго слышала от мужа, что император занят сейчас совсем другими делами, правда, никто не мог сказать, какими именно.

Глаза молодого человека вспыхнули. Он поднял бокал с водой.

– Могу ли я предложить тост за наших хозяина и хозяйку?

Пардот Кинес удивленно взглянул на сына, словно только сейчас поняв, что следовало соблудности светские приличия.

– Прекрасная мысль, – поддержал мальчика барон Владимир Харконнен. Речь его была несколько смазанной, что Марго приписала слишком усиленному потреблению вина с пряно-стью.

Прежде чем отхлебнуть воды из бокала, мальчик твердым голосом провозгласил тост:

– Пусть богатство, которое вы демонстрируете нам едой и обилием воды, будет лишь бледным отражением богатства ваших душ.

Гости шумно одобрили тост, хотя Марго заметила в глазах многих из них алчный блеск. Планетолог, поколебавшись, все же решил высказать то, что было у него на уме, и заговорил, когда стих звон бокалов:

– Граф Фенринг, мне известно, что у вас в Резиденции строится поливная оранжерея. Мне было бы очень интересно на нее взглянуть.

Марго внезапно поняла, почему Кинес принял приглашение, ту причину, которая привела его в Арракин из пустыни. Одетый в простую рубашку и поношенные бриджи, в наброшенной на плечи песчаного цвета накидке, он был больше похож на грязного фримена, чем на имперского служащего.

– Вы вывели этот маленький секрет, хм-ма? – Фенринг с явным неудовольствием поджал губы. – Я хотел сегодня показать гостям эту оранжерею, но ввиду некоторых обстоятельств этот показ стал невозможен. Вероятно, я сделаю это в другой раз.

– Содержа частную оранжерею, не станете ли вы выращивать растения, недоступные народу Арракиса? – спросил юный Вейчих.

– *Пока*, – тихо буркнул Пардот Кинес.

Марго, однако, расслышала это слово. Стало ясно, что было бы ошибкой недооценивать этого невзрачно одетого человека и даже его сына.

– Несомненно, это восхитительная цель – собрать растения со всей империи, – терпеливо ответила Марго. – Я рассматриваю это как показ того, что может предложить вселенная, а не того, в чем нуждаются люди и чего они лишены.

Пардот обратился к сыну тихим, но твердым голосом:

– Мы пришли сюда не для того, чтобы навязывать другим свои взгляды.

– О, напротив, прошу вас, изложите нам свои взгляды, – запротестовала Марго, стараясь не замечать оскорбительных выпадов, которыми продолжали обмениваться послы Эказа и Груммана. – Мы не обидимся, уверяю вас.

– Да, – подал голос импортер оружия из Карфага, сидевший у середины стола. Его пальцы были унижены таким количеством перстней, что он с трудом шевелил руками. – Расскажите нам об образе мыслей фрименов. Мы все хотим это знать.

Кинес неторопливо кивнул.

– Я прожил с ними бок о бок много лет. Для того чтобы понять их, вам для начала придется осознать, что все их мышление основано на идее выживания. Они ничего не выбрасывают. Все сохраняется и используется повторно.

– Вплоть до последней капли воды, – заговорил Фенринг. – Они добывают воду даже из умерших, хм-м-м.

Кинес посмотрел на сына, потом перевел взгляд на Марго:

– Кстати, ваша оранжерея потребует огромного количества столь драгоценной влаги.

– Это правда, но как имперский наблюдатель я волен поступать со здешними природными ресурсами по своему усмотрению, – со значением сказал Фенринг. – Я готов потратить на оранжерею моей супруги любые деньги.

– Никто не собирается оспаривать ваши права. – Голос Кинеса не дрогнул, оставшись таким же твердым, как Защитный Вал. – И я, между прочим, планетолог императора Шаддама, как был планетологом императора Эльруда Девятого. Мы все исполняем здесь свой долг, граф

Фенринг. Вы не услышите здесь из моих уст речей на экологические темы, я просто ответил на вопрос вашей супруги.

– Хорошо, планетолог, тогда расскажите нам то, чего мы не знаем об Арракисе, – сказал барон, глядя в стол. – Вы провели на этой планете достаточно долгое время. Здесь погибло гораздо больше моих людей, чем во всех остальных владениях Харконненов вместе взятых. Гильдия даже не может снабдить меня необходимым количеством метеорологических спутников, чтобы осуществлять наблюдения за погодой и давать достоверные прогнозы. Это, пожалуй, самое страшное.

– Да, а если вспомнить о пряности, то Арракис – самая выгодная планета, – добавила Марго, – особенно для вас, дорогой барон.

– Эта планета сопротивляется тем, кто хочет ее понять, – сказал Кинес. – И мне не хватит моей короткой жизни, чтобы до конца понять, что на ней происходит. Но одно я могу сказать твердо: мы должны научиться жить с пустыней, а не воевать с ней.

– Фримены ненавидят нас? – спросила герцогиня Каула, кузина императора. В ожидании ответа она застыла, не донеся до рта вилку со сладким хлебом, приправленным бренди.

– Они живут очень замкнуто и не доверяют чужакам не фрименам. Но при всем том, это правдивый, прямодушный народ со своим кодексом чести, который не в состоянии до конца понять ни один человек, сидящий за этим столом, включая и меня самого.

Вскинув брови, Марго задала следующий вопрос, приготовившись наблюдать за реакцией Кинеса:

– Верно ли то, что, как мы слышали, вы тоже стали одним из фрименов, планетолог?

– Я остаюсь верным слугой императора, миледи, хотя нам всем есть чему поучиться у фрименов.

За столом поднялся шум. В разных местах вспыхивали громкие споры. Слуги начали разносить десерт.

– У нашего императора до сих пор нет наследника-мужчины, – заговорил вдруг Лупино Орд, посол Груммана. Низкий голос тщедушного человечка приобрел визгливые нотки. Посол был уже основательно пьян. – У него только две дочери – Ирулан и Шалис. Не очень-то много стоят эти женщины...

Он обвел присутствующих злобным взглядом своих угольно-черных глазок, встретив неодобрение присутствующих дам, но не смог остановиться:

– Но если у Дома Коррино не будет наследников, то он может уйти с дороги, уступив место другому Великому Дому.

– Если он проживет столько же, сколько Эльруд, то у Шаддама в запасе еще добрая сотня лет, – парировала Марго. – Может быть, вы не слышали об этом, но леди Анирул снова ждет ребенка.

– Мои обязанности иногда отвлекают меня от потока придворных новостей, – признал Орд и поднял бокал. – Будем надеяться, что следующий отпрыск императора окажется мальчиком.

– Послушайте, что он говорит, – раздалось сразу несколько голосов с разных концов стола.

Однако эказский дипломат Биндикк Нарви отреагировал на тираду Орда непристойным жестом. Марго слышала о вражде между эрцгерцогом Армандом Эказом и виконтом Моритани Грумманским, но не могла представить себе, что она так далеко зашла. Да, напрасно она посадила двух врагов на таком опасно близком расстоянии.

Орд схватил бутылку с голубым вином и налил себе полный бокал, прежде чем это успел сделать слуга.

– Граф Фенринг, у вас в доме я вижу множество картин, статуй и бюстов, изображающих особу нашего императора. Действительно ли сам император Шаддам тратит столь огромные суммы для такого самовосхваления? Это расточительство проникло во все уголки империи.

– И находятся люди, которые пачкают его изображения или разбивают статуи, – фыркнув, сказал карфагский импортер оружия.

Думая о планетологе и его сыне, Марго выбрала с подноса сладкое мелианжевое печенье. Вероятно, гости не знают *других* слухов о том, что во все эти великодушные дары императора вмонтированы камеры для подслушивания и видеозаписи – владыка желал знать, что происходит в пределах его империи, какими мыслями заняты умы подданных. Вот, например, декоративная тарелка, висящая на стене за спиной Лупино Орда.

– Шаддам желает утвердиться в наших глазах как правитель, – пустился в объяснения Фенринг. – Я знал его много лет. Он хочет отмежеваться от политики, которую проводил его отец, правивший нескончаемо долгий срок.

– Возможно, но он пренебрегает боевой подготовкой сардаукаров, в то время как его генералы... Кстати, как они называются?

– Бурсеги, – подсказал кто-то.

– Да, его бурсеги получают чины, деньги и пожалования. Дух сардаукаров вследствие этого падает, так как им приходится выполнять все более сложные задачи при уменьшающихся ресурсах.

Марго заметила, что ее муж стал угрожающе спокойным. Сузив свои огромные глаза, Фенринг презрительно смотрел на глупого пьяницу.

Какая-то женщина наклонилась к уху посла Груммана и что-то шепнула. Посол провел пальцем по краю бокала и сказал:

– Да, да, я прошу прощения, что говорю вещи, очевидные для большинства присутствующих, которые так хорошо знают императора.

– Ты полный идиот, Орд, – крикнул Нарви, давно дожидавшийся случая оскорбить врага.

– А ты – дурак и мертвец.

Посол Груммана вскочил на ноги, отшвырнув стул, на котором сидел. Двигался Орд легко и ловко, опьянение было притворным, призванным спровоцировать посла Экази.

Лупино Орд выхватил пистолет, стрелявший режущими дисками, и, разразившись визгливыми ругательствами, несколько раз разрядил его в Нарви. Не было ли это заранее спланированным убийством? Диски разрезали на части тело Нарви, практически отделив голову от туловища, причинив смерть раньше, чем подействовал яд, которым были смазаны режущие диски.

Гости с криками разбежались в разные стороны, попрятавшись по углам. Слуги скрутили посла Груммана, отняв у него смертоносное оружие. Марго застыла на месте, прикованная к креслу больше изумлением, нежели испугом. *Что я упустила? Как далеко зашла вражда между Эказом и Домом Моритани?*

– Заприте его в подземном туннеле, – приказал Фенринг. – Охране не спускать с него глаз.

– Но у меня дипломатический иммунитет, – визгливо запротестовал посол. – Вы не смеете меня задерживать.

– Никогда не думай о том, что я смею. – Граф бесстрастно оглядел лица потрясенных гостей. – Я мог бы позволить любому из присутствующих наказать тебя, воспользовавшись *его* иммунитетом, не правда ли, хм-м?

Фенринг махнул рукой, и стража потащила упиравшегося посла в подвал дожидаться охраняемого транспорта на Грумман.

Мимо пробежали те же медики, которых Фенринг видел сегодня утром во время аварии в оранжерее. Ясно, что они ничем не смогли помочь убитому на месте послу Экази.

Сколько трупов, удивленно подумал Фенринг. Самое странное, что я не причастен ни к одной из этих смертей.

– Хм-м-ма, – обратился он к стоявшей рядом жене, – боюсь, что это станет причиной международного скандала. Эрцгерцог Эказа просто обязан подать жалобу, и неизвестно, как отреагирует на это виконт Моритани.

Потом Фенринг приказал слугам убрать из зала тело Нарви. Многие гости тем временем сбежали в соседние помещения.

– Надо ли позвать гостей назад? – Фенринг сжал запястье жены. – Мне не нравится, что вечер кончается таким прискорбным образом. Может быть, вызвать Жонглеров, пусть повеселят публику своими забавными историями.

К супружеской чете подошел барон Харконнен, опиравшийся на трость, украшенную головой червя.

– Этот инцидент в вашей юрисдикции, граф Фенринг, а не в моей, так что вам самому придется послать донесение императору.

– Я позабочусь об этом, – с вызовом ответил граф. – Я как раз по другому поводу собираюсь на Кайтэйн и заодно сообщу императору все необходимые в таких случаях подробности. И нужные оправдания.

Во дни Старой Земли жили специалисты по ядам, дьявольски умные люди, занимавшиеся приготовлением «порошков наследства».

Выдержка из фильмотеки императорского хранилища в Кайтэйне

Излучая гордость, придворный канцлер Беели Ридондо вошел в императорские покои.

– Ваше императорское величество, у вас дочь. Ваша супруга только что разрешилась от бремени красивой здоровой девочкой.

Не выказав никакой радости, император Шаддам IV выругался сквозь зубы и отослал канцлера прочь. *Так, их уже три! Что мне пользы от этой новой дочери?*

Настроение было поганым, хуже, чем тогда, когда он убирал с Трона Золотого Льва своего дряхлого отца. Быстрым шагом Шаддам прошел в свой личный кабинет, пройдя под древним щитом с надписью: «Закон – конечное воплощение знания», одной из бессмыслиц кронпринца Рафаэля Коррино, человека, который ни разу в жизни не удосужился хотя бы примерить императорскую корону. Закрыв и заперев за собой дверь, Шаддам бросил свое угловатое тело на обтянутое набивной тканью подвесное кресло с высокой спинкой.

Будучи человеком среднего роста, Шаддам обладал ловким мускулистым телом и орлиным носом. Длинные ногти были тщательно ухожены, а напомаженные рыжие волосы аккуратно зачесаны назад. На императоре был надет мундир сардаукара с эполетами и серебристо-золотыми галунами, однако военная форма не приносила, как когда-то, успокоения и чувства комфорта.

Шаддама многое беспокоило и помимо рождения не нужной ему дочери. Недавно, на гала-концерте, устроенном на пологом на перевернутую пирамиду стадионе в Хармонтепе, кто-то из зрителей выпустил в воздух надутое изображение Шаддама IV. Непристойно оскорбительная карикатура делала императора похожим на фигляра. Грубо размалеванный воздушный шар плыл над хохочущей толпой до тех пор, пока драгуны не расстреляли его и он не упал на землю пылающими пестрыми кусками, и каждый дурак мог увидеть в этом акте расстрела зловещий символ! Несмотря на самое тщательное расследование и аресты, никто, даже самые изощренные военные следователи, не смог докопаться до того, кто изготовил и выпустил карикатурный воздушный шар.

Был еще один случай, когда на гранитной стене Памятного Каньона в честь Канидара II появилась надпись из стометровых букв: «Шаддам, хорошо ли держится корона на твоей

маленькой головке?» На многих планетах, рассеянных по империи, неизвестные стирали лица с памятников. Никто так и не нашел злоумышленников.

Кто-то ненавидел его достаточно сильно, чтобы делать это. *Кто-то*. Этот проклятый вопрос грыз его императорское сердце вместе с другими неприятностями... включая неожиданный угрожающий визит Хазимира Фенринга, который сообщил о продвижении работ по созданию тлейлаксами синтетической пряности.

Проект «Амаль».

Начатый еще в правление отца, этот проект был настолько секретным, что о нем знали всего несколько человек. Этот самый охраняемый от посторонних глаз и ушей секрет был, пожалуй, самым главным в империи. Если он осуществится, то Дом Коррино получит в свое распоряжение неиссякаемый источник синтетической пряности – самого дорогостоящего вещества во всей вселенной. Но эти проклятые экспериментаторы все никак не могли добиться окончательного результата, годы шли, а пряности не было. С каждым месяцем ситуация казалась императору все более и более безнадежной.

А теперь еще третья дочь, будь она проклята! Он даже не знал, когда даст себе труд, если вообще даст, взглянуть на этого злополучного ребенка.

Шаддам скользнул взглядом по обитой панелями стене, задержался на стенном шкафу, в котором рядом с толстым фолиантом описаний мировых катастроф стоял голографический портрет Анирул в свадебном платье. У нее были большие, как у газели, глаза, при ярком свете они казались светло-карими, когда становилось темнее, глаза меняли цвет. Этот взор что-то скрывал. Надо было раньше обратить на это внимание.

Эта Сестра Бене Гессерит «скрытого ранга» в третий раз не смогла произвести на свет мальчика, наследника престола, а у Шаддама не было никакого плана на случай такого развития событий. Кровь бросилась ему в лицо. Он в любой момент мог оплодотворить любую из своих наложниц в надежде, что хотя бы одна из них родит сына, но поскольку он был связан с Анирул законным браком, могли возникнуть осложнения с возведением бастарда в ранг наследника императорского трона.

Можно было бы убить Анирул и взять другую жену – отец проделывал этот трюк множество раз, но Шаддам боялся навлечь на себя гнев Общины Сестер Бене Гессерит. Все бы разрешилось, если бы Анирул наконец подарила ему сына, которого он смог бы объявить наследником престола.

Столько месяцев напряженного ожидания, и вот...

Он слышал, что ведьмы могут произвольно выбирать пол будущего ребенка, каким-то образом воздействуя на обмен веществ; рождение еще одной дочери могло быть не случайным. Орден Бене Гессерит обманул его, подсунав ему Анирул. Как они осмелились сделать такое императору миллиона миров? Какие истинные цели преследует Анирул при его дворе? Не собирает ли она компрометирующий его материал, чтобы потом заняться банальным шантажом? Надо ли отослать ее?

Постучав ручкой о полированную столешницу, выполненную из элакского дерева с кроваво-красными вкраплениями, Шаддам воззрился на голографическое изображение своего деда, Фондила III, по прозвищу Охотник, присвоенному ему за невероятную способность подавлять в зародыше любой бунт. Боялись Фондила и его собственные домочадцы. Хотя старик умер задолго до рождения Шаддама, внук был хорошо осведомлен о нраве и методах деда. Если бы Фондиль столкнулся с таким вызывающим поведением жены, то нашел бы способ избавиться от нее...

Шаддам нажал кнопку, вмонтированную в стол, и в кабинет вошел личный канцлер. Ридондо поклонился, показав повелителю блестящее лысиной темя.

– Сир?

– Я хочу видеть Анирул сейчас. Здесь.

– Леди пребывает в постели, сир.

– Не заставляй меня повторять приказы дважды.

Не говоря больше ни слова, Ридондо медленным паукообразным движением исчез за деревянной боковой дверью.

Несколько мгновений спустя в кабинете появилась бледная, надушенная сверх всякой меры фрейлина. Она заговорила дрожащим от страха голосом:

– Мой император, леди Анирул желает, чтобы я засвидетельствовала, что она лежит в постели, ослабев от рождения вашего ребенка. Она нижайше просит вашего разрешения остаться лежать. Не соблаговолите ли вы сами навестить свою жену в ее спальне?

– Ясно. Она нижайше просит? Мне совершенно неинтересно видеть еще одну совершенно бесполезную дочь или выслушивать ненужные извинения. Это приказ императора: Анирул должна немедленно явиться сюда. Она должна сделать это сама без помощи фрейлин и служанок или какого-либо механического устройства. Это вам понятно?

Если повезет, то она умрет по дороге.

Охваченная ужасом фрейлина низко поклонилась.

– Как прикажете, сир.

И вот серовато-бледная Анирул стоит в дверях кабинета, обхватив руками пузатую колонну. На леди надета измятая накидка, из-под которой виднеется нижнее белье. Хотя Анирул пошатывается от слабости, императрица высоко держит голову.

– Что ты можешь мне сказать? – без околичностей приступил к допросу Шаддам.

– У меня только что были трудные роды, и я очень слаба.

– Прости, прости. Но ты достаточно умна, чтобы понять, о чем я спрашиваю. Во всяком случае, у тебя хватало ума морочить мне голову на протяжении всех прошедших лет.

– Морочить тебе голову? – Она несколько раз моргнула своими антилопьиными глазами, глядя на мужа, как на сумасшедшего. – Простите меня, ваше величество, но я очень устала. Почему вы так жестоки, что вызываете меня сюда и не хотите при этом даже взглянуть на нашу дочь?

Губы Шаддама побелели, словно от них отхлынула вся кровь. Глаза его потеряли всякое выражение.

– Потому что ты могла подарить мне сына, но не захотела.

– Это неправда, ваше величество. Вы верите пустым слухам.

Анирул потребовалась вся выучка Ордена Бене Гессерит, чтобы устоять на ногах.

– Я верю не слухам, а донесениям разведки. – Император так широко раскрыл глаза, разглядывая супругу, словно хотел рассмотреть ее в мельчайших подробностях. – Ты хочешь умереть, Анирул?

До императрицы дошло, что он действительно может ее убить. *Конечно, между нами нет любви, но рискнет ли он навлечь на себя гнев Бене Гессерит, избавившись от меня таким способом?* Во время своего восшествия на престол Шаддам дал согласие на брак с Сестрой Бене Гессерит, чтобы укрепить свое положение в нестабильном политическом мире, усилив себя союзом с Орденом. Теперь, двенадцать лет спустя, Шаддам почувствовал, что его позиции сильны и без этого союза.

– Каждый человек когда-нибудь умирает, – ответила она.

– Но не таким образом, каким ты умрешь от моей руки.

Анирул постаралась не выказать эмоций, напомнив себе, что она не одинока, что в ее душе присутствует коллективная память множества Сестер Бене Гессерит, которые были до нее и остались в Другой Памяти. Голос ее продолжал оставаться удивительно спокойным:

– Мы не сложные, злокозненные ведьмы, какими нас многие представляют.

Это не было правдой, но Шаддам мог возразить ей только на основе своих подозрений, точных знаний у него не было и не могло быть.

Однако гнев Шаддама не остыл.

– Что для тебя важнее – твои Сестры или я?

Она недовольно покачала головой.

– Вы не имеете права спрашивать меня о таких вещах. Я никогда не давала вам повода сомневаться в моей верности короне.

Гордо вскинув голову, Анирул напонила себе о своем выдающемся положении в длинной истории Ордена. Она никогда не признается супругу, что получила от Общины Сестер тайный приказ ни в коем случае не рожать сына для Дома Коррино. Мудрость Сестер зазвучала в ее сознании. *Любовь ослабляет. Она опасна, поскольку затмевает разум и отвращает нас от нашего долга. Любовь – это aberrация, немилость, непростительное заблуждение. Мы не можем и не должны любить.*

Анирул постаралась направить гнев Шаддама в другое русло.

– Примите свою дочь, сир, ибо она поможет вам сementировать необходимые политические союзы. Мы должны подумать о ее имени. Как вам нравится Венсия?

С внезапной тревогой она вдруг ощутила влагу между ног. Кровь? Разошлись швы? На ковер упало несколько алых капель.

Анирул заметила, как он бешеным взглядом уставился на ее ноги. Ярость снова исказила черты лица императора.

– Этот ковер служил нашей семье столетиями!

Не показывай ему слабость. Он – животное, и нападет, как только ее почувствует. Он спасует только перед силой. Она медленно повернулась, дав еще нескольким каплям упасть на ковер, потом, шатаясь, пошла к выходу.

– Зная историю Дома Коррино, думаю, что на этот ковер кровь проливали и раньше.

Говорят, что нет ничего прочного, уравновешенного, ничего продолжительного во всей вселенной – что ничто не остается в своем исходном состоянии, что каждый день, каждый час, каждый момент происходят изменения.

«Доспехи пророка» Бене Гессерит

На краю длинного дока, выступающего далеко в море от изрезанного берега, над которым возвышался замок Каладан, четко вырисовываясь на фоне воды, стоял высокий человек. У него было удлиненное оливково-смуглое лицо и нос с высокой горбинкой, делавший своего владельца похожим на ястреба.

В море виднелась флотилия рыбацких лодок, только что отплывших от берега кильватерной колонной. Рыбаки в теплых толстых свитерах, куртках и вязаных шапочках сутились на палубах, готовя снасти. Из труб домов прибрежной деревни поднимались столбы дыма. Местные жители называли деревню «старым городом», это было место старого поселения, возникшего здесь за много столетий до того, как на равнине позади Замка были построены красивая столица и космопорт.

Герцог Лето Атрейдес, одетый в линялые синие брюки и белую рубашку, украшенную красным ястребом герцогского герба, глубоко вдохнул бодрящий соленый морской воздух. Хотя он был главой Дома Атрейдесов, представлял Каладан в Ландсраде и в императорском совете, Лето любил подниматься рано вместе с рыбаками, со многими из которых был коротко и близко знаком. Иногда они приглашали его в свои дома, и, несмотря на возражения начальника охраны, Туфира Гавата, который не доверял никому, герцог принимал эти приглашения и с удовольствием делил с рыбаками трапезу, съедая вкусные чоппино.

Соленый ветер усилился, покрыв поверхность моря белыми пенными барашками. Лето с радостью присоединился бы к рыбакам, но его ждали более неотложные и ответственные дела. Были дела, которые затрагивали межпланетные отношения, на нем лежало бремя обязанно-

стей перед империей и перед народом, которым он правил, а сейчас Лето оказался в центре назревавших великих событий.

Ужасающее убийство эказского дипломата послом Груммана было нештучным делом, хотя и произошло на далеком Арракисе, однако виконт Моритани, казалось, не обращал ни малейшего внимания на взрыв общественного негодования. Великие Дома между тем обратились к императору с просьбой употребить силу, чтобы избежать разрастания конфликта. За день до этого Лето направил послание в Ландсраад, предлагая свои услуги в качестве посредника.

Лето было всего двадцать шесть лет, но Великим Домом он управлял уже целых десять лет и мог считаться ветераном власти. Свой успех он приписывал тому факту, что никогда не терял связи со своими корнями. Благодарить за это он должен был своего покойного отца, Пауля. Старый герцог был, без всякого притворства, очень простым и непритязательным человеком, который не чурался своего народа, как это делал сейчас Лето. Но отец, должно быть, знал – хотя и никогда не признавался в этом сыну, – что это была и хорошая политическая тактика, которая делала властителя любимым в народе. Требования должности и положения представляли собой сложную смесь, и подчас Лето и сам не мог разобраться, где кончается его официальная маска и начинается настоящее лицо.

Вскоре после того как Лето Атрейдес совершенно неожиданно, при трагических обстоятельствах, взял на себя бремя власти, он поразил Ландсраад согласием на конфискационный суд, перед которым предстал, чтобы избежать осуждения за нападение на два тлейлаксианских корабля в лайнере Гильдии. Этот шаг Лето произвел должное впечатление на многие Великие Дома, и молодой герцог даже получил поздравительное письмо от Хундро Моритани, хитрого и злобного виконта Груммана, от человека, который часто отказывался от сотрудничества – и даже от символического участия – в делах империи. Виконт писал, что восхищен тем, как Лето «решительно отменил правила», доказав, что власть добывается «сильными людьми с сильными убеждениями, а не клерками, копающимися в запятых сводах законов». Лето отнюдь не был уверен, что Моритани искренне считает его невиновным; нет, Моритани получил истинное наслаждение от того, что Лето безнаказанно ушел от столь серьезных обвинений.

Но у Лето были нормальные отношения и с другой стороной конфликта – Домом Эказа. Старый герцог, отец Лето, стал одним из великих героев подавления эказского бунта, сражаясь бок о бок с Домиником Верниусом и защищая от сепаратистов законных, утвержденных Ландсраадом правителей покрытой лесами планеты. Сам Пауль Атрейдес во время парада победы стоял рядом с молодым эрцгерцогом Армандом Эказом, для которого удалось сохранить Трон Красного Дерева. Среди вещей, принадлежавших старому герцогу, была и «Цепь Доблести», которую юный эрцгерцог лично надел на мощную шею Пауля. Кстати сказать, адвокаты Лето на конфискационном суде прибыли из Эказской области планеты Элакка.

Поскольку Лето уважали обе конфликтующие стороны, он надеялся, что ему удастся укачать врагам путь к примирению. Политика! Отец всегда учил его тщательно взвешивать всю картину события, не упуская из виду ничего – от мельчайшей детали до крупных элементов.

Лето достал из нагрудного кармана диктофон и продиктовал письмо своему кузену Шаддаму IV. Лето поздравил императора со счастливым рождением еще одной дочери. Послание будет отправлено с официальным курьером, отбывающим на Кайтэйн со следующим лайнером Гильдии.

Когда Лето перестал слышать плеск весел удаляющихся рыбацких лодок, он начал взбираться вверх по извилистой тропинке, ведущей к вершине утеса.

Завтракал он в замке вместе с двадцатилетним Дунканом Айдахо. Круглолицый молодой человек был одет в черно-зеленую военную форму Атрейдесов. Жесткие курчавые волосы были коротко подстрижены, чтобы не мешать воинским упражнениям. Туфир Гават не жалел

времени на этого парня, утверждая, что Дункан – его лучший ученик. Однако Дункан уже достиг пределов того, чему мог обучить его воин-ментат.

Будучи еще мальчиком, Дункан бежал от гнета Харконненов на Каладан, где отдался на милость старого герцога. Подрастая, Дункан всегда оставался самым верным домочадцем Атрейдесов и, во всяком случае, лучше всех учился владеть оружием. Давние военные союзники Дома Атрейдесов, Оружейные Мастера Гиназа, недавно наградили Дункана правом обучаться в своей прославленной академии.

– Мне будет печально видеть, как ты уезжаешь, Дункан, – сказал Лето. – Восемь лет – это такой долгий срок...

Дункан выпрямился и бесстрашно посмотрел в глаза Лето.

– Но когда я вернусь, мой герцог, то смогу во всех смыслах лучше служить вам. Я буду еще молод, и никто не посмеет угрожать вам.

– О, они все равно будут мне угрожать, не впадай в ошибку, Дункан.

Молодой человек помолчал, потом жестко улыбнулся.

– В таком случае, это будет не моя, а их ошибка.

Он взял с тарелки ломтик параданской дыни, откусил кусок желтой мякоти и вытер солоноватый сок, потекший по подбородку.

– Мне будет не хватать этих дынь. Казарменная пища не идет с ними ни в какое сравнение.

Он порезал ломоть на более мелкие порции.

Каменные стены столовой, где они сидели, были увиты побегами бугенвиллии, но на дворе стояла зима и на деревьях не было листьев. Однако, обманутые необычно теплой погодой – предвестницей весны, – на ветвях уже начали набухать почки. Лето удовлетворенно вздохнул.

– Не видел во всей бескрайней империи более благодатного места, чем Каладан ранней весной.

– Гьеди Первая точно не такое место. – В голосе Дункана появились горькие нотки, ему было тяжело видеть, каким довольным и расслабленным выглядел Лето. – Мы должны быть в полной готовности, мой герцог, и не позволять себе ни малейшей слабости. Никогда не забывайте о застарелой вражде между Атрейдесами и Харконненоми.

– Сейчас ты говоришь, как Туфир. – Лето отправил в рот пригоршню рисового пудинга. – Я уверен, что нет на службе Атрейдесов более преданного человека, чем ты, Дункан. Но я боюсь, что за восемь лет отсутствия на Каладане ты превратишься в чудовище. Каким ты окажешься, когда вернешься?

Гордость полыхнула в серо-зеленых глазах молодого человека.

– Я буду Оружейным Мастером Гиназа.

В течение бесконечно долгой секунды Лето думал об опасностях, которые подстерегали Дункана в академии. Почти треть студентов погибала во время обучения, но Айдахо только посмеивался над этой статистикой, говоря, что пережил гораздо худшие вещи, борясь с Харконненоми. И он был прав.

– Я знаю, что ты добьешься успеха, – сказал Лето. Он почувствовал, как к горлу подступил непрошенный ком. Герцогу было грустно отпускать молодого человека на Гиназ. – Но никогда не должен ты забывать о сострадании. Не важно, чему ты научишься, ты не должен вернуться на Каладан, воображая, что ты лучше других людей.

– Этого не будет никогда, мой герцог.

Лето опустил руку под стол, извлек оттуда длинный тонкий сверток и протянул его Дункану.

– Вот причина, по какой я пригласил тебя разделить со мной завтрак.

Удивленный Айдахо раскрыл упаковку и вытащил из нее украшенный чеканкой церемониальный меч. Молодой человек взялся за эфес.

– Меч старого герцога! Вы одалживаете его мне?

– Я *отдаю* его тебе, мой друг. Помнишь, как я застал тебя в оружейном зале после того, как мой отец погиб на арене? Ты взял со стены именно этот меч, правда, тогда он был размером с тебя, но теперь ты вырос, и он – твой.

Дункан молчал, не находя слов для выражения переполнявшей его благодарности.

Лето окинул Айдахо оценивающим взглядом.

– Я думаю, что отец, если бы остался жив и видел тебя сейчас, сам бы отдал тебе свой меч. Ты вырос, Дункан Айдахо, – и ты достоин герцогского меча.

– Доброе утро, – раздался веселый голос. Во двор вошел принц Ромбур Верниус, с закрытыми глазами, но уже одетый. Рубин в кольце на правой руке принца горел ярко-красным пламенем. Сестра принца, Кайлея, шла рядом с братом, ее медно-рыжие волосы были схвачены на затылке золотой застёжкой. Ромбур взглянул на меч, увидел слезы, готовые потечь из глаз Дункана.

– Что здесь происходит?

– Я вручил Дункану прощальный подарок.

Ромбур свистнул.

– Неплохо для конюха.

– Возможно, подарок действительно слишком ценный, – сказал Айдахо, глядя в глаза Лето. Айдахо посмотрел на меч, потом вперил пылающий взгляд в Ромбура. – Я никогда больше не вернусь в конюшню, принц Верниус. Когда вы увидите меня в следующий раз, я буду Оружейным Мастером.

– Меч твой, Дункан, – твердо произнес Лето. – Мы не будем больше обсуждать этот вопрос.

– Как прикажете, мой герцог. – Дункан поклонился. – Прошу прощения, но мне надо собираться в дорогу.

Он повернулся и широким шагом пересек двор.

Ромбур и Кайлея сели за стол, где для них уже были приготовлены тарелки с едой. Кайлея улыбнулась Лето, но в улыбке не было обычной теплоты. Все прошедшие годы Кайлея и Лето ходили друг около друга словно на цыпочках, соблюдая некий романтический ритуал ухода, однако герцог не желал сближения, поглощенный своими политическими заботами. Он обязан жениться на дочери могущественного Великого Дома. Это убеждение буквально вбил в сына старый герцог. На Лето лежит огромная ответственность за судьбу народа Каладана. Они с Кайлеей только один раз взяли за руки. Лето даже ни разу не поцеловал девушку за все прошедшие годы.

Понизив голос, Кайлея сказала:

– Это меч твоего отца, Лето? Он же имеет невероятную ценность.

– Это только предмет, Кайлея. Для Дункана он значит гораздо больше, чем для меня. Мне не нужен меч, чтобы хранить память об отце.

Потом Лето обратил внимание на светлую щетину, которой заросли щеки Ромбура. Это делало молодого Верниуса больше похожим на рыбака, чем на принца.

– Когда ты последний раз брился, друг мой?

– Черти Вермилона! Какая разница, как я выгляжу? – Он отхлебнул из стакана цидритный сок, скривил губы от кислоты. – Я как будто не планировал важных дел.

Кайлея, которая быстро и спокойно ела, подняла голову и окинула брата изучающим взглядом, потом опустила голову, выразив этим свое неодобрение.

Лето посмотрел на Ромбура через стол. Лицо принца до сих пор сохранило юношескую округлость, но карие глаза смотрели без всякого выражения, их хозяин был охвачен печалью по утраченному Дому, по убитой матери, по без вести пропавшему отцу. Теперь только он и Кайлея остались от некогда великой владетельной семьи.

– Да, пожалуй, это действительно не имеет никакого значения, – согласился с принцем Лето. – У нас сегодня нет государственных дел, и мы не собираемся с визитом в блистательный Кайтэйн. В самом деле, почему бы тебе не перестать и мыться? – Лето поковырял ложкой в рисовом пудинге. Голос его стал жестким. – Тем не менее ты остаешься членом моего двора и самым доверенным моим советником. Надеюсь, что ты теперь способен разработать план, как вернуть свои потерянные владения и свое высокое положение.

Как постоянное напоминание о славных днях, когда род Верниусов правил машинным миром Икса, Ромбур носил на всех своих рубашках пурпурно-медный завиток, герб своего рода. Сейчас на Ромбуре была измятая рубашка, которую давно следовало постирать.

– Лето, если бы у меня была хоть какая-то мысль о том, как освободить Икс, я улетел бы отсюда первым же лайнером и сделал попытку. – Принц пришел в сильное волнение. – Тлейлаксы окружили Икс непроницаемым заслоном. Ты хочешь, чтобы Туфир Гават послал еще шпионов? Трое из них так и не нашли вход в подземный город, а последние двое вообще пропали без следа.

Он сжал кулак.

– Я должен надеяться только на то, что остались верные иксианцы, которые сражаются под землей и скоро свергнут гнет пришельцев. Надеюсь, что все кончится хорошо.

– Ты оптимист, мой друг, – саркастическим тоном произнес Лето.

Кайлея с отвращением посмотрела на еду и заговорила:

– Прошло двенадцать лет, Ромбур. Сколько времени потребуется для того, чтобы все устроилось само собой, как по мановению волшебной палочки?

Чувствуя неловкость, ее брат попытался сменить тему:

– Вы слышали, что жена Шаддама родила ему третью дочь?

Кайлея фыркнула:

– Зная Шаддама, могу сказать, что он наверняка недоволен тем, что жена не родила ему наследника престола.

Лето отказался принять эту негативную мысль.

– Напротив, может быть, он в полном экстазе, Кайлея. Кроме того, его жена уже не слишком молода.

Он повернулся к Ромбуру:

– Все это заставляет меня напомнить, что тебе пора выбрать себе жену.

– Чтобы она следила за моей чистотой и напоминала, что надо бриться?

– Для того чтобы заново основать ваш Дом. Продолжить родословную Верниусов наследником в изгнании.

Кайлея была уже готова что-то сказать, но передумала и промолчала. Она покончила с дыней и откусила кусок поджаренного хлебца. После этого она извинилась и встала из-за стола.

Последовало долгое молчание, из глаз принца потекли слезы, капая на стол с его щек. Смутьившись, он торопливо вытер глаза.

– Да, я и сам об этом думал. Как ты догадался?

– Ты сам мне об этом сказал после того, как мы с тобой один раз выпили пару бутылок вина.

– Все это сплошное сумасшествие. Мой Дом мертв, а Икс в руках фанатиков.

– Именно поэтому ты должен основать Малый Дом на Каладане, завести семью. Мы можем подумать, какую промышленность можно здесь создать, что для этого нужно. Кайлея – очень деловая женщина, а я обеспечу необходимые ресурсы.

Ромбур в ответ рассмеялся, но к веселью примешивалась горечь.

– Мое достояние всегда будет и твоим достоянием, герцог Лето Атрейдес. Нет, я лучше останусь здесь, буду защищать твой тыл, пока ты не раздал весь замок.

Лето, не улыбнувшись, кивнул, и друзья обменялись хлопками ладонями, которые заменили в империи рукопожатие.

Природа не совершает ошибок; верно и неверно – человеческие категории.

Пардот Кинес. «Лекции об Арракисе»

Однообразные, монотонные дни. Харконненовский патруль из трех человек совершал дежурный облет пустыни с золотистыми, вспухающими среди песков дюнами по привычному тысячекилометровому маршруту. Даже маленький бурун пыли в этом беспощадном ландшафте вызывал необычное волнение.

Патрульные заложили вираж на своем бронированном орнитоптере, облетели горы, потом полетели к югу над бескрайними плоскогорьями и равнинами. Глоссу Раббан, племянник барона и временный правитель Арракиса, приказал своим солдатам регулярно облетать планету для того, чтобы их видели, чтобы обитатели жалких поселений знали: Харконнены бдят. Всегда.

Кьель, бортовой стрелок, воспринял этот приказ как лицензию на отстрел любого фримена, который покажется вблизи границ районов добычи пряности. Почему эти чумазные бродяги воображают, что могут пересекать любые границы без разрешения чиновников Карфага? Однако при ясном свете им редко удавалось поймать фримена, и поставленная задача обернулась скучными буднями.

Гаран управлял орнитоптером, то поднимая его вверх, то падая вниз, ловя горячие воздушные потоки и превращая дежурный облет в увеселительную прогулку. Пилот сохранял на лице стоическое выражение, но иногда, при особенно сильной встряске в потоках знойного воздуха, по губам Гарана пробегала мимолетная усмешка. Истекал пятый день их полета, пилот продолжал искать ошибки на топографических картах, ругаясь сквозь зубы при обнаружении каждой новой ошибки. Это были самые худшие карты из всех, какие он когда-либо видел.

На заднем сиденье пассажира сидел Джостен, недавно переведенный на Арракис с Гьеди Первой. Привыкший к промышленному пейзажу, серому небу и грязным прокопченным домам, Джостен, словно замороженный, смотрел на песчаную пустыню, упиваясь навевающим сон однообразным узором дюн. Он указал на клуб пыли на юге, в глубине Похоронной Равнины.

– Что это? Операция по добыче пряности?

– У нас нет шансов увидеть такую операцию. Стрелки сбивают снарядом любой приближающийся орнитоптер, как подброшенную в воздух косточку сливы.

– Этот клуб слишком мал для пыльного дьявола. Слишком низок. – Пожав плечами, Гаран нажал кнопки на панели управления и направил орнитоптер ниже, к красновато-коричневому облаку. – Давайте посмотрим.

После стольких дней томительной скуки они свернули с маршрута, чтобы обследовать большую скалу, торчавшую из песка.

Достигнув места, они не нашли там никаких следов и никаких машин, никаких признаков человеческого присутствия – однако при этом акры пустыни выглядели потревоженными. На песке виднелись ржавые пятна, словно пятна крови высохли под знойным беспощадным солнцем, приобретя охряной цвет.

– Выглядит так, словно сюда бросили бомбу, – сказал Кьель.

– Может быть, это последствия взрыва пряности, – предположил Гаран. – Я спущусь еще ниже, чтобы лучше осмотреть место.

Когда орнитоптер остановился на песке, Кьель распахнул люк. Охлаждаемый воздух с шипением вырвался из кабины. Внутрь хлынула волна жара. Кьель закашлял от пыли.

Гаран высунулся из кабины и втянул ноздрями воздух.

– Понюхайте.

В воздухе стоял тяжелый дух жженой корицы.

– Это точно взрыв пряности.

Джостен протиснулся позади Кьеля и спрыгнул на мягкий песок. Пораженный, он взял пригоршню охряного песка и поднес его к губам.

– Может, нам стоит собрать немного свежей пряности и взять ее с собой? Должно быть, она стоит целое состояние.

Кьель думал о том же, но, услышав слова новичка, обернулся к нему, скорчив презрительную гримасу.

– У нас нет оборудования для добычи. Надо отделить пряность от песка, а этого не сделаешь пальцами.

Гаран заговорил спокойно, но твердо:

– Если вы по возвращении попытаетесь продать этот товар в Карфаге уличному торговцу, то вас наверняка отволокут к Раббану – или, что еще хуже, вам придется объяснять графу Фенрингу, каким образом свежая пряность оказалась в карманах простых патрульных.

Когда солдаты добрались до неровного углубления в центре рассеявшегося облака пыли, Джостен тревожно оглянулся.

– А здесь не опасно? Большие черви не ходят за пряностью?

– Боишься, парень? – ехидно спросил Кьель.

– Давай бросим его червям, если они придут, – предложил Гаран. – Это даст нам время убраться целыми.

В этот момент Кьель заметил на дне ямы какое-то движение. В песке копошилось *нечто*, было похоже, что под песком шевелятся какие-то твари, похожие на червей в гнилом мясе. Джостен открыл было рот, но передумал и промолчал, крепко стиснув зубы.

Из песка высунулось создание, похожее на змею, длиной около двух метров, с мясистым сегментированным телом. Тварь была похожа на змею с пастью, усеянной острыми как иглы зубами, обрамлявшими глотку.

– Песчаный червь! – воскликнул Джостен.

– Это какой-то недомерок, – презрительно бросил Кьель.

– Наверное, новорожденный, как ты думаешь? – спросил Гаран.

Червь покачивал из стороны в сторону своей безглазой мордой. Вокруг этого выползшего наружу червя копошились еще с десятков таких же, словно разметанных мощным взрывом.

– Откуда они появились, черт бы их взял? – спросил Кьель.

– Мне об этом не докладывали, – язвительно ответил Гаран.

– Мы не можем... поймать одного? – Джостен явно осмелел.

Кьель удержался от грубого ответа; идея молодого рекрута пришлась ему по вкусу.

– Давайте! – С этими словами он ринулся к яме.

Червь уловил движение и подался назад, словно размышляя: бежать или нападать. Потом, приняв решение, он выгнулся дугой, напомнив при этом морского змея, и принялся стремительно зарываться в песок штопорообразными движениями.

Джостен рванулся вперед и ухватил сегментированный хвост – тело червя уже успело скрыться под песком на три четверти.

– Ну и силен же он!

Последовав примеру молодого патрульного, бортовой стрелок тоже подбежал к червя и ухватил его за хвост.

Червь изо всех сил старался вырваться, но Гаран, зайдя спереди, раскопал песок и мертвой хваткой вцепился в голову зверя. Вся троица принялась дружно вытаскивать животное на поверхность. Маленький червь извивался, словно угорь на раскаленной сковороде.

С противоположной стороны ямы из песка высунулись остальные черви; они торчали из песка, словно перископы неведомых подводных лодок, всплывших со дна моря дюн, круглые пасти чернели, словно око дьявола. Момент был поистине страшен. Къель испугался, что эти черви сейчас нападут на них, как личинки смертельного паразита, но молодые черви, постояв несколько мгновений, зарылись в песок и бросились наутек, исчезнув под землей.

Гаран и Къель вытащили плененного червя из песка и поволокли к орнитоптеру. У патрульных было под рукой все необходимое снаряжение для ареста и задержания преступников. Они могли при желании стреножить и связать любого человека, как овцу.

– Джостен, принеси-ка веревки из нашего набора, – приказал пилот.

Через мгновение молодой рекрут принес веревки, смастерил петлю и затянул ее вокруг шеи червя. Гаран ослабил хватку, взялся за веревку и потянул на себя. Джостен в это время затягивал вторую петлю вокруг тела червя.

– Что мы будем с ним делать? – спросил Джостен.

Когда-то, в самом начале своей службы на Арракисе, Къель принимал участие в неудачной охоте Раббана на песчаного червя. Тогда они брали с собой фрименского проводника и даже планетолога. Используя проводника как наживку, они сумели выманить одного громадного червя из-под земли и убить его с помощью взрывчатки. Но прежде чем Раббан смог взять трофей, проклятый червь буквально *рассыпался* на множество мелких тварей, похожих на амёб, которые тотчас исчезли в песке, оставив лишь хрящевой скелет и кучу кристаллических зубов. Раббан был в бешенстве.

У Къеля заныло в животе. Племянник барона мог счесть за личное оскорбление то, что каким-то трем патрульным удалось добиться успеха там, где сам Раббан потерпел фиаско.

– Лучше всего утопить эту тварь.

– Утопить? – переспросил Джостен. – Зачем? И зачем я буду тратить свой водный рацион для такой глупости?

Гаран застыл на месте, словно пораженный молнией.

– Я слышал, что так делают фримены. Если утопить червя, то он выплюнет какой-то очень редкий яд.

Къель согласно кивнул.

– Ага, эти чокнутые жители пустыни пользуются таким ядом в своих ритуальных плясках. От яда они становятся невменяемыми, устраивают оргии, во время которых многие из них умирают.

– Но... у нас только два бака с водой, – сказал Джостен. Он продолжал нервничать.

– Мы используем только один из них, кроме того, я знаю, где можно пополнить запас воды.

Пилот и бортовой стрелок переглянулись. Они служили вместе уже давно и понимали друг друга с полуслова. Вот и сейчас им в голову пришла одна и та же мысль.

Словно осознав, что его ждет, маленький червь предпринял отчаянную попытку освободиться, но силы его иссякли.

– Когда добудем отраву, – сказал Къель, – позабудемся.

Ночью, перейдя в режим невидимки, патрульный орнитоптер незаметно прокрался над острым гребнем горы, приблизился к гряде скал и приземлился на твердой площадке, ниже которой располагалась нищая деревушка с диковинным названием Байларское Становище. Обитатели деревни жили в пещерах и домах, ряды которых доходили до плоскогорья. Электричество вырабатывали ветряные мельницы; ящики с припасами блестели в неверном ночном свете, привлекая мотыльков и летучих мышей, которые надеялись чем-нибудь поживиться.

В отличие от замкнутых фрименов эти деревенские жители были более цивилизованными, но при этом они многое и утратили: эти люди работали проводниками для экспедиций,

разведывающих месторождения пряности, и забыли навыки выживания в пустыне, став паразитами, зависевшими от милостей правителя.

Во время предыдущего облета Кьель и Гаран обнаружили на площадке большую цистерну, настоящую сокровищницу, полную воды. Кьель не понял, зачем этим деревенщинам столько драгоценной влаги и откуда они ее взяли. Наверное, это было обыкновенное мошенничество; в своих отчетах они завысили количество жителей, и Харконнены щедро дали им намного больше, чем полагалось.

Жители деревни замаскировали цистерну камнями, чтобы она выглядела как естественный утес, но не выставили охрану своего незаконного хранилища. По каким-то причинам деревенские законы местных жителей карали за воровство гораздо строже, чем даже за убийство; поэтому, видимо, никто не опасался за судьбу цистерны. Деревенские не ждали ночных воров.

Естественно, патрульные Харконненов не собирались *красть* воду, нет, они лишь собирались взять столько, сколько было надо для их нужд.

Джостен покорно шел рядом, неся бак, в котором находилась густая жидкость, выделенная маленьким червем после того, как он перестал биться о стенки бака, в котором его утопили патрульные. В ужасе от того, что они сделали, солдаты выбросили труп червя недалеко от места взрыва пряности и бежали, прихватив с собой яд. Кьель очень боялся, что ядовитые испарения от тела червя смогут проесть стенку водяного бака.

Гаран, умело работая с краном цистерны, наполнил пустой бак водой. Остатки воды из цистерны он решил не выливать, чтобы не портить задуманную шутку, которую троица вознамерилась сыграть с жителями деревни. Кьель открыл горловину бака с желчью червя и опорожнил бак в цистерну. То-то удивятся эти деревенские, когда попробуют отравленной воды.

– Это послужит их исправлению.

– А что с ними будет от этого яда? – спросил простодушный Джостен.

Гаран покачал головой.

– Я слышал много самых диких историй.

– Может, попробуем, как это подействует на нашего парня? – предложил бортовой стрелок.

Джостен отпрянул, а Гаран снова посмотрел на цистерну с ядом.

– Могу спорить, что они сорвут с себя одежду и будут голыми танцевать на улице, кудахтая, как недорезанные куры.

– Давайте останемся и посмотрим, то-то будет потеха, – сказал Кьель.

Гаран нахмурился.

– Ты хочешь *сам* объяснять Раббану, почему мы задержались?

– Полетели, – быстро произнес в ответ Кьель.

Отрава медленно растворялась в воде цистерны, когда патруль Харконненов уселся в орнитоптер, который стремительно взмыл в воздух. Как ни жаль, но пришлось предоставить жителям деревни возможность насладиться сюрпризом без свидетелей.

До нас все методы обучения были замутнены инстинктом. До нас на исследователей, которые владели методами, свободными от влияния инстинктов, обращали внимание, пока эти исследователи были живы. Проекты, запланированные на пятьдесят поколений вперед, просто никому не приходили в голову. Концепция тотальной нервно-мышечной тренировки не привлекала ничего внимания. Мы научились учить.
«Книга Азхар» Ордена Бене Гессерит

Правда ли это особенное дитя? Преподобная Мать Гайус Элен Мохиам внимательно смотрела, как пропорционально сложенная девочка выполняла предназначенные для выработки безошибочных нервно-мышечных рефлексивных упражнений *прана-бинду*, двигаясь по твердому полу тренировочного модуля Школы Матерей.

Вернувшись недавно со столь прискорбного банкета на Арракисе, Мохиам старалась смотреть отчужденным взглядом на свою ученицу, подавляя осознание правды. *Джессика, моя родная дочь...* Девочка ничего не должна знать о своем происхождении, не должна даже догадываться об истине. Даже в секретных документах селекционной программы Бене Гессерит Мохиам не фигурировала под своим именем Сестры, в архивах она значилась как Танидия Нерус, таково было ее имя, данное при рождении.

Двенадцатилетняя Джессика стояла в свободной позе, опустив руки и стараясь расслабиться, подавить любое движение мышц. Держа в правой руке воображаемый клинок, она смотрела перед собой, сверля глазами несуществующего противника. Для поединка требовались вся глубина постижения внутреннего покоя и максимальная концентрация.

Однако Мохиам своим наметанным взглядом видела, как подергиваются мышцы икр, шеи и лба Джессики. Эти движения были едва заметны, но означали, что для совершенствования техники потребуется еще много практики. Однако девочка делала удивительные успехи и много обещала. Джессика была одарена потрясающим терпением, способностью быстро успокаиваться и слушать то, что ей говорили.

Как она сосредоточена... полна внутренней силы. Собственно, такой она и должна быть, для этого она рождена.

Джессика ушла влево, сделала обманное движение, развернулась, потом застыла, стремительно превратившись в неподвижную статую. Глаза, уставленные на Мохиам, не видели наставницу.

Суровая Преподобная Мать вошла в тренировочный зал, внимательно взгляделась в ясные зеленые глаза девочки и не увидела там ничего, кроме пустоты. Джессика исчезла, остались только ее нервные и мышечные волокна.

Мохиам смочила слюной палец и поднесла его к носу девочки. Наставница почувствовала лишь легкое дуновение воздуха. Юные, только начавшие формироваться на стройном торсе груди слегка шевельнулись. Джессика была близка к полному равновесию *бинду*, но только близка.

С ней предстоит работать и работать.

Хорошим достижением в Общине Сестер считалось только полное, законченное совершенство. Как инструктор Джессики, Мохиам должна будет снова и снова учить девочку древним упражнениям, наблюдая, как ученица делает шаги по лестнице совершенствования.

Преподобная Мать отступила на несколько шагов назад и принялась рассматривать девочку, стараясь не возбуждать ее. В овальном личике Мохиам старалась угадать свои черты и черты отца – барона Владимира Харконнена. Длинная шея и маленький нос достались Джессике в наследство от Мохиам, а выступающий вперед мыс волос надо лбом, широкий рот, полные губы и чистая кожа достались Джессике от барона... когда он был еще здоров и привлекателен. Широко посаженные зеленые глаза и волосы цвета полированной бронзы достались Джессике от более далеких предков.

Если бы ты только знала. Мохиам вспомнила, что говорили ей о плане Бене Гессерит. Когда ее дочь Джессика достигнет детородного возраста, ей предстоит родить Квисац Хаде-раха – кульминацию рассчитанной на тысячелетия тщательной селекции. Мохиам продолжала взгляды в лицо девочки, стараясь увидеть малейшее подергивание, какой-нибудь намек на сознание громадной исторической ответственности. *Нет, ты еще не готова узнать правду.*

Джессика заговорила, старательно артикулируя слова мантры, древней, как сам Орден Бене Гессерит: «Каждый нападающий – это перышко, летящее по бесконечному пути. Когда перышко приближается, его надо отвлечь и удалить. Я дую, и перышко исчезает с моего пути».

Мохиам отступила, чтобы не мешать дочери совершать движения, повинувшись своим рефлексам. Но Джессика пока *заставляла* свои мышцы двигаться в нужном ритме, гладко и без усилий, вместо того чтобы просто *позволить* им делать это.

Движения девочки стали лучше, более сосредоточенными и отточенными. Прогресс Джессики впечатлял, было такое ощущение, что она пережила мысленное богоявление, которое подняло ее на более высокую ступень совершенства. Однако Мохиам все еще видела в дочери слишком большую юношескую энергию и необузданную напряженность.

Эта девочка родилась в результате грубого насилия, которое совершил барон Харконнен, в ответ на шантаж, которым Община Сестер пыталась заставить его зачать дочь. Мохиам отомстила барону, переключив обмен веществ в своем теле и заразив насильника страшным, неизлечимым заболеванием. Барон будет медленно умирать, мучимый нескончаемой пыткой. Болезнь прогрессировала, и вот уже в течение целого стандартного года барон не может обходиться без трости. Во время достопамятного банкета Мохиам испытывала нестерпимое желание рассказать барону о каре, которая его постигла.

Но если бы Мохиам сказала барону об этом, то в Обеденном Зале дворца Арракина произошло бы насилие, по сравнению с которым ссора двух послов показалась бы милой забавой. Наверное, ей пришлось бы убить Владимира Харконнена, воспользовавшись своими навыками. Даже Джессика, при всех своих ограниченных возможностях, уже могла бы легко и быстро уложить такого противника, как барон – ее собственный отец.

Мохиам слышала шум какого-то механизма, и из пола выросла кукла в рост человека. Следующая фаза обычной тренировки. Стремительным, неуловимым движением ладони Джессика обезглавила механического противника.

– Больше изящества. Смертельное касание должно быть деликатным и точным.

– Хорошо, Преподобная Мать.

– Однако я горжусь тем, чего тебе удалось достигнуть, – непривычно нежным тоном сказала Мохиам. Руководство не одобрило бы такого тона, случись ему слышать слова Мохиам. Любовь во всех ее проявлениях была строжайше запрещена в Общине Сестер.

– Община Сестер имеет в отношении тебя великие планы, Джессика.

«Ксуттух» – слово, обозначающее множество вещей. Каждый член Бене Тлейлакс знает, что таково было имя первого Мастера. Но точно так же, как этот человек был неизмеримо выше простого смертного, так и в его имени было нечто неизмеримо более глубокое, чем простой способ обращения. В зависимости от тональности и тембра «Ксуттух» может означать и «привет» и «да пребудет с тобой благословение». В этом слове может заключаться молитва, которую произносит посвященный, готовясь умереть за Великую Веру. Именно по этой причине мы выбрали это слово для наименования планеты, которая раньше называлась Икс.

Учебный диск Тлейлаксу

План на случай непредвиденных обстоятельств хорош ровно настолько, насколько хорош ум человека, разработавшего этот план.

Работая глубоко под землей, в лабиринтах исследовательского павильона, Хайдар Фен Аджидика очень отчетливо понимал, насколько справедлива эта максима. Настанет день, когда посланный от императора человек попытается убить его; следовательно, необходимо позаботиться о тщательной, глубоко продуманной обороне.

– Прошу вас сюда, граф Фенринг, – самым сладким голосом произнес Аджидика, думая при этом: *Нечистый повиндах. Он смотрит на такого человека, как я, пренебрежительно. Я должен был бы убить тебя!*

Однако мастер-исследователь не мог привести в исполнение свое сокровенное желание, это было небезопасно, да и вряд ли в ближайшем будущем ему представится такая возможность. Даже если бы удалось осуществить задуманное, император учинит расследование, пришет сардаукаров, которые только помешают тонкой работе.

– Я рад слышать, что вы наконец достигли какого-то прогресса в выполнении проекта «Амаль». Эльруд Девятый начал его двенадцать лет назад, хм-м? – Говоря эти слова, Фенринг шагал по бесцветному, ничем не примечательному коридору подземного города. На графе были надеты имперский китель и плотно обтягивающие форменные брюки. Темные волосы были выбриты не совсем ровно, что подчеркивало слишком большой размер головы. – Мне кажется, что мы проявили необыкновенно долгое терпение.

На Аджидике был надет лабораторный халат со множеством карманов. Запах химикатов пропитал ткань, волосы и мертвенно-бледную с серым оттенком кожу этого человека.

– Я с самого начала предупреждал всех вас, что до получения конечного продукта может пройти много лет. Двенадцать лет в этом отношении не более чем один миг для создания вещества, которое было нужно империи как воздух на протяжении многих и многих столетий.

Ноздри Аджидики сузились, он принужденно улыбнулся.

– Тем не менее, – продолжал мастер-исследователь, – я рад доложить вам, что наши модифицированные аксолотлевые чаны выращены, что предварительные эксперименты проведены и их данные проанализированы. На основе этих данных мы отбросили неработающие решения и сузили область поиска возможных решений.

– Императора не интересует сужение области поиска, мастер-исследователь, его интересует результат поиска. – Голос Фенринга был ледяным. – Затраты просто огромны даже по сравнению с теми деньгами, которые мы дали вам для переоборудования иксианских заводов.

– Мы готовы на проведение любого аудита, граф Фенринг, – сказал Аджидика. Он хорошо понимал, что Фенринг никогда не решится показать книгу расходов банкирам Гильдии, Космическая Гильдия в первую очередь не должна даже догадываться о цели проводимых работ. – Все фонды были истрачены должным образом. Со всеми запасами пряности, переданными в наше распоряжение, мы поступали согласно договору.

– Этот договор вы заключали с Эльрудом, малыш, а не с Шаддамом, хм-м? Император может в любой момент прекратить ваши эксперименты.

Подобно всем тлейлаксам, Аджидика привык к грубым оскорблениям дураков и не стал принимать вызов.

– Интересная угроза, граф Фенринг, особенно если учесть, что именно вы, лично вы, инициировали контакты между моими людьми и Эльрудом. У нас на Тлейлаксу есть на этот счет неопровержимые документы.

Разозлившись, Фенринг ускорил шаг, углубившись в лабиринт павильона.

– Глядя на вас, мастер-исследователь, я уже кое-что о вас узнал, – произнес граф елевым голосом. – У вас развилась фобия от пребывания под землей, хм-ма? Этот страх поразил вас совсем недавно, это был панический приступ.

– Вздор. – Под внешней решимостью действительно таился страх, и лоб Аджидики покрылся испариной.

– Ах вот как, но я чувствую что-то угрожающее в вашем голосе и выражении лица. Вы носите с собой лекарство от этого страха, вон оно, в оттопыренном кармане халата.

Стараясь скрыть ярость, Аджидика, заикаясь, заговорил:

– Я в отличной форме.

– Хм-м-м, я бы сказал, что состояние вашего здоровья зависит от того, как пойдут дела. Чем скорее вы закончите проект «Амаль», тем быстрее удастся вам вдохнуть чудесный воздух Тлейлаксу. Кстати, вы давно были там последний раз?

– Очень и очень давно, – признался Аджидика. – Вы не можете себе представить, как хороша наша планета, ни одному повин... – он осекся на полуслове, – чужестранцу мы не позволяем заходить дальше границ космопорта.

Фенринг ответил с умопомрачительной, все понимающей улыбкой.

– Покажите мне, что вы сделали. Мне надо подготовить доклад для императора.

У двери Аджидика вскинул вверх руку, закрывая путь Фенрингу. Глейлакс закрыл глаза и благоговейно поцеловал дверь. Этот короткий ритуал дезактивировал защитную систему; дверь растворилась, и в каменной стене появился открытый проем.

– Теперь вы можете без опаски войти, – сказал мастер и посторонился, давая Фенрингу войти в комнату, выложенную гладким плазом, в которой исследователь приготовил демонстрационные материалы для отчета высокому гостю. В середине огромного овального помещения стоял микроскоп с высоким разрешением, металлический стеллаж с лабораторными колбами и пробирками и красный стол, на котором возвышался куполообразный предмет. Аджидика заметил, что в огромных глазах Фенринга вспыхнул неподдельный интерес, когда граф приблизился к демонстрационному столу.

– Прошу вас, ничего не трогайте.

В воздухе пахло предательством, но этот императорский повиндах никогда не заметит его, вернее, не заметит до тех пор, пока не станет слишком поздно. Аджидика был намерен решить загадку искусственной пряности и бежать со священными аксолотлевыми чанами на одну из недостижимых планет на окраине империи. Он все устроил, не раскрывая инкогнито, пользуясь при этом посулами, взятками, переводом фондовых денег... и все это без ведома тлейлаксианского начальства. В этом деле Аджидика действовал в одиночку.

Он решил, что среди его сотрудников наверняка есть еретики, последователи, принявшие веру, как козлы отпущения, но не имея в душе даже намек на Великую Веру. Он уже перестал понимать, кто он в действительности, настолько хорошо лицеделы маскировали его в случае необходимости. Если Аджидика покорно позволит этим людям ознакомиться с его великим открытием, они предадут его и не получат в руки того превосходства, которое они, без сомнения, заслужили.

Аджидика собирался и дальше играть свою роль, играть до тех пор, когда все будет полностью готово. После этого он возьмет искусственную пряность и сможет сам контролировать ее производство, вот тогда он поможет своим людям, не важно, захотят они того или нет.

Наклонившись к куполообразному предмету на столе, граф Фенринг пробормотал:

– Очень интригующе. Мне кажется, что там внутри что-то есть, хм-м-ма?

– Внутри всякой вещи что-то есть, – наставительно ответил Аджидика.

Он мысленно улыбнулся, представив себе, как избыток искусственной пряности поступает на межпланетный рынок, вызывая экономическую катастрофу в ОСПЧТ и Ландсрааде. Сначала, как тонкая струйка в дамбе, дешевая пряность начнет подтачивать огромное строение, чтобы потом превратиться в бушующий поток, который перевернет империю вверх тормашками. Если Аджидика правильно себя поведет, то именно он станет основателем новой экономики и нового политического порядка – не ради себя, конечно, а ради служения Богу.

Магия нашего Бога – наше спасение.

Аджидика улыбнулся, увидев, как граф Фенринг обнажил свои мелкие острые зубы.

– Будьте уверены, граф, что наша с вами заинтересованность в этом веществе взаимна.

Со временем, когда богатство начнет выходить за пределы всякого воображения, он работает тесты на лояльность и начнет ассимилировать новых членов в Бене Глейлакс. Хотя сейчас это было опасно, на уме у Аджидики было уже несколько кандидатов. Если еще обеспечить надлежащую военную поддержку – может быть, даже из обращенных сардаукаров, расквартированных здесь? – то он сможет основать штаб-квартиру своей империи в благословенном Бандалонге...

Фенринг продолжал сидеть, склонившись к куполообразному предмету.

– Вы слышали поговорку «Доверяй, но проверяй»? Эта поговорка древняя, как Старая Земля. Вы удивитесь, узнав, сколько пословиц я насобирал за всю жизнь. Моя жена – член общины Сестер, она собирает всякие безделушки, а я – информацию, склеивая ее по кусочкам.

Адждика нахмурил свое узкое лицо.

– Понятно.

Надо как можно быстрее покончить с этой докучной инспекцией.

– Не будет ли вам так угодно посмотреть сюда? – Адждика снял плазовый флакон со стеллажа, отвинтил крышку, и по комнате распространился запах сырого имбиря, бергамота и чеснока. Он передал флакон Фенрингу, и тот посмотрел на густую оранжевую субстанцию.

– Это еще не меланжа, – сказал Адждика, – хотя в отношении химического состава это вещество содержит те же предшественники, что и натуральная пряность.

Мастер-исследователь вылил немного сиропа на предметное стекло микроскопа и жестом предложил Фенрингу посмотреть в окуляр. Граф увидел продолговатые молекулы, соединенные друг с другом наподобие кабеля.

– Это очень необычная белковая цепь, – пояснил мастер. – Мы близки к прорыву.

– Насколько близки?

– У тлейлаксов тоже есть поговорки, граф Фенринг: «Чем ближе человек подбирается к истине, тем дальше она кажется». В деле научного исследования время имеет свойство растягиваться. Только Бог располагает конечным знанием будущего. Прорыв может случиться через несколько дней... или лет.

– Это звучит очень двусмысленно, – буркнул Фенринг. Он замолчал, когда Адждика нажал кнопку в основании купола.

Затемненная поверхность плаза очистилась, и внутри купола стал виден песок, насыпанный на его дно. Адждика нажал другую кнопку, и внутренность купола заволокла пыль, потом на дне появилось отверстие, похожее на кратер, из которого высунулось создание, похожее на небольшую змею. Это был песчаный червь длиной не более полуметра с крошечными кристаллическими зубами, обрамлявшими глотку.

– Песчаный червь, незрелая форма, – пояснил мастер. – Девятнадцать дней, как доставлен с Арракиса. Мы не ожидали, что он проживет так долго.

С вершины купола в песок упала коробка, в которой, после того как открылась крышка, блеснул оранжевый гель.

– Амаль 1522.16, – объявил Адждика. – Один из многих вариантов, пока самый лучший.

Фенринг увидел, как пасть незрелого червя начала раскачиваться из стороны в сторону, временами обнажая крошечные острые зубы. Тварь скользнула к желеобразному веществу, потом в растерянности остановилась, так и не притронувшись к оранжевому зелью. Постояв, червь отвернулся и быстро зарылся в песок.

– Какая существует связь между песчаными червями и пряностью? – спросил Фенринг.

– Если бы мы это знали, то давно решили бы головоломку. Если бы я предложил сейчас червю настоящую пряность, он бы набросился на нее как сумасшедший. Но, правда, хотя червь почувствовал разницу, он все же решил приблизиться к суррогату. Мы подвергли зверя искушению, но не удовлетворили его.

– Подобная демонстрация, кстати сказать, точно так же не удовлетворила меня. Мне сказали, что здесь существует иксианское сопротивление, подполье, которое создает проблемы. Шаддам тревожится, что могут быть сорваны его самые сокровенные планы.

– Всего несколько мятежников, граф Фенринг, у которых нет надлежащего снабжения, их ресурсы весьма ограничены. Беспokoиться не о чем. – Адждика в волнении потер руки.

– Но они уничтожают ваши коммуникации и даже смогли разрушить несколько предприятий, хм-ма?

– Это предсмертные судороги Дома Верниусов, не более того. Они с трудом продержались десяток лет, но скоро этому наступит естественный конец. Кроме того, они не в состоянии подобраться к исследовательскому павильону.

– Но тем не менее вам не надо больше беспокоиться о своей безопасности, мастер-исследователь. Император согласился послать сюда два дополнительных легиона сардаукаров под командованием одного из лучших наших башаров – Кандо Гарона.

На лице крошечного тлейлакса появилось выражение тревоги и удивления. Вытянутое личико покраснело.

– Но это совершенно не нужно, сэр. Половины легиона, которая уже расквартирована здесь, вполне достаточно.

– Император так не думает. Эти войска показывают, насколько важны для императора ваши исследования. Шаддам сделает все, чтобы защитить выполнение программы «Амаль», но его терпение уже исчерпано. – Граф прищурил глаза. – Вы должны расценивать приход новых войск как хороший знак.

– Почему? Я не понимаю.

– Потому что это еще не приказ императора о вашей казни.

Координационный центр восстания может быть мобильным; нет нужды, чтобы это было постоянное место встречи.

Каммар Пилеру, иксианский посол в изгнании. «Трактат о свержении незаконной власти»

Тлейлаксианские оккупанты установили жесточайший комендантский час для всех, кто не работал в поздние и ночные смены. Для К'тэра Пилеру посещение тайной повстанческой сходки было еще одним способом посмеяться над всеми этими ограничениями.

На таких тщательно охраняемых собраниях борцов за свободу К'тэр мог сбрасывать маску и не скрывать своих взглядов и убеждений. Он снова становился прежним, тем человеком, каким всегда оставался внутренне все последние годы.

Зная, что его неминуемо убьют, если схватят, низкорослый темноволосый человек крадучись пробрался к месту встречи. Он умело сливался с маслянисто-черными тенями домов, не производя при ходьбе ни малейшего шума. Тлейлаксы восстановили проекцию небосвода на потолке пещеры, но теперь созвездия на нем соответствовали картине звездного неба их родной планеты. Даже небо на Иксе стало чужим.

Да, город перестал быть благословенным местом, каким он когда-то был, теперь здесь была дьявольская тюрьма, подземная камера, куда загнали весь оставшийся в живых народ.
Настанет день, когда мы изменим все это.

За десятилетие репрессий дельцы черного рынка и революционеры создали свою тайную сеть. Разрозненные группы сопротивления взаимодействовали между собой, поддерживая друг друга, снабжая припасами и информацией. Однако каждая такая встреча заставляла К'тэра нервничать. Если их застанут всех вместе, то очаг сопротивления будет уничтожен в несколько мгновений несколькими выстрелами из лазерных ружей.

При любой возможности он предпочитал работать в одиночку – как он всегда и поступал. Никому не доверяя, К'тэр ни с кем не делился подробностями своей деятельности, ни с кем, даже с другими революционерами. Он наладил свои личные контакты с редкими посетителями, прилетавшими на Икс с других планет, в каньоне порта прибытия, в разломах и площадках, вырубленных в скалах, откуда вывозились на лайнеры Гильдии тщательно охраняемые тлейлаксианские товары.

Империи требовались достижения иксианской технологии, которые производились теперь под контролем тлейлаксианской администрации. Оккупантам были нужны деньги для проведения собственных работ, и при этом они не могли рисковать, подвергаясь имперскому

надзору. Хотя тлейлаксы были не в состоянии полностью изолировать Икс от остальной империи, они все же резко ограничивали число иностранцев на своей службе.

Иногда, не обращая внимания на опасность и несмотря на большой риск, К'тэру удавалось подкупить транспортных рабочих, чтобы понаблюдать за погрузкой кораблей и вынести из порта необходимую деталь. Другие деятели черного рынка имели свои каналы доступа к нужным источникам, но никому о них не рассказывали – так было безопаснее.

Идя сквозь клаустрофобическую ночь, К'тэр обогнул заброшенный завод и, зашагав по еще более темной улице, ускорил шаг. Встреча должна начаться с минуты на минуту. Может быть, сегодня...

Хотя положение казалось безвыходным, К'тэр продолжал искать способы наносить удары по тлейлаксиянским рабовладельцам, как и другие повстанцы-подпольщики. Тлейлаксы приходили в ярость от того, что не могли отыскать настоящих саботажников, и отыгрывались на случайно схваченных несчастных субоидах. После пыток и унижений их сбрасывали с галереи Гран-Пале на дно громадной пещеры, где раньше строили лайнеры Гильдии. Выражение лица жертвы, ее кровоточащие раны проецировались на голографический экран потолка, трансляторы усиливали стоны и крики.

Однако тлейлаксы не были способны постичь душу Икса. Жестокость вызывала еще большее брожение, случаи нападения и саботажа продолжали множиться. К'тэр видел, как устали оккупанты от такого сопротивления, душевные силы тлейлаксов были подорваны, несмотря на все усилия сокрушить сопротивление, внедряя в ряды повстанцев лицеделов и применяя новейшую следающую аппаратуру. Мужественные люди продолжали борьбу за свободу.

Те немногие повстанцы, которые имели доступ к неподцензурной информации, докладывали о том, что происходит в империи. От них К'тэр узнал о страстных речах, которые произносил в Ландсрааде его отец, посол Икса в изгнании, – но от этих выступлений было мало проку. Граф Доминик Верниус, бывший свергнутый правитель, ставший ренегатом, исчез, а его наследник, принц Ромбур, жил в изгнании на Каладане, не имея ни армии, ни поддержки Ландсраада.

Повстанцы не могли рассчитывать на помощь извне. *Победа должна прийти изнутри. С Икса.*

К'тэр обогнул еще один угол и остановился на металлической решетке. Сузив свои темные глаза, он внимательно осмотрелся, каждую минуту ожидая, что из темноты появятся враги. Движения его были осторожными и быстрыми, днем, на людях, он вел себя совершенно по-другому – покорно и услужливо.

Он произнес пароль, решетка опустилась, опустив К'тэра под землю. Он торопливо пошел по темному подземному коридору.

Во время дневной смены К'тэр носил серый рабочий комбинезон. За прошедшие годы он научился притворяться простым, ничем не выделяющимся субоидом: сутулая осанка, неуверенная походка, тусклые, ничего не выражающие глаза. У К'тэра было пятнадцать идентификационных карт, но никому не приходило в голову всматриваться в лица массы рабочих. В таких условиях было легко оставаться невидимкой.

Повстанцы разработали собственную систему проверок. Перед брошенными предприятиями на посты ставились укрытые стражи, освещаемые инфракрасными плавающими светильниками. Трансвизоры и ультразвуковые детекторы обеспечивали дополнительную защиту, которая, впрочем, оказалась бы совершенно бесполезной в случае обнаружения.

Здесь, под землей, охрана была видимой. Когда К'тэр невнятно произнес отзыв на пароль, его пропустили внутрь. Это выглядело слишком несерьезно, однако К'тэру приходилось терпеть этих людей и их дурацкие игры в конспирацию, чтобы добывать необходимое ему оборудование, но сама игра доставляла ему внутреннее неудобство.

К'тэр внимательно осмотрел место встречи. По крайней мере хоть место было выбрано с должными предосторожностями. Это предприятие некогда выпускало механические тренажеры для обучения рукопашному бою. Но оккупанты однобоко оценили эти машины как «самосознающие», то есть нарушающие установления Джихада Слуг. Хотя производство мыслящих машин было запрещено еще десять тысяч лет назад, запрет оставался в силе и вызывал большое волнение. После переворота этот завод был заброшен, конвейеры обветшали без текущего ремонта, часть оборудования была растащена, часть обратилась в груды металлолома.

Тлейлаксов занимало нечто совсем другое. *Секретная работа*, грандиозный проект выполнялся исключительно прирожденными тлейлаксами. Никто, даже люди К'тэра, не могли знать, что на уме у оккупантов.

Внутри гулкого помещения шепотом переговаривались повстанцы с горящими глазами. Не было формальной повестки дня, председателя собрания, никто не произносил речей. К'тэр уловил запах пота нервничающих людей, их дрожащие приглушенные голоса. Сколько бы предосторожностей они ни придумывали, какие бы меры безопасности ни предусматривали, было очень опасно собираться в таких количествах в одном месте. Поэтому К'тэр всегда был настороже, первым делом подходя поближе к возможному пути бегства.

Но надо было делать дело. К'тэр принес на встречу замаскированный ранец с очень нужными для подпольной борьбы вещами, которые ему удалось собрать. Эти вещи он собирался обменять на нужные ему детали для новаторского, но часто ломающегося передатчика – рога. Прототип позволял соединиться сквозь свернутое пространство с братом-близнецом Д'мурром, гильд-навигатором. Но теперь К'тэру редко удавалось устанавливать надежный контакт то ли потому, что брат сильно мутировал, то ли потому, что ломался сам передатчик.

К'тэр выложил на пыльный металлический стол запчасти к оружию, источники питания, средства связи и сканирующее оборудование – если бы его остановили на улице с этими предметами для обыска, то неминуемо казнили бы. Но К'тэр не появлялся в городе без оружия и уже убил не одного человечка-гнома.

К'тэр стоял у стола, выжидая. Осмотрев лица подпольщиков – грубо замаскированные, кое у кого лбы и щеки были намеренно испачканы грязью, – он остановил взгляд на женщине с большими глазами, выступающими скулами и узким подбородком. Волосы были небрежно выстрижены клочками, чтобы скрыть любой намек на красоту. К'тэр знал ее как Мираль Алем, хотя это могло быть и вымышленное имя.

В ее чертах К'тэру чудилось лицо Кайлеи Верниус, красивой дочери графа Верниуса. Когда-то, когда никто не мог даже помышлять о том, что все так изменится, он и его брат Д'мурр ухаживали за Кайлеей. И вот теперь Кайлея на Каладане, Д'мурр стал гильд-навигатором. Мать близнецов, банкир Гильдии, была убита при захвате Икса. Сам же К'тэр жил, как загнанная крыса, перебегающая из укрытия в укрытие.

– Я нашел кристалпак, о котором вы спрашивали, – сказал он Мираль.

В ответ женщина извлекла сверток из сумки, пристегнутой к поясу.

– Я принесла модульные стержни, которые нужны вам, они очень точно откалиброваны... я надеюсь. У меня не было возможности это проверить.

К'тэр взял сверток, не считая нужным осмотреть приобретение на месте.

– Я могу сделать это и сам.

Он вручил Мираль кристалпак, не спрашивая, зачем он ей нужен. Все, кто присутствовал здесь, искали любую возможность навредить тлейлаксам. Ничто другое не имело значения. Обменявшись с Мираль взглядами, К'тэр подумал, не пришла ли ей в голову та же мысль, что и ему: что, окажись они в других обстоятельствах, между ними могли бы завязаться совсем иные отношения. Но нельзя подпускать ее так близко к себе. Как и никого другого. Это ослабит его и отвлечет от главного дела. Надо оставаться сосредоточенным на главной цели – освобождении Икса.

Один из охранников подал сигнал тревоги, и все пригнулись, застыв в испуганном молчании. Приглушенный свет плавающих шаров едва рассеивал тьму. К'тэр затаил дыхание.

Раздался жужжащий звук. Над заброшенным зданием пролетал патрульный орнитооптер со следящей аппаратурой, которая могла обнаруживать постороннюю вибрацию и движения. Густые тени покрывали лица подпольщиков. К'тэр начал лихорадочно прикидывать, каким выходом он воспользуется, если придется быстро покинуть это место, чтобы нырнуть в спасительную темноту.

Однако жужжание стихло, удаляясь к противоположному краю подземного грота. Через несколько секунд люди опомнились и, выпрямившись и вытирая со лба пот, принялись переговариваться приглушенными голосами. Кое-где раздавался нервный смех.

Встревоженный К'тэр решил немедленно покинуть здание и собрал в сумку остававшиеся на столе вещи. Он запомнил время и место следующей встречи, взгляделся в лица, запомнивая их на тот случай, если этих повстанцев схватят и он никогда больше их не увидит.

На прощание он кивнул Мираль Алехем, а потом выскользнул в иксианскую ночь, расцвеченную искусственными звездами. К'тэр уже знал, где проведет остаток ночи и каким удостоверением личности будет пользоваться завтра.

Говорят, что у фрименов нет совести, которую они потеряли, сгорая жаждой мести. Это глупость. Только самый примитивный дикарь или социопат не имеют совести. Фримен же располагает сложным мировоззрением, сконцентрированным на благополучии его народа. Его чувство принадлежности к общине всегда сильнее чувства собственного «я». Только чужестранцу фримены кажутся необузданно жестокими... впрочем, как и чужестранцы – фрименам.

Пардот Кинес. «Народ Арракиса»

– Роскошь – удел аристократов, Лиет, – сказал Пардот Кинес, когда вездеход, в котором он сидел с сыном, раскачиваясь, продвигался по неровной дороге. Здесь, где они были вдвоем, вдали от посторонних ушей и глаз, Пардот мог называть сына сокровенным именем, не употребляя прозвища, предназначенного для ушей чужестранцев, – Вейчих. – На этой планете надо уметь в мгновение ока оценить окружающую обстановку, здесь всегда находишься в состоянии полной готовности. Если не усвоишь этого урока, то долго здесь не проживешь.

Легко справляясь с несложным управлением, Пардот жестом указал на текучий утренний свет, который начинал разливаться над вершинами дюн.

– Но в этом мире существуют и свои вознаграждения. Я вырос на Салусе Секундус, и даже в той изуродованной планете была своя прелесть, хотя ничто там не могло идти ни в какое сравнение с чистотой Дюны.

Кинес выдохнул, оттопырив жесткие потрескавшиеся губы.

Лиет продолжал смотреть на ландшафт сквозь стекло из прозрачного поцарапанного плаза. В отличие от своего отца, который высказывал вслух любую мысль, которая приходила ему в голову, и произносил то, что любой фримен прятал в душе, как религиозное откровение, Лиет предпочитал молчать. Прищурился, он всматривался в пейзаж, стараясь заметить, все ли находится на своих местах. Надо быть бдительным.

На такой суровой планете, как Дюна, надо развивать в себе способность хранить память о восприятиях, чтобы в нужный момент включить нужный для выживания навык. Хотя отец был намного старше, Лиет не думал, что он, Пардот, понимает жизнь лучше, чем он. Ум Пардота Кинеса обладал мощными концепциями, но сам старший Кинес воспринимал их, как некие эзотерические данные. Он не понимал пустыню ни сердцем, ни душой...

Кинес жил среди фрименов уже много лет. Поговаривали, что император Шаддам IV был не слишком заинтересован в деятельности планетолога, и поскольку тот не просил ни о финан-

сировании, ни об оборудовании, то его решили забыть и предоставить самому себе. Шаддам и его советники перестали ждать великих откровений в периодических донесениях планетолога.

Это вполне устраивало Пардота и тем более его сына.

Во время своих путешествий планетолог часто заезжал в деревни, где люди плоскогорья и ущелий влачили жалкое существование. Истинные фримены редко смешивались с жителями поселков и смотрели на них с плохо скрытым презрением, как на размазней и окультуренных неженков. Лиет не согласился бы жить в такой деревне за все деньги империи. Но Пардот часто навещал такие селения.

Отец и сын объезжали на вездеходе ландшафты планеты, качаясь на разбитых дорогах и тропах, заглядывая на метеорологические станции и собирая планетологические данные, хотя подразделения верных Пардоту фрименов с радостью выполнили бы эту опасную работу за своего умму.

Черты лица Лиета Кинеса в общем повторяли черты его отца, хотя у сына было более худое лицо и близко посаженные глаза, унаследованные им от фрименской матери. У мальчика были светлые волосы и совершенно гладкий подбородок, хотя, видимо, с возрастом он отпустит такую же бороду, какую носил великий планетолог. Белки глаз Лиета были подернуты синевой пристрастия к пряности, поскольку вся еда и напитки фрименов были обильно сдобрены меланжей.

Лиет услышал, как отец резко выдохнул воздух, когда вездеход сильно качнуло на выщербленном краю каньона, на том месте, где располагалась ловушка влаги, направлявшая ее в сторону скрытых побегов низкорослого кустарника и травы.

– Понятно? Жизнь порождает жизнь. Планета пройдет стадию прерии, которая через несколько поколений даст начало лесам. В песке здесь содержится много соли, а это значит, что раньше здесь было океанское дно, а меланжа имеет щелочную реакцию. – Пардот хохотнул. – Люди в империи будут в ужасе, если узнают, что мы используем пряность как побочный продукт для удобрения земли.

Он улыбнулся сыну.

– Но мы знаем истинную цену вещам, э? Если мы сумеем расщепить пряность, то сможем заставить растения усваивать белок. Даже сейчас мы, если бы поднялись на достаточную высоту, смогли бы увидеть участки зелени, которые удерживают дюны на месте.

Молодой человек вздохнул. Отец – великий человек, захваченный величественной мечтой о будущем Дюны, но Пардот Кинес вряд ли способен видеть то, что происходит у него под носом. Лиет понимал, что если Харконнены обнаружат заросли зелени, то уничтожат их, а заодно примерно накажут всех фрименов.

Хотя Лиету было всего двенадцать лет, он уже участвовал в рейдах со своими фрименскими братьями, и ему случалось убивать солдат Харконненов. Больше года он и его друзья, ведомые бесстрашным Стилгаром, поражали цели, на которые никто больше не обращал внимания. Всего неделю назад товарищи Лиета взорвали дюжину орнитоптеров на запасной площадке. К несчастью, патрули Харконненов отыгрывались на беззащитных деревнях и их несчастных жителях, не делая разницы между оседлыми, смиренными и дикими вольными фрименами.

Сын ничего не говорил отцу о своих партизанских подвигах, зная, что отец не поймет их необходимости. Задуманное заранее насилие, по каким бы причинам оно ни осуществлялось, было чуждо пониманию планетолога. Однако Лиет делал то, что должно.

Сейчас их вездеход приблизился к деревне Байларское Становище – так было обозначено на карте селение, спрятанное у подножия гор. Пардот продолжал рассуждать о меланжи и ее особенных свойствах.

– Пряность обнаружили на Арракисе слишком рано. Это отодвинуло срок начала настоящего научного ее исследования. Было бы очень полезно, если бы с самого начала никто не знал бы ее таинственных свойств.

Лиет обернулся и посмотрел на отца.

– Думаю, что тебя назначили на Дюну именно для того, чтобы ты изучил свойства пряности.

– Да, но нам предстоит более важная работа. Я все еще регулярно отправляю ко двору императора донесения о том, что продолжаю свою работу, правда, не очень успешно.

Рассказывая о том, как он первый раз побывал здесь, Пардот направил вездеход к скоплению жалких домишек цвета песка и пыли.

Вездеход перевалил через гребень скалы, но Лиет не обратил внимания на толчок, пристально вглядываясь в строения деревни и шурясь от яркого утреннего света пустыни. Рассветный воздух был хрупок, как хрусталь.

– Здесь что-то случилось, – перебил отца Лиет.

Кинес по инерции продолжал говорить еще несколько секунд, потом замолчал и остановил машину.

– Что это? – спросил он.

– Здесь что-то не так, – ответил Лиет, указывая рукой в направлении деревни.

Кинес прикрыл глаза ладонью и вгляделся в строения деревни.

– Я ничего не вижу.

– Все равно давай подьем, но будь осторожнее.

В центре деревни происходило празднество ужаса.

Уцелевшие жертвы бродили по улицам, словно охваченные безумием, вереща и рыча, как животные. Шум стоял ужасный, впрочем, и запах был не лучше. Люди кровавыми клочьями вырывали у себя из головы волосы. Другие длинными ногтями выковыривали из глазниц глазные яблоки, мяли их в ладонях и, ослепшие, шатаясь, продолжали брести по улице, оставляя за собой кровавые следы и натываясь на стены домов.

– О Шаи Хулуд! – едва слышно прошептал Лиет, а его отец громко выругался на имперском галахском наречии.

Один мужчина с вырванными глазами, на чьем лице зияли два отверстия, похожие на страшные уродливые рты, наткнулся на женщину, распростертую на земле. Он упал, и они вцепились друг в друга ногтями, начав драться, кусаться и царапаться, плюясь и страшно крича. На улице там и сям виднелись грязные лужицы, контейнер с водой был опрокинут.

На земле отец и сын увидели множество тел, которые лежали, скорчившись, как гигантские насекомые, с руками и ногами, вывернутыми под самыми немыслимыми, неестественными углами. Некоторые дома были заперты и забаррикадированы от сумасшедших, неистовствовавших на улице. Обезумевшие жертвы стучали в стены и, нечленораздельно что-то вопя, пытались проникнуть в запертые хижинки. На одном из верхних этажей Лиет заметил за пыльным стеклом из плаза перекошенное страхом лицо какой-то женщины. Другие жители спрятались, каким-то чудом избежав смертельного отравления.

– Мы должны помочь этим людям, отец, – крикнул Лиет и выпрыгнул из вездехода, прежде чем Пардот успел остановиться. – Возьми оружие, нам, возможно, придется защищаться.

Они вооружились старыми пистолетами и ножами. Отец, хотя и был истинным ученым в душе, слыл хорошим бойцом – этот навык он сохранил для того, чтобы сберечь свое видение Арракиса. Легенда гласила, что однажды великий планетолог уничтожил несколько солдат Харконненов, пытавшихся убить трех юных фрименов. Эти спасенные юноши стали теперь

самыми преданными лейтенантами Пардота – Стилгар, Тьюрок и Оммум. Однако Пардоту еще никогда не приходилось драться с таким противником... Ничего похожего он просто не видел.

Обезумевшие жители деревни увидели Кинесов и, издав дружный дикий вой, бросились на пришельцев.

– Не убивай их без нужды, – крикнул Пардот, с удивлением заметив, как быстро и ловко его сын успел вооружиться крисом и пистолетом. – Берегись.

Лиет направился вниз по улице. Что поразило его прежде всего – это ужасная вонь, похожая на смрадное дыхание умирающего прокаженного, как будто этот дух заперли в бутылку, а потом понемногу начали выпускать отравленный воздух.

В изумлении озираясь, Пардот отошел от вездехода на несколько шагов. На стенах не было оплавленных следов лазерных лучей, заборы не были выщерблены попаданиями пуль. Ничто не говорило об открытом нападении солдат Харконненов. Может быть, это какая-то болезнь? Если так, то она, возможно, заразна. Если это чума или какая-то форма прилипчивого безумия, то ни в коем случае нельзя позволять фрименам совершать над умершими ритуал погребения и изъятия воды.

Лиет бросился вперед.

– Фримены обвинят во всем демонов.

Двое окровавленных мужчин с демоническими воплями кинулись к Лиету и Пардоту, пальцы несчастных были растопырены, рты открыты и казались бездонными ямами. Лиет навел на них пистолет и, прочитав молитву, дважды выстрелил. Пули попали нападавшим в грудь, оба упали замертво.

Лиет поклонился.

– Прости меня, Шаи Хулуд.

Пардот во все глаза смотрел на сына. *Я старался научить мальчика многим вещам, но по меньшей мере он научился состраданию. Всему остальному можно научиться в фильмотеке, но с состраданием надо родиться.*

Молодой человек склонился над мертвыми телами и пристально, отгоняя от себя суеверный страх, всмотрелся в них.

– Не думаю, что это болезнь. – Он оглянулся на отца. – Я помогал нашим целителям из сиегча, ну, ты знаешь, и... – Голос мальчика дрогнул.

– Так что это? – спросил Пардот.

– Думаю, что их отравили.

Измученные деревенские жители один за другим в полном изнеможении валялись с ног, замирая на земле. В конце концов в живых осталось только трое. Остальные умерли в страшных конвульсиях, испуская дикие крики. Лиет подбежал к ним и ножом прекратил их мучения. Ни одно племя, никакая деревня никогда не примут этих людей, насколько бы они ни выздоровели. Их будут считать испорченными демонами. Даже их вода будет считаться зачумленной.

Лиет и сам был удивлен, как естественно он принял на себя командование в присутствии собственного отца. Мальчик указал рукой на запертые дома.

– Убеди людей, которые забаррикадировались там, что мы не причиним им никакого вреда. Мы должны узнать, что здесь произошло. – Голос его стал тихим и ледяным. – И мы должны узнать, кто в этом повинен.

Пардот Кинес подошел к покрытому пылью дому. Стены из необожженного кирпича и металлические утопленные двери были испараны и испятнаны кровавыми отпечатками пальцев там, где жертвы отравления пытались вломиться внутрь. Пардот тяжело сглотнул слюну и приготовился стучать в дом, чтобы уговорить охваченных ужасом уцелевших жителей в том, что весь кошмар кончился. Он обернулся и окликнул сына:

– Куда ты, Лиет?

Молодой человек посмотрел на перевернутый контейнер. Он понимал, что существовал только один способ отравить сразу так много людей.

– Проверю водяную цистерну.

Мальчик озабоченно нахмурился. Пардот кивнул.

Лиет осмотрел территорию вокруг деревни и заметил едва заметные следы, ведущие к площадке над деревней. Со скоростью разогретой на солнце ящерицы Лиет взлетел на вершину горы, к цистерне. Она была неплохо замаскирована, но жители все же допустили при этом несколько ошибок. Даже тупые солдафоны харконненовского патруля смогли бы обнаружить нелегальное хранилище воды. Мальчик быстро осмотрелся, стараясь отыскать следы на песке.

У горловины цистерны он уловил горький щелочной запах и попытался определить, чем это пахнет. Ему редко приходилось вдыхать этот дух, но он вспомнил, что вдыхал его во время праздников сиегча. *Вода Жизни!* Фримены пили эту воду только после того, как Сайадина с помощью биохимии своего организма что-то делала с испарениями утопленного песчаного червя. Этот катализ превращал токсин в волшебное снадобье. Выпив его, жители сиегча впадали в экстатическое веселье. Но без предварительной обработки лекарство оборачивалось страшным ядом.

Жители Байларского Становища выпили чистую Воду Жизни, без ее трансформации. Кто-то сделал это намеренно, отравив их.

На мягкой почве площадки Лиет увидел следы стоек орнитоопера. *Должно быть, это орнитоопера Харконненов.* Регулярный патруль. *Это что, милая шутка?*

Мрачно усмехнувшись, Лиет вернулся в опустошенную деревню, где его отцу удалось уговорить нескольких уцелевших жителей выйти из забаррикадированных домов. По счастью, эти люди не успели выпить отравленной воды. Сейчас они упали на колени, объятые страхом от вида распростертых на улице тел. Крики скорби разносились по округе, похожие на завывания призраков в скалах.

Это дело рук Харконненов.

Пардот Кинес попытался успокоить людей, делая все, что было в его силах, но по недомыслию выражению лиц уцелевших жителей Лиет видел, что отец, видимо, делает что-то не так; его умозрительные понятия не доходили до сознания деревенских жителей.

Лиет спустился с горы, в голове его уже зрел план. Как только они вернутся в сиегч, он встретится со Стилгаром и его молодцами.

И тогда они придумают, как отомстить Харконненов.

Империя, построенная на силе, не способна снискать любви и преданности, которыми подданные охотно награждают правление, основанное на идеях и красоте. Украсьте же вашу Великую Империю красотой и культурой.

Из речи кронпринца Рафаэля Коррино. L'Institute de Kaitain Archives¹

Прошедшие годы не были милостивы к барону Владимиру Харконненов.

В ярости он изо всех сил ударил тростью по полке на стене лечебного кабинета. Банки с мазями, притираниями, пилюлями и коробки со шприцами с грохотом посыпались на выложенный плитками пол.

– Ничто не помогает!

С каждым днем барон чувствовал себя все хуже и хуже, внешность его менялась также не в лучшую сторону. Из зеркала на барона глянула краснорожая расплывшаяся карикатура на того Адониса, каким был когда-то Владимир Харконнен.

– Я похож на раковую опухоль, а не на мужчину.

¹ Архивный институт Кайтэйна (*фр.*).

В комнату стремительно вошел Питер де Фриз, готовый в случае надобности прийти на помощь патрону. Барон попытался ударить ментата тростью, но тот увернулся от тычка с грацией кобры.

– Убирайся с глаз долой, Питер, – рявкнул барон, изо всех сил стараясь сохранить равновесие. – Уходи или я действительно придумаю, как тебя убить.

– Как прикажет его милость барон, – проворковал де Фриз елеинным голосом, поклонился и выскользнул вон.

Людей, к которым барон испытывал искреннюю симпатию, можно было пересчитать по пальцам, но он ценил дьявольскую работоспособность своего извращенного ментата, его сложные многоходовые планы, умение предугадывать развитие событий... ценил, несмотря на отвратительную фамильярность и отсутствие элементарных проявлений уважения.

– Постой, Питер, мне нужны твои ментатские мозги.

Барон оперся на трость и подался вперед.

– Я хочу задать тебе все тот же старый проклятый вопрос: почему мое тело распадается? Узнай это, иначе я брошу тебя в самую глубокую темницу для рабов.

Тонкий, как хлыст, ментат подождал, пока Харконнен поравняется с ним.

– Сделаю все, что в моих силах, но я хорошо помню, какая судьба постигла тех докторов, которые осмелились лечить вас.

– Невежды, – прорычал барон. – Никто из них ничего не смыслил в своем деле.

Барон, привыкший чувствовать себя здоровым и полным энергии, сильно страдал от искалечившей его болезни, которая внушала ему отвращение и страх. Харконнен набрал огромный вес. Физические упражнения не помогали, причину заболевания не удалось выявить ни при медицинском сканировании, ни при хирургической ревизии внутренних органов. За несколько лет он перепробовал массу исцеляющих процедур, иногда весьма причудливых, но ни одна из них не пошла на пользу барону.

За эти неудачи многие врачи Дома Харконненов заплатились мученической смертью от рук Питера де Фриза, который подчас с большой фантазией пользовался для умерщвления их же инструментами. В результате все более или менее стоящие врачи – те, которых не успели казнить – либо попрыгались, либо бежали с Гьеди Первой на другие планеты.

Еще больше раздражало барона то, что начали разбегаться и слуги – и не потому, что Харконнен приказывал их убивать. Слуги бежали от греха подальше в Харко-Сити, растворяясь в массе рабочего люда. Когда барон появлялся на улицах города в сопровождении начальника своей охраны Криуби, то выискивал глазами бывших слуг или людей, которые были *похожи* на них. После посещения бароном Харко-Сити на улицах оставались горы трупов. Эти убийства, впрочем, доставляли барону весьма малое удовольствие, с гораздо большей радостью он получил бы *ответ* на мучивший его вопрос.

Де Фриз шел по коридору рядом с ковылявшим, опирающимся на трость Владимиром Харконненом. Окованный железом конец трости громко стучал по плитам пола. *Скоро, подумал толстяк, мне придется носить специальную подвеску, чтобы избавить больные суставы от непомерной нагрузки.*

Бригада рабочих, чинившая стену в коридоре, застыла от ужаса, заметив приближение ментата и барона. Люди, как заметил Харконнен, заделывали брешь, которую он пробил накануне в очередном припадке бессильной ярости. Рабочие поклонились и вздохнули с облегчением, когда трость барона простучала мимо, а ее владелец скрылся за углом.

Когда Харконнен и де Фриз оказались в гостиной, барон тяжело опустился в подвесное кресло, обтянутое кожей.

– Питер, садись рядом со мной.

Черные глазки ментата забегали, как у зверя, попавшего в капкан, но барон, нетерпеливо фыркнув, успокоил своего наперсника.

– Возможно, сегодня я не стану тебя убивать, если ты дашь мне умный совет.

Ментат вел себя со своей обычной невозмутимостью, ничем не выдав обуревавших его чувств.

– Давать вам советы – это единственная цель моего существования, мой барон.

Ментат держал себя несколько отчужденно, даже, пожалуй, надменно, зная, что Дому Харконненов дорого обойдется замена, хотя Бене Тлейлакс мог в любой момент вырастить нового ментата из того же генетического материала. Могло, правда, случиться и так, что двойник был уже готов и просто ждал своего часа.

Барон побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

– Это правда, но ты не всегда даешь мне советы, в которых я нуждаюсь. – Вглядевшись в лицо де Фриза, он добавил: – Ты безобразный мужчина, Питер. Даже я с моей болезнью гораздо привлекательнее и красивее тебя.

Острый, как у саламандры, язык ментата метнулся изо рта и облизнул красные от сока сафо губы.

– Но мой дражайший барон, вы же всегда любили смотреть на меня.

Лицо барона приняло жестокое выражение. Он подался вперед, ближе к высокому тощему ментату.

– Хватит с меня любителей. Я хочу, чтобы ты привел ко мне доктора Сук.

Де Фриз едва не задохнулся от изумления.

– Но вы же сами настаивали на сохранении полной тайны во всем, что касается вашего заболевания. Доктора Сук обязаны сообщать о всех случаях, которыми они занимаются, в свой Внутренний Круг и отсылать туда львиную долю своего гонорара.

Владимир Харконнен сумел убедить членов Ландсраада, что располнел до такой степени только благодаря излишествам – для него это было вполне приемлемым объяснением, объяснением, которое не говорило о слабости. Учитывая вкусы барона, в эту ложь было очень легко поверить. Харконнен не желал становиться жалким посмешищем в глазах других аристократов, великий барон не может страдать простым, поражающим всех смертных заболеванием.

– Найди способ сделать это. Не пользуйся рутинными каналами. Если доктор Сук сможет вылечить меня, то мне просто нечего будет скрывать.

Несколько дней спустя Питер де Фриз выяснил, что на союзной Харконненам планете Ришезов практикует талантливый, хотя и склонный к нарциссизму доктор Сук. В мозгу ментата завертелись шестеренки. В прошлом Дом Ришезов оказывал Дому Харконненов некоторые услуги в щекотливых делах, например в убийстве герцога Пауля Атрейдеса во время боя быков, но союзники часто ссорились, деля пальму первенства. Чтобы разрешить этот деликатнейший из вопросов, Питер пригласил ришезианского премьера, Эйна Калимара, посетить Убежище барона на Гьеди Первой «для обсуждения взаимовыгодного предприятия».

Калимар оказался пожилым, смуглым, безукоризненно одетым человеком, сохранившим атлетическое телосложение; на его носу красовались очки в тонкой проволочной оправе. Он прибыл в космопорт Харко-Сити в белом костюме с золотыми отворотами. Четыре гвардейца в голубой парадной форме Дома Харконненов сопроводили Калимара в личные апартаменты барона.

Войдя в покои Харконнена, премьер непроизвольно сморщил нос, что не ускользнуло от пронизательного взгляда хозяина. В двух метрах от гостя был открытый стенной шкаф, в котором на крюке висело обнаженное мертвое тело молодого мужчины. Барон намеренно оставил дверь шкафа приоткрытой. Сладковатый свежий трупный запах смешался со старым, пропитав всю комнату. Этот отвратительный запах не могли перебить никакие духи и дезодоранты.

– Прошу вас, садитесь. – Барон указал гостю на кушетку, покрытую пятнами старой запекшейся крови. Вся церемония встречи была заблаговременно продумана так, чтобы сразу указать премьеру Ришезов его истинное место и заставить нервничать.

Калимар поколебался – к полному удовольствию Харконнена, – но все же принял приглашение, отказавшись, правда, от киранского бренди, хотя хозяин не отказал себе в рюмочке. Барон тяжело откинулся на спинку кресла. За его спиной стоял вертлявый ментат, который и изложил причину, по которой Дом Харконненов предложил эту встречу.

Измученный Калимар покачал головой.

– Вы хотите одолжить у меня доктора Сук?

Нос гостя продолжал морщиться, премьер поискал глазами источник запаха и наконец уставился на приоткрытую дверь шкафа. Калимар нервно поправил золотые очки.

– Простите, но я просто не в состоянии пойти на это. Личный доктор Сук – это ответственность и одолжение... не говоря уже об огромной цене.

Барон надул губы.

– Я пробовал лечиться у других врачей и хотел бы сохранить все дело в тайне. Я не могу дать объявление и ждать, когда ко мне пожалует какой-нибудь лопающийся от сознания собственной гениальности профессионал. А ваш доктор Сук будет связан своей клятвой о неразглашении тайны, и к тому же никто не обязан знать, что он на короткий период оставил службу.

Барон с удивлением различил в своем голосе жалобные нотки.

– Ну же, где ваше сострадание?

Калимар отвернулся от зловещего темного чрева шкафа.

– Сострадание? Это слово забавно звучит в ваших устах, барон. Ваш Дом не потрудился помочь нам в решении наших проблем, хотя мы неоднократно обращались к вам с просьбами на протяжении последних пяти лет.

Барон подался вперед. Его трость с набалдашником, украшенным головой червя, лежала на его коленях. В конце трости были отравленные стрелы, направленные сейчас на человека в белом. Какое искушение!

– Может быть, нам все же удастся прийти к взаимопониманию.

Он вопросительно посмотрел на ментата, требуя объяснения.

– Одним словом, речь идет о деньгах, мой барон. Экономика Ришезов трещит по швам.

– Наш посол не раз говорил об этом вашим эмиссарам, – добавил Калимар. – С тех пор как наш Дом утратил доходы от операций с пряностью на Арракисе – не забудьте, это вы сменили нас там, – мы все время старались усилить наше экономическое могущество. – Премьер вздернул вверх подбородок, сделав вид, что его не покинули остатки гордости. – Впервые, падение Икса было для нас настоящим подарком, ибо исчезла конкуренция. Однако наше финансовое положение остается... несколько стесненным.

Паучьи глаза барона вспыхнули, смутив Калимара. Дом Ришезов, производитель экзотического оружия, миниатюрных приспособлений и ришезианских зеркал, заключал неплохие сделки во время переворота на Иксе.

– Пять лет назад тлейлаксы возобновили поставку на рынок традиционных иксианских товаров, – с беспощадной логикой заговорил ментат. – Вы уже потеряли те доходы, которые приобрели за последние десять лет. Особенно сильно поставки ришезианских товаров упали после возобновления производства на Иксе.

Калимар не утратил присутствия духа, и когда заговорил в ответ, голос его оставался твердым:

– Итак, вы сами видите, что нам нужны ресурсы для умножения наших усилий по инвестированию в новые предприятия.

– Ришезы, Тлейлаксу, Икс... мы стараемся не вмешиваться в склоки между другими Домами, – вздохнул барон. – Как я хочу, чтобы в Ландсрааде воцарился вечный мир.

Черты лица ришезианского премьера исказились от гнева.

– Это нечто большее, чем склока, барон. Речь идет о выживании. Многие мои агенты исчезли на Иксе, и я предполагаю, что они убиты. Меня охватывает отвращение при одной мысли о том, что тлейлаксы могли сделать с их телами.

Он поправил очки, на лбу его выступили капли пота.

– Кроме того, Бене Тлейлакс – это не Дом в общепринятом смысле этого слова. Ландсраад никогда не примет их в качестве полноправных членов.

– Чисто технически.

– Мы зашли в тупик, – заявил Калимар, сделав вид, что хочет встать. Он еще раз посмотрел в сторону зловещего шкафа. – Я не верил, что вы захотите платить нашу цену, независимо от того, насколько хорош наш доктор Сук.

– Пойдите, пойдите. – Барон поднял руку. – Торговые соглашения и военные союзы – это одно. Дружба – совсем другое. Вы и ваш Дом всегда были нашими верными союзниками. Может быть, я не совсем верно представлял себе степень ваших трудностей.

Калимар откинул назад голову и искоса взглянул на барона.

– Количество наших трудностей можно обозначить единицей со множеством нулей, но без единой запятой.

Почти невидимые за складками жира глаза барона вспыхнули неожиданной силой и живостью.

– Если вы пришлете мне доктора Сук, премьер, то мы попробуем переосмыслить ситуацию. Думаю, что вы приятно удивитесь, узнав финансовые детали нашего предложения. Считайте это платежом.

Калимар не двинулся с места.

– Я бы хотел услышать предложение прямо сейчас.

Видя, что лицо премьера приобрело каменное выражение, барон кивнул ментату.

– Питер, расскажи ему о нашем предложении.

Де Фриз назвал высочайшую цену за найм доктора Сук, которую Харконнен обязывался выплатить меланжей. Не важно, сколько стоит доктор Сук, Дом Харконненов может выжать деньги, ликвидировав некоторые из незаконных хранилищ пряности или увеличив производство ее на Арракисе.

Калимар притворился, что обдумывает предложение, но барон понимал, что премьер согласится; у него просто не оставалось другого выхода.

– Доктор Сук будет прислан к вам незамедлительно. Этот врач, Веллингтон Юэх, изучал киборгов, разработал специальный интерфейс для взаимодействия машины и человека, применил этот метод для замены утраченных конечностей. Этот способ лечения – альтернатива способу тлейлаксов, которые выращивают конечности в своих чанах с аксолотлями.

– Ты не должен изготавливать машин, заменяющих разум человека, – процитировал де Фриз первую заповедь Джихада Слуг.

Калимар оцепенел.

– Наши патентованные юристы вникли в детали этого способа и не нашли в нем нарушения запретов.

– Меня не волнует, какая у него специальность, – нетерпеливо заговорил барон. – Все доктора Сук обладают обширными познаниями, которыми они и оперируют. Вы понимаете, надеюсь, что все, о чем мы здесь говорили, следует сохранить в строжайшей тайне?

– Об этом не стоит беспокоиться. Внутренний Круг врачей Сук имеет деликатную медицинскую информацию о многих поколениях семей – членов Ландсраада. Вам не о чем тревожиться.

– Я больше встревожен тем, что будут болтать обо мне ваши люди. Могу ли я положиться на ваше обещание не разглашать никаких подробностей нашей сделки? Это разглашение может оказаться неудобным и для вас.

Казалось, темные глаза барона еще глубже погрузились в складки жира на лице.

Премьер принужденно кивнул.

– Я очень рад, что могу чем-то помочь вам, барон. Мне выпала привилегия наблюдать, как работает доктор Юэх. Позвольте мне заверить вас, что этот человек действительно производит впечатление.

Военные победы бессмысленны, если они не отражают чаяний народа. Император существует только для того, чтобы четко обозначить эти чаяния. Он выполняет волю народа, в противном случае его правление будет коротким.

«Начала» имперской академии управления

Император принимал сообщения с информационного ридулианского кристалла, сидя в анатомическом подвесном кресле под черным защитным колпаком. Вручив Шаддаму зашифрованное сообщение, Хазимир Фенринг встал возле кресла, ожидая, пока слова шифровки перейдут в сознание императора.

Правитель был явно не в восторге от того, что услышал.

Прием информации закончился, и граф Фенринг откашлялся, приготовившись говорить.

– Хайдар Фен Аджидика многое скрывает от нас, сир. Если бы он не представлял такой важности для проекта «Амаль», то я бы ликвидировал его, хм-м.

Император откинул в сторону защитный колпак, вырвал кристалл из гнезда. Привыкнув к яркому свету утреннего солнца, проникавшему сквозь стекла окон его личных апартаментов, император вперил в Фенринга свой взор. Граф стоял, опершись на императорский стол из золотистого дерева чусук, инкрустированный молочно-белыми камнями су, с таким видом, словно этот предмет мебели был его собственностью.

– Понимаю, – начал размышлять Шаддам. – Гном не хочет принять еще два легиона сардаукаров. Командующий Гарон заставит его почувствовать длань власти, и он боится, что наши тиски раздавят ему горло.

Фенринг отошел к окну и принялся вышагивать взад и вперед, глядя на разлив оранжевых и лавандовых цветов в саду на крыше дворца. Он выковырял какую-то мелочь из-под ногтя и выбросил ее прочь.

– Разве мы все не чувствуем, как вокруг нас сжимаются тиски, хм-ма?

Шаддам заметил, что граф Фенринг смотрит на голографическое изображение трех юных дочерей, которое Анирул повесила на стене – это было докучливое напоминание о том, что у Шаддама до сих пор нет наследника. Ирулан было четыре года, Шалис – полтора, а малышке Венсии только-только сравнялось два месяца. Выдержав многозначительную паузу, император выключил изображения и повернулся к другу.

– Ты – мои глаза в пустыне, Хазимир. Меня очень беспокоит то, что тлейлаксы контрабандой вывозят с Арракиса детенышей песчаных червей. Я думал, что это невозможно.

Фенринг равнодушно пожал плечами.

– Какая печаль в том, что они вывезут пару маленьких червей? Эти тваридохнут вскоре после увоза, несмотря на самый тщательный уход.

– Вероятно, не стоит портить экосистему Арракиса. – Пола золотисто-алой накидки императора, перекинутая через подлокотник кресла, терлась об пол. Шаддам взял из стоявшего рядом блюда кусок красного фрукта. – В своем последнем донесении наш планетолог, работающий в пустыне, утверждает, что уменьшение поголовья определенных видов может оказать разрушительное воздействие на пищевую цепочку. Он говорит, что будущим поколениям придется платить за ошибки, допущенные нами.

Фенринг небрежно отмахнулся от этого замечания.

– Не тревожьтесь по поводу его донесений. Если вы вернете меня из изгнания, сир, то я сумею отогнать от вас подобные тревоги. Я могу думать за вас, хм-ма?

– Твое назначение Имперским Наблюдателем на Арракисе едва ли можно назвать изгнанием. Кроме того, ты граф и министр пряности.

Отвлекшись, Шаддам подумал, не приказать ли принести прохладительного, вызвать музыкантов или устроить ради развлечения военный парад. Стоило только приказать. Но в данный момент это не вызвало у него особого интереса.

– Ты хочешь получить более высокий титул, Хазимир?

Отведя свои огромные глаза, Фенринг ответил:

– Это привлекло бы ко мне излишнее внимание. Уже сейчас очень трудно стало скрывать от Гильдии мои частые поездки на Ксутгух. Кроме того, тривиальные титулы для меня ничего не значат.

Император бросил огрызок фрукта в чашку и нахмурился. В следующий раз он прикажет вынимать семечки из плодов, прежде чем подавать их к столу.

– Падишах-император – это тоже тривиальный титул?

Сверху раздались три сигнала зуммера. Мужчины посмотрели на потолок, с которого свисала спиральная, из прозрачного плаза, труба пневмопочты, раструб которой открывался над столом императора. Из трубы выпал цилиндр с сообщением и упал на заранее приготовленное для этого место. Фенринг извлек сообщение из углубления, сорвал печать и вынул из цилиндра два свернутых листа бумаги, которые он, не заглянув в них, передал императору. Шаддам развернул листки, пробежал глазами сообщение и нахмурился, выразив этим свое крайнее недовольство.

– Хм-м-м? – нетерпеливо протянул Фенринг.

– Еще одно формальное письмо с жалобой от эрцгерцога Эказа и объявление вражды с грумманским Домом Моритани. Это, пожалуй, самое серьезное.

Шаддам вытер пальцы, испачканные красным соком, о полу императорского одеяния и продолжил чтение. Лицо его вспыхнуло.

– Минуту, минуту. Герцог Лето Атрейдес уже предложил Ландсраду свои услуги в качестве посредника, но Эказ взял это дело в свои руки.

– Интересно, – произнес Фенринг.

Шаддам сердито сунул письмо в руки графа.

– Герцог Атрейдес узнал об этом происшествии раньше меня? Как это оказалось возможным? Ведь император – я!

– Сир, эта вспышка вражды не является удивительной, если вспомнить о прискорбном происшествии, имевшем место на моем формальном банкете. – Встретив непонимающий взгляд, граф продолжил: – Вы не помните? Убийство, совершенное грумманским послом? Вы не помните мой рапорт? Я послал его вам несколько месяцев назад. Разве нет, хм-ма?

Шаддам попытался сложить в своем мозгу целостную картину, потом махнул рукой в сторону плазовой полки возле своего стола.

– Может быть, он лежит там? Я же не могу все читать!

Темные глаза Фенринга вспыхнули раздражением.

– Вы находите время читать эзотерические измышления планетолога, но не можете выкроить время почитать мои рапорты? Вы были бы готовы к вспышке этой вражды, если бы прочитали мое коммюнике. Я же предупреждал, что грумманцы опасны и за ними стоит понаблюдать.

– Понятно. Тогда расскажи мне, что ты написал в своем рапорте, Хазимир. Я, к сожалению, так занят.

Фенринг рассказал, как ему пришлось отпустить наглого Лупино Орда, защищенного дипломатическим иммунитетом. Вздохнув, император вызвал советников для срочного совещания.

В конференц-зале, примыкавшем к императорскому кабинету Шаддама, собрались юристы-ментаты, представители Ландсраада и наблюдатели Космической Гильдии, чтобы обсудить технические вопросы объявления вражды, способы ведения военного действия, в ходе которого должны были погибнуть только военнослужащие при нанесении минимального вреда гражданским лицам.

Великая Конвенция запрещала использование атомного и биологического оружия и требовала, чтобы враждующие Дома сражались по правилам, принятыми прямыми и косвенными методами. В течение тысячелетий твердо установленные правила сформировали костяк империи. Советники припомнили причины конфликта, последовательность развития событий, то, как Эказ обвинил Моритани в биологической диверсии в лесу туманных деревьев, как посол Груммана убил на банкете у графа Фенринга своего эказского коллегу, как эрцгерцог Эказ объявил формальную вражду Дому виконта Моритани.

– Есть и еще один примечательный факт, – взял слово имперский шеф торговли, размахивая узловатым пальцем, как рапирой. – Я узнал, что весь груз памятных монет, отчеканенных в честь десятилетия вашего восшествия, сир, на Трон Золотого Льва, был украден во время дерзкого нападения на коммерческий фрегат. Это были весьма своеобразные космические пираты, если верить официальным сообщениям.

Шаддам побагровел и нетерпеливо прервал оратора:

– Какое отношение это мелкое воровство имеет к нашему случаю?

– Тот груз, сир, направлялся на Эказ.

В разговор вмешался Фенринг:

– Хм-м, было ли украдено что-нибудь еще? Военные материалы, оружие или что-то в этом роде?

Шеф торговли заглянул в свои записи.

– Нет, так называемые пираты похитили только памятные монеты, оставив на борту все остальные ценности. – Он понизил голос и пробормотал, словно обращаясь к самому себе: – Однако, поскольку мы используем для чеканки памятных монет низкосортные металлы, финансовые потери были не столь уж велики. . .

– Я бы порекомендовал направить имперских наблюдателей на Эказ и на Грумман, – сказал канцлер двора Ридондо, – чтобы заставить враждующие стороны соблюдать правила. Дом Моритани славится своим умением превращать формальные правила в растяжимое понятие.

Ридондо своей худобой напоминал скелет, обтянутый желтоватой кожей. Он славился тем, что умел, как никто другой, обдирать скользкие дела, за что его очень ценил Шаддам. Пост канцлера был как будто специально создан для Ридондо.

Прежде чем совет приступил к обсуждению предложения Ридондо, в приемник возле кресла императора упало еще одно сообщение. Шаддам швырнул его на стол собрания.

– Виконт Хундро Моритани ответил на дипломатический демарш ковровым бомбометанием по эказскому дворцу и по всему полуострову, на котором он расположен! Трон Красного Дерева перестал существовать. Погибли сотни тысяч мирных жителей, несколько лесов охвачены пламенем. Эрцгерцог Эказ едва успел спастись со своими тремя дочерьми.

Шаддам скосил глаза на свернутые листки бумаги, потом метнул взгляд на Фенринга, но не стал спрашивать совета.

– Он нарушил правила вражды? – сказал шеф торговли. – Как он мог решиться на это?

Ридондо озабоченно сморщил желтую кожу на своем лбу.

– У виконта Моритани нет чести, которой был так хорошо известен его дед, друг Охотника. Что делать с такими бешеными собаками, как виконт?

– Грумман всегда ненавидел империю и необходимость быть ее частью, сир, – подчеркнул Фенринг. – Моритани никогда не упускает возможность плюнуть нам в лицо.

Дискуссия за столом стала более возбужденной. Слушая громкие раздраженные голоса и стараясь сохранить царственный вид, Шаддам думал о том, насколько реальное положение императора отличается от того, какое он рисовал в своем воображении. Реальность была невероятно сложной, на нее влияло столько самых разнообразных, противодействующих друг другу сил.

Он вспомнил, как в юности играл в войну с Хазимиром, и понял, как не хватает ему компании и советов старого друга. Но император не имеет права с легкостью менять важные решения – Фенринг останется на Арракисе и будет по совместительству наблюдать за программой изобретения искусственной прядности. Будет лучше, если шпионы поверят в то, что между ними существуют трения, но все же не мешает почаще планировать приезд на Кайтэйн наперсника и друга детства...

– Правила надо соблюдать, сир, – наставительно произнес Ридондо. – Закон и традиции цементируют империю. Мы не можем позволить ни одному аристократическому Дому игнорировать ограничения по собственному произволу. Ясно, что Моритани смотрит на нас, как на слабых и неспособных вмешаться в эту склоку. Он дразнит вас.

Империя не выскользнет из моих рук, мысленно поклялся себе Шаддам. Он решил подать добрый пример.

– Да будет известно всем в империи, что легион сардаукаров будет расквартирован на Груммане на срок два года. Мы накажем этого строптивого виконта. – Он повернулся лицом к наблюдателю от Космической Гильдии, сидевшему за дальним концом стола. – Кроме того, я желаю, чтобы Гильдия наложила повышенный тариф на все товары, которые прибывают на Грумман и вывозятся с него. Доходы от этого мероприятия будут использованы для выплаты репарации Эказу.

Представитель Гильдии долго сидел молча, словно взвешивая «решение», которое на самом деле было всего лишь просьбой. Гильдия была вне юрисдикции падишаха-императора. Наконец представитель согласно кивнул:

– Это будет сделано.

Поднялся один из судей-ментатов.

– Они подадут апелляцию, сир.

Шаддам напрягся.

– Если Моритани имеет для этого повод, то пусть сделает это.

Фенринг барабанил пальцами по столу, стараясь осмыслить возможные последствия. Шаддам уже отправил на Икс два легиона сардаукаров, чтобы надзирать за тлейлаксами, а теперь он посылает еще один воинский контингент на Грумман. Во всех горячих и проблемных точках империи Шаддам усилил видимое присутствие своих вооруженных сил, надеясь таким способом подавить даже малейшую попытку бунтовать. Он повысил ранг бурсегов и увеличил количество офицеров среднего звена, чтобы было кому командовать экспедиционными войсками.

Но при всем том продолжались мелкие, вызывающие лишь раздражение акты саботажа, такие как похищение мемориальных монет, направленных на Эказ, запуск воздушного шара, изображающего карикатуру на Шаддама, над стадионом в Харментепе, стирание лиц со статуй, оскорбительные слова, написанные на стенах Памятного Каньона...

В результате верные сардаукары были распределены по империи очень мелкими подразделениями, а проект «Амаль», поглощавший массу денег из казны, делал невозможной качественную подготовку новых воинских соединений. Военные резервы истощались, и Фенринг

предвидел наступление трудных времен. Как показывал пример Моритани, многие в империи чувствовали слабость и чужды запах крови...

Фенринг хотел было напомнить обо всем этом Шаддаму, но передумал, решив молчать, пока продолжается совет. Его старый друг, кажется, решил, что может обойтись без него – ну так пусть докажет это.

Император будет все глубже и глубже загонять себя в трясины, и в конце концов ему придется вернуть из изгнания сосланного министра пряности. Когда это случится, Фенринг заставит его унижаться... но потом согласится вернуться.

Для успеха движения жизненно необходима жесткая организационная структура, которая, правда, является в то же время первоочередной мишенью для противника.

Каммар Пилру, посол Икса в изгнании. «Трактат о свержении незаконной власти»

Все время, оставшееся до следующей встречи группы сопротивления, К'тэр провел под видом погруженного в себя субоида. Пользуясь этой маской, он разведал несколько подземных убежищ, пригодных для собраний патриотов.

Прорезанное похожими на сталактиты зданиями голографическое изображение неба выглядело чужим, имитируя свет солнца враждебной планеты. У К'тэра болели руки от перетаскивания тяжелых ящиков на самодвижущиеся платформы, доставлявшие припасы, оборудование и сырье в наглухо запертый исследовательский павильон.

Захватчики прибрали к рукам множество промышленных предприятий и модифицировали их конструкцию, возводя новые здания поверх крыш и переходов. Во времена Дома Верниусов предприятия имели особенную архитектуру, будучи одновременно красивыми и функциональными. Теперь же заводы были похожи на крысиные норы, окруженные мощными стенами и бронированными ежами, светящиеся окружавшими их защитными полями. Здания смотрели на мир слепыми закрытыми окнами.

Что делают здесь тлейлаксы?

К'тэр носил старую поношенную одежду, придавал лицу расслабленное, вялое выражение, изгнал живой блеск из глаз, сосредоточившись на монотонной рутине повседневного тяжелого физического труда. Когда его щеки покрывались пылью, когда пальцы пачкались машинным маслом, он не смывал грязь, а продолжал работать, как заведенный механизм.

Тлейлаксы не считали субоидов достойными внимания, но мастерски использовали их при захвате власти на Иксе. Захватчики обещали улучшить условия труда и жизни субоидов, но вместо этого подвергли их такому угнетению, которое не снилось несчастным во времена Доминика Верниуса.

В свободное от работы время К'тэр жил в одной из каменных казарм субоидов. Рабочие были социально пассивны и даже между собой общались мало. Несколько человек заметили появление новичка и спросили, как его зовут; никто не стал выяснять подробности и никто не навязывал К'тэру свою дружбу. Здесь К'тэр чувствовал себя невидимкой больше, чем когда в первые месяцы переворота прятался в защищенном убежище.

К'тэр предпочитал оставаться невидимкой. Так он мог достигнуть гораздо большего.

К'тэр заблаговременно разведал место предстоящей тайной встречи. Воспользовавшись контрабандным оборудованием, он проверил пустующее складское помещение – нет ли там подслушивающих устройств. Нельзя было недооценивать тлейлаксов – особенно после того, как на Икс для ужесточения режима были присланы два легиона имперских сардаукаров.

Он встал в центре помещения и медленно осмотрелся. В пещеру вели пять туннелей. Слишком много входов, слишком много мест для возможных ловушек. К'тэр задумался, потом улыбнулся, ему в голову пришла одна идея.

На следующий день он раздобыл маленький голографический проектор, с помощью которого создал изображение безликого камня. Бесшумно двигаясь, он установил проектор в одном из выходов и включил прибор. Вход в туннель оказался заблокированным воображаемой стеной. Иллюзия была на удивление достоверной.

К'тэр так долго жил в обстановке подозрительности и страха, что уже не ожидал успешного завершения своих планов. Но это не означало, что он перестал надеяться...

Участники сопротивления подходили к месту встречи по одному, стараясь успеть к назначенному времени. Никто не отважился прийти вдвоем или втроем; каждый носил свою маску, у каждого было подходящее оправдание на случай задержания и допроса: как они оказались в туннеле квартала субоидов?

К'тэр намеренно запоздал. Осторожные члены группы обменивались деталями необходимого им оборудования и напряженным шепотом обсуждали свои планы. Ни у кого не было единой стратегии. Некоторые из этих планов казались К'тэру фантастически смешотворными, некоторые он бы с удовольствием взял на вооружение сам.

Ему были нужны новые кристаллические стержни для передатчика рога. После каждого сеанса связи с удаленным навигатором стержни трескались и расщеплялись, причиняя К'тэру ненужную головную боль.

В последний раз, испытывая рого, К'тэр не смог надежно связаться с Д'мурром. Он чувствовал присутствие брата, сумел даже уловить несколько статичных мыслей, но надежной связи добиться не удалось. После неудачного сеанса К'тэр много часов лежал в постели без сна, испытывая подавленность и остро чувствуя полное одиночество. Только теперь он понимал, как много значили для него сведения о благополучии Д'мурра и о земляках с Икса, которым удалось выжить после бегства с родной планеты.

Временами К'тэр пытался уяснить, чего же он добился за эти годы незаметной борьбы. Он желал большего, ему хотелось бить тлейлаков, но что мог он сделать? Он всмотрелся в лица заговорщиков – людей, которые много говорили, но так мало делали. Он видел жадность в глазах дельцов черного рынка и страх в глазах других. Неужели это те союзники, в которых он нуждался? Иногда он сомневался в этом.

Была здесь и Мираль Алехем, которая отчаянно торговалась, добывая компоненты, нужные для выполнения какого-то таинственного плана. Она отличалась от остальных тем, что работала во имя какой-то конкретной цели.

К'тэр незаметно пробрался к Мираль и посмотрел в ее большие, светившиеся тревогой глаза.

– Я изучил компоненты, которые вы покупаете, – он кивком указал на детали, которые женщина держала в руках, – но не могу понять, что вы хотите сделать. Я мог бы... Я мог бы помочь вам. Я очень хорошо умею паять.

Мираль отступила на полшага, словно испуганный кролик, стараясь по глазам К'тэра понять, нет ли в его словах двойного смысла. Наконец, не разжимая побледневших губ, она произнесла:

– У меня есть... одна идея. Мне надо поискать...

Прежде чем она успела закончить фразу, К'тэр услышал в туннеле какое-то движение, раздался топот множества ног, сначала тихий, потом все более громкий. Послышался крик людей из охранения. Один из них вбежал в помещение, но не успел произнести ни слова – началась стрельба.

– Нас предали! – крикнул один из собравшихся.

Растерянный К'тэр увидел, как в складскую пещеру из четырех туннелей, блокируя возможный прорыв, ворвались сардаукары и воины Тлейлаксу и принялись расстреливать мятежников, поражая их, как мишени в тире.

Крики, вопли, брызги крови. Сардаукары опустили ружья, убивая людей кулаками и пальцами. К'тэр подождал, когда сгустится дым, а мятежники впадут в полную прострацию, – и бросился вперед.

Не видя спасения, Мираль упала на пол. К'тэр схватил ее за плечи, и женщина начала отбиваться от него, как от врага, но К'тэр потащил ее вперед, к каменной стене.

Он толкнул женщину на стену, и Мираль провалилась сквозь нее. После этого К'тэр тоже пробежал сквозь голографическое изображение стены, мучаясь чувством вины из-за того, что не предупредил других о выходе. Но если бы все присутствующие спаслись через один выход, то сардаукары сразу сообразили бы, в чем дело, и уничтожили всех.

Мираль растерянно оглянулась. К'тэр схватил ее за руку и потащил по подземному коридору.

– Я спланировал этот путь бегства заранее. Голограмма.

Они побежали по туннелю.

Внезапно Мираль остановилась.

– Наша группа погибла.

– Она никогда не была *моей* группой, – едва дыша ответил К'тэр. – Они были просто любителями.

Она посмотрела на него, буравя своего спасителя взглядом темных глаз.

– Мы должны расстаться.

Он кивнул, и они разбежались в разные стороны.

Далеко позади он слышал, что сардаукары обнаружили замаскированный голограммой выход и проникли в туннель. К'тэр ускорил бег и свернул в левый туннель, потом нырнул в ответвление и спустился в соседний грот. Наконец он оказался перед шахтой лифта, который вынесет его из огромной пещеры.

Притворяясь субоидом, идущим на работу в ночную смену, он достал из кармана удостоверение и сунул его в щель распознающего устройства. Кабина лифта быстро доставила его в дом, где когда-то жили чиновники и аристократы, служившие Дому Верниусов.

Оказавшись на уровне потолка, К'тэр побежал по соединительным галереям, петляя между домами и глядя вниз, на мерцающие огни изуродованных заводов. Наконец он оказался на уровне здания, которое когда-то называлось Гран-Пале. Здесь К'тэр быстро отыскал вход в убежище-невидимку, которое покинул несколько лет назад.

Он скользнул в помещение и запер за собой дверь. Он долго не скрывался здесь – в этом не было необходимости, но сегодня К'тэр оказался как никогда близко к провалу и аресту. В давящей тишине и полной темноте К'тэр упал на пахнувшую плесенью лежанку, на которой он провел когда-то столько страшных ночей. Ворочаясь, он смотрел в низкий потолок, черневший над его головой. Сердце бешено колотилось. К'тэр никак не мог успокоиться.

Он представил себе звезды, сверкающие крошечные точки, льющие свой свет на первобытную нетронутую поверхность Икса, воображение унесло К'тэра дальше, в бескрайние просторы галактики, где Д'мурр в безопасности водит свои корабли.

Скоро К'тэр свяжется с ним, обязательно свяжется.

*Вселенная – это картина, нарисованная нашим воображением.
Только незрелый человек может представлять себе, что космос – это то, что мы о нем думаем.*

Сиган Визе, Первый Главный Инструктор. Школа гильд-навигаторов

– Д'мурр, – не переставая повторял какой-то смутно знакомый голос в дальнем уголке сознания, – Д'мурр...

В наглухо закрытой навигационной камере в верхней части лайнера Д'мурр плавал в облаке меланжевого газа, удерживая равновесие движениями перепончатых ног. Оранжевые

клубы окружали навигатора. Д'мурр пребывал в трансе, наведенном пряностью, все звездные системы расстилались перед его мысленным взором, как сплетенный из множества разноцветных нитей ковер. Он мог выбрать маршрут вдоль любой из них. То было ни с чем не сравнимое наслаждение – проникать в чрево вселенной, завоевывать ее тайны.

Какой покой испытывал он в глубоком, открытом космосе. Яркие солнца появлялись и исчезали... огромная, бескрайняя, вечная ночь, утыканная крошечными источниками света.

Д'мурр умел выполнять ментальные расчеты любой сложности для вычисления самого оптимального и безопасного маршрута сквозь какую угодно из звездных систем. Он вел громадный корабль через ничем не ограниченную пустоту. Он мог рассчитать путь до самого отдаленного уголка вселенной и доставить туда пассажиров и груз – в любое место, по своему усмотрению. Он умел предвидеть будущее и приспособливаться к нему.

Благодаря своим выдающимся способностям Д'мурр оказался среди тех, кто стремительно взлетел вверх по иерархической лестнице Гильдии, правда, мутация его организма уже зашла настолько далеко, что он потерял всякое сходство с обычным человеком. Человек. Это слово казалось ему чем-то надоедливо прилипчивым из какой-то чужой памяти.

Его эмоции – странные остатки того, что когда-то составляло его физическую форму, – вопреки ожиданиям, продолжали беспокоить его, но очень странным образом. До семнадцати стандартных лет он жил на Иксе вместе со своим братом-близнецом К'тэром, но тогда у него не было ни опыта, ни знаний, ни мудрости для того, чтобы оценить, что значит быть человеком.

За последние двенадцать лет, подчиняясь собственному выбору, он оторвался от сомнительной реальности и перешел в другое существование, отчасти напоминающее сладкий сон, а отчасти ночной кошмар. Определенно, его новая наружность могла бы до смерти испугать неподготовленного к такому зрелищу человека.

Но преимущества нового положения, те причины, по которым он вступил в Гильдию, с лихвой компенсировали все потери. Он мог ощущать космическую красоту, недоступную обычным людям, ведущим нормальный образ жизни и имеющим естественный человеческий облик. Они могли только представлять, а Д'мурр *знал*.

Как его вообще взяли в Космическую Гильдию? Очень немногие чужаки могли попасть в этот элитный корпус; Гильдия обычно сама отбирала кандидатов в навигаторы без их ведома среди тех, кто родился в космосе от родителей, работающих на Гильдию. Некоторые из таких людей никогда не ходили по твердой земле, проводя всю жизнь в просторах вселенной.

Не есть ли я эксперимент, урод среди уродов? Иногда, несмотря на все красоты маршрута, ум Д'мурра начинал блуждать. Тестируют ли меня сейчас, чтобы выявить мои неправильные мысли? Когда такие мысли и воспоминания о прошлой жизни посещали Д'мурра, ему казалось, что он стоит на краю обрыва, готовый броситься в бездну. *Гильдия всегда следит за мной.*

Плавая в камере навигатора среди облаков меланжевого газа, он пускался в путешествие по остаткам своих эмоций. В такие моменты его охватывало необычное меланхоличное чувство. Сколь многим он пожертвовал, чтобы стать тем, кем он стал. Он никогда не сможет высидеться ни на какую планету иначе, как в баке, наполненном парами пряности...

Он сосредоточился, стараясь усилием воли привести в порядок свои мысли. Если человеческое в его душе возьмет верх, то Д'мурр собьется с курса.

– Д'мурр, – снова заговорил раздражающий голос, вызывавший у Д'мурра приступ нарастающей головной боли. – Д'мурр...

Он постарался не обращать внимания на голос, убеждая себя, что не он один, но и другие навигаторы испытывают такие чувства. Но тогда почему о них не предупреждает ни одна инструкция?

Я силен и сумею это преодолеть.

Д'мурр вел лайнер по рутинному маршруту на планету Бене Гессерит Валлах IX; это был лайнер, построенный еще иксианцами по новому проекту, до того, как Икс захватил Тлейлаксу и на прежних заводах стали изготавливать устаревшие модели лайнеров. Мысленно Д'мурр просмотрел список пассажиров; слова появлялись на стенах камеры.

На борту был один герцог – Лето Атрейдес. И его друг Ромбур Верниус, наследник потерявшего свою планету Великого Дома. Знакомые лица, старые воспоминания...

Когда-то, в другой жизни, целую вечность назад, Д'мурра представляли в Гран-Пале юному герцогу. Навигаторы могли подслушивать обрывки разговоров о последних имперских сплетнях, о деловых контактах и связях, но обычно обращали мало внимания на такие мелочи. Этот герцог выиграл конфискационный суд, чем снискал себе всеобщее уважение в империи.

Зачем герцог Лето летит на Валлах IX? И зачем он взял с собой иксианского изгнанника?

В сознание снова врезался далекий надтреснутый голос:

– Д'мурр... Ответь мне...

С внезапной ясностью Д'мурр понял, что ему явилась его прошлая, казалось, навсегда забытая жизнь. Верный, любящий К'тэр пытается достучаться до брата, хотя уже много месяцев Д'мурр не может ответить на этот отчаянный зов. Может быть, это результат непрерывной эволюции, которой подвергается мозг навигатора, эволюции, увеличивающей разрыв между ним и его родным братом.

Атрофированные голосовые связки навигатора были еще в состоянии производить членораздельные звуки и связывать их в слова, но рот превратился в узкое горлышко, пригодное только для потребления меланжи во все возрастающих количествах. Расширение сознания, вызванное пряностью, увело Д'мурра от прежних привязанностей и прошлых связей. Он утратил способность переживать любовь, которая превратилась в смутные, мелькающие в памяти образы. Он никогда больше не сможет прикоснуться к человеческому существу...

Неуклюжей перепончатой рукой он извлек из контейнера пилюлю концентрированной пряности и сунул ее в рот, увеличив ее содержание в крови. Сознание немного затуманилось, но не настолько, чтобы приглушить боль прошлого и отвлечь от желания говорить с братом. Эмоции оказались слишком сильны, чтобы преодолеть их таким простым способом.

Брат наконец перестал звать его, но скоро он снова повторит попытку. Он всегда так поступает.

Теперь Д'мурр слышал только шипение газа, поступающего в камеру. *Меланжа, меланжа.* Она продолжала литься в Д'мурра, заполняя все его чувства. В нем не осталось ничего от прежней индивидуальности, он едва ли сможет когда-нибудь поговорить с братом.

Теперь он может только слушать, слушать и помнить...

Война есть форма поведения органической жизни. Армия служит средством выживания для чисто мужских групп особей. Чисто женские группы традиционно ориентированы на религию. Именно женские сообщества являются хранителями священных таинств.

Учение Бене Гессерит

После выхода из оставшегося на орбите лайнера и прохождения через сложную систему атмосферной защиты герцог Лето Атрейдес и принц Ромбур Верниус были встречены в космопорте Школы Матерей группой из трех одетых в черное женщин.

С поля космопорта не было видно иссиня-белого солнца Валлаха IX. Пронизывающий до костей ледяной ветер дул сквозь портик, где остановились прибывшие и встречающие. Лето чувствовал этот холод через теплую одежду, видя, как из его рта при дыхании вырываются клубы пара. Стоявший рядом Ромбур застегнул и поднял воротник куртки.

Приведшая группа женщина отрекомендовалась как верховная Мать Харишка, это была честь, удостоиться которой Лето не ожидал. *Что я сделал, чтобы заслужить такое повышенное внимание к моей особе?* Когда он сидел в тюрьме на Кайтэйне в ожидании конфискацион-

ного суда, Сестры Бене Гессерит тайно предложили ему свою помощь, но не стали объяснять причин. *Бене Гессерит не делает ничего без ясно поставленной цели.*

Пожилая, но полная энергии Харишка отличалась темными миндалевидными глазами и прямолинейной манерой говорить.

– Принц Ромбур Верниус.

Она поклонилась круглолицему молодому человеку, который в ответ тоже отвесил церемонный поклон, сняв с головы медно-пурпурную шапку.

– Достоинно великого сожаления то, что произошло с вашим Великим Домом, великого сожаления. Даже Община Сестер находит действия Бене Тлейлакса совершенно... непостижимыми.

– Благодарю вас, но я думаю, что все в конце концов встанет на свое место. Два дня назад наш посол в изгнании подал еще одну петицию в Совет Ландсраада. – Принц улыбнулся с несколько вымученным оптимизмом. – Я не ищу жалости.

– Вы ищете наложницу, верно? – Старуха жестом пригласила молодых людей следовать за ней на территорию комплекса Школы Матерей. – Мы очень рады возможности послать одну из наших Сестер в замок Каладан. Я уверена, что это послужит на пользу вам и Дому Атрейдесов.

Вся группа направилась по вымощенной брусчаткой дороге, проложенной между связанными между собой, оштукатуренными домами с красными терракотовыми крышами, похожими на чешуйчатую спину рифовой ящерицы. В засаженном цветами саду они остановились возле статуи, изображавшей коленопреклоненную женщину.

– Это основательница нашей древней Школы, – сказала Харишка, – Раquelла Берто-Анирул. Умело манипулируя своим обменом веществ, Раquelла сумела пережить, возможно, смертельное отравление.

Ромбур наклонился, чтобы прочесть надпись на латунной плите.

– Здесь сказано, что все записи об этой женщине и ее изображения были утрачены, когда захватчики сожгли библиотеку и уничтожили оригинальную статую. Э... откуда вы узнали, как она выглядела?

Харишка сморщила лицо в кривой таинственной усмешке.

– Все дело в том, что мы ведьмы, – загадочно ответила она.

Не говоря больше ни слова, одетая в черную накидку женщина повела гостей по невысокой лестнице в сырую оранжерею, где послушницы и Сестры ухаживали за экзотическими кустами и травами. Может быть, они были лекарственными, а может быть, и ядовитыми.

Школа Матерей была местом, окутанным легендами и мифами, туда редко проникали мужчины, и Лето был изумлен теплым согласием, которое он получил в ответ на свою просьбу посетить Школу. Он попросил Орден подыскать умную одаренную подругу для Ромбура, и его патлатый друг согласился съездить за «покупкой».

Быстрым шагом Харишка пересекла травяной газон, на котором женщины в коротких спортивных платьях выполняли упражнения на растяжение, подчиняясь каденциям голоса морщинистой и сутулой старухи-инструктора, которая следила за правильностью движений. Лето нашел поразительным такое умение владеть своим телом.

Лето был рад избавиться наконец от холода пронизывающего ветра, когда они вошли в оштукатуренное здание с потемневшими от времени стропилами и отполированными полами. От старых оштукатуренных стен пахло мелом. Выход из фойе вел в тренировочный зал, в центре которого неподвижно, по стойке «смирно», как солдаты на плацу в ожидании смотра, стояла дюжина молодых женщин, одетых в белые платья. Капюшоны были откинуты на плечи, открывая лица.

Верховная Мать остановилась перед строем послушниц. Две Преподобные Матери встали позади строя.

– Кто здесь ищет наложницу? – спросила Харишка. Это был традиционный вопрос, часть давно заведенного ритуала.

Ромбур выступил вперед.

– Я – принц Ромбур, перворожденный сын и наследник Дома Верниусов. Может быть, я даже ищу жену. – Он посмотрел на Лето и понизил голос: – Поскольку мой Дом стал ренегатом, мне не стоит, быть может, играть в глупые политические игры. В отличие от некоторых знакомых мне людей.

Лето вспыхнул, вспомнив уроки своего покойного отца. *Ищи любовь, где тебе заблагорассудится, но никогда не женись по любви. Твой титул принадлежит Дому Атрейдесов – используй это для заключения лучшей из возможных сделок.*

Недавно Лето посетил лесистый Эказ, где встречался с эрцгерцогом Армандом в его временной столице, куда правитель переехал после бомбежки наследственного замка кораблями Моритани. После вмешательства императора, пославшего на Грумман сардаукаров, чтобы держать в рамках зарвавшегося виконта, открытая вражда стихла, по крайней мере на время.

Эрцгерцог Арманд Эказ потребовал создать группу расследования для изучения причин порчи редких деревьев и других растений, но Шаддам отказался удовлетворить такое требование.

– Не станем будить спящих собак, – таков был ответ императора. Он надеялся, что теперь проблема разрешится сама собой.

Оценив усердные попытки Лето успокоить напряженность в отношениях между соперниками, эрцгерцог в неформальной беседе намекнул, что его старшая дочь Саня могла бы составить подходящую партию для Дома Атрейдесов. Услышав это предложение, Лето сразу принялся оценивать состояние Дома Эказа, его торговое, политическое и военное положение и то, насколько все эти ресурсы могут быть полезны для Каладана. Он даже не взглянул на девушку. *Изучи политические преимущества брачного союза. Отец был бы доволен...*

Теперь заговорила Верховная Мать:

– Эти женщины научены множеству способов ублажать аристократов. Все они отобраны согласно вашему профилю, принц.

Ромбур приблизился к строю женщин и стал поочередно пристально вглядываться в их лица. Блондинки, брюнетки, рыжие, некоторые с молочно-белой кожей, некоторые отличались кожей цвета эбенового дерева. Все были прекрасны, умны... и все смотрели на него, охваченные стремлением и предвкушением.

Зная своего друга, Лето не удивился его выбору. Ромбур остановился перед неброской девушкой с широко посаженными, цвета сепии, глазами и коротко, как у мужчины, подстриженными волосами. Она не отвела взгляд, когда Ромбур принялся ее рассматривать, как это делали некоторые другие. Лето заметил, как на губах женщины заиграла едва заметная улыбка.

– Ее зовут Тессия, – сказала Верховная Мать. – Очень интеллигентная, талантливая молодая женщина, может цитировать по памяти древних авторов и умеет играть на нескольких музыкальных инструментах.

Ромбур взял девушку за подбородок и, приподняв ее голову, посмотрел в глаза.

– Но смеется ли она удачной шутке? И может ли ответить еще лучшей?

– Могу ли я вести умную игру словами, милорд? – вопросом на вопрос ответила Тессия. – Вы предпочитаете плоские каламбуры или непристойные шутки, которые заставят вас покраснеть?

Ромбур расхохотался от восторга.

– Эта!

Он взял Тессию за руку и вывел ее из строя. Девушка послушно пошла рядом с ним. Лето был очень рад за друга, но на сердце у него было тяжело – ведь сам он был лишен любовных

отношений. Ромбур же часто совершал импульсивные поступки, но у него хватало мужества исправлять последствия.

– Идите ко мне, детки, – торжественным тоном произнесла Харишка. – Встаньте передо мной и склоните головы.

Ромбур и Тессия подчинились, продолжая держаться за руки.

Отчески нахмурившись, Лето подошел к Ромбуру, поправил ему воротник и разгладил складку на плече. Иксианский принц покраснел, но промямлил слова благодарности.

Харишка между тем продолжала:

– Пусть вы оба проживете долгую, плодотворную жизнь. Теперь вы связаны узами. Если по прошествии лет вы решите вступить в брак и заключить союз, выходящий за пределы простого сожительства, то вы получите на это благословение Бене Гессерит. Если вас не удовлетворяет Тессия, то она в любой момент может вернуться сюда, в Школу Матерей.

Лето был удивлен, видя столько церемониальных ухищрений вокруг того, что, в конечном счете, было обычной торговой сделкой. От каладанского курьера он узнал цену и согласился ее уплатить. Однако слова Верховной Матери придали грубым отношениям какую-то структуру, создав фундамент чего-то вполне добропорядочного.

– Принц Ромбур, это особенная женщина, она воспитана так, что ее поведение может на первых порах удивлять вас. Прислушайтесь к ее советам, ибо Тессия мудра не по годам. – Верховная Мать отошла в сторону.

Тессия подалась вперед и что-то прошептала на ухо Ромбуру; в ответ принц-изгнанник рассмеялся. Глядя на друга, он сказал:

– Тессии пришла в голову интересная идея. Лето, почему бы тебе не выбрать наложницу и для себя? Здесь есть на кого посмотреть. – Он жестом указал на остальных послушниц. – Тогда тебе не придется есть глазами мою сестру.

Щеки Лето стали пунцовыми. Его давнее влечение к Кайлее было очевидным, и он потратил много лет, чтобы спрятать его поглубже. Он отказывался уложить ее в свою постель, раздираемый на части герцогскими обязанностями и напутствиями отца.

– У меня есть другие любовницы, Ромбур. Ты это знаешь. Городские и деревенские красавицы находят своего герцога достаточно привлекательным. В этом нет стыда – зато я могу соблюсти честь в отношении твоей сестры.

Ромбур округлил глаза.

– Значит, дочь рыбака из дока для тебя хороша, а моя сестра – нет?

– Дело совсем не в этом. Я поступаю так из уважения к Дому Верниусов и к тебе.

В разговор вмешалась Харишка:

– Боюсь, что женщины, которых мы приготовили, не подходят для герцога Атрейдеса. Они были отобраны специально для принца Ромбура. – Улыбка тронула ее сморщенные губы. – Но можно отобрать и других женщин...

Она посмотрела вверх, на внутренний балкон, словно там наготове стояли другие кандидаты и ждали своей очереди.

– Я приехал сюда не за наложницами, – сердито отпарировал Лето.

– Какой независимый, – сказал Ромбур Верховной Матери, потом повернулся к Тессии: – Что же нам с ним делать?

– Он знает, чего хочет, но не знает, как признаться в этом самому себе, – с понимающей улыбкой ответила Тессия. – Плохая привычка для герцога.

Ромбур похлопал Лето по плечу.

– Видишь, она уже дает добрые советы. Почему бы тебе не взять Кайлею в наложницы и покончить с неопределенностью? Я уже устал от твоего детского страха. Поступить так – в твоем праве, и мы оба знаем, что это самое большее, на что она может надеяться.

Лето принужденно рассмеялся и отогнал от себя эту соблазнительную мысль, хотя она и без намеков Ромбура не раз приходила ему в голову. Он очень сомневался, можно ли подступиться к Кайлее с таким предложением. Какова будет ее реакция? Не захочет ли она стать чем-то большим, чем наложница? Но она не могла бы стать его женой, это было просто невозможно.

Ясно, что сестра Ромбура отдает себе совершенно ясный отчет в политической реальности. До иксианской трагедии дочь графа Верниуса могла стать подходящей партией для герцога (видимо, так думал и старый Пауль). Но теперь, как глава Дома Атрейдесов, Лето не имел права связать себя узами брака с семьей, которая больше не располагала ни титулами, ни имперским леном.

Что такое любовь, о которой все говорят, как о чем-то очень знакомом? Понимают ли те, кто это говорит, насколько она недостижима? Не существует ли столько определений любви, сколько звезд во вселенной?

«Книга вопросов Бене Гессерит»

Охваченная неумным любопытством двенадцатилетняя Джессика, стоя на внутреннем балконе, горящими глазами смотрела на ожидающих церемонии выбора наложницы послушниц. Стоявшая рядом Преподобная Мать Мохиам велела ей наблюдать, и Джессика впитывала каждую деталь с воспитанной Бене Гессерит скрупулезностью.

Что я должна увидеть по требованию учительницы?

На полированном полу тренировочного зала стояла Верховная Мать и разговаривала с молодым аристократом и его новой наложницей Тессией аль-Рейль. Джессика не сумела предугадать этот выбор. Некоторые послушницы были красивее, лучше сложены, более заметны... Но Джессика не знала принца и его вкуса.

Не утрашала ли и его красота? Это признак низкой самооценки. Может быть, послушница Тессия кого-нибудь напомнила этому человеку? Или привлекла его по какой-то иной, трудно определимой причине... Своим смехом, улыбкой, выражением глаз.

– Никогда не пытайся понять любовь, – направленным шепотом приказала девочке Мохиам, почувствовав, о чем думает ученица. – Работай, чтобы понять ее действие на мелких людей.

В это время внизу одна из Преподобных Матерей взяла со стола документ и вручила его принцу на подпись. Его друг, темноволосый аристократ, оглянулся через плечо, чтобы заглянуть в красиво написанный текст. Джессика не слышала их слов, но она уже хорошо знала Ритуал Долга.

Темноволосый герцог шагнул вперед, чтобы поправить воротник своего товарища. Этот жест показался ей умилительно-трогательным, и она улыбнулась.

– Меня тоже когда-нибудь представят какому-нибудь молодому аристократу, Преподобная Мать? – прошептала она. Никто никогда не объяснял Джессике, какова ее роль в планах Бене Гессерит, и это обстоятельство стало одним из источников любопытства, часто раздражавшего Мохиам.

Преподобная Мать изобразила на своем плоском постаревшем лице недовольную гримасу, услышав предположение Джессики.

– Когда настанет время, ты все узнаешь, дитя. Мудрость заключается в умении вовремя задавать вопросы.

Джессика и раньше слышала такое наставление.

– Я поняла, Преподобная Мать. Нетерпение есть слабость.

В арсенале Бене Гессерит было множество подобных поговорок, и девочка хранила все в своей памяти. Она вздохнула от безнадежного отчаяния, но взяла себя в руки, надеясь, что наставница ничего не заметила. Очевидно, что Община Сестер имела на нее какие-то виды – и почему бы Преподобной не открыть завесу над ее будущим? Большинство других послуш-

ниц приблизительно представляли себе свое предназначение, но перед Джессикой была голая стена, на которой она не могла прочесть ни одного внятного слова.

Меня к чему-то готовят. Готовят к важному служению. Зачем учительница привела меня сюда, на балкон, именно в этот самый момент? В этом не было случайности или простого совпадения; в Бене Гессерит все делалось по плану, с необычайной тщательностью продумывалась каждая мелочь, каждая деталь.

– Для тебя все еще остается только надежда, дитя, – пробормотала Мохиам. – Я велела тебе наблюдать – а ты обратила внимание не на того человека. Меня интересует не тот, который стоит с Тессией. Наблюдай за другим, наблюдай за ними обоими, смотри, как они общаются, как взаимодействуют. Рассказывай мне, что видишь.

С высокого балкона Джессика принялась изучать обоих мужчин. Она сделала несколько глубоких вдохов, расслабив мышцы. Ее мысли, подобно минералам, взвешенным в воде, стали прозрачными.

– Оба они благородны, но они не кровные родственники, судя по разнице в их одежде, манерах и выражениям лиц. – Джессика говорила, не отрывая взгляд от мужчин. – Они дружат много лет, зависят друг от друга. Темноволосый озабочен благополучием своего друга.

– И? – Джессика уловила волнение и предвосхищение в голосе наставницы, хотя и могла понять почему. Глаза Преподобной Матери были устремлены на второго аристократа.

– По его повадкам и отношению могу сказать, что темноволосый – лидер и принимает всерьез свою ответственность. Он обладает властью, но не упивается ею. Возможно, он лучший правитель, чем сам о себе думает.

Она пригляделась к его движениям, заметила, как он покраснел, глядя на других послушниц, и заставил себя отвернуться от них.

– Еще я могу сказать, что он одинок.

– Великолепно, – похвалила ученицу Мохиам, но тут же прищурила глаза. – Этот человек – герцог Лето Атрейдес, и ты предназначена для него, Джессика. В один прекрасный день ты станешь матерью его детей.

Хотя Джессика понимала, что должна принять эту новость бесстрашно, как извещение о долге, который она должна выполнить для Общины, ей пришлось приложить усилие, чтобы утихомирить сильно забившееся сердце.

В этот момент герцог Лето взглянул на Джессику, словно почувствовав ее присутствие на затененном балконе, – и их глаза встретились. Она увидела в его серых глазах огонь, силу и мудрость, не соответствующую возрасту, – результат рано доставшегося герцогу бремени власти. Она почувствовала, что ее непреодолимо влечет к этому человеку.

Но она воспротивилась. Инстинкты... автоматические реакции, ответы... *Я не животное.* Она отвергала все чуждые эмоции, как учила ее Преподобная Мать Мохиам.

Все приготовленные Джессикой вопросы потеряли всякое значение, а новых у нее не было. Глубокое успокаивающее дыхание погрузило в состояние полной безмятежности. По каким бы то ни было причинам ей понравилась наружность этого герцога... но ее долг – служить Общине Сестер. Она дожидается своей очереди узнать, что ей надлежит сделать, и совершит все, что будет необходимо.

Нетерпение есть слабость.

Мохиам мысленно улыбнулась. Зная, какие генетические нити ей надо пряхать, Преподобная Мать устроила эту мимолетную и короткую встречу Джессики с герцогом Атрейдесом. Джессика была кульминацией многих поколений, которые были выведены с целью создания Квисац Хадераха.

Руководитель программы Квисац мать Анирул, супруга императора Шаддама, утверждала, что успех наиболее вероятен, если дочь Харконнена, родившаяся в текущем поколении,

родит дочь Атрейдесу. Тайным отцом Джессики был барон Владимир Харконнен... а когда она созреет, то соединится с герцогом Лето Атрейдесом.

Мохиам казалось иронией судьбы, что эти смертельные враги – Дом Харконненов и Дом Атрейдесов – были роком предначинаны заключить такой невероятный союз, который не мог бы создать ни один другой Дом, не говоря уже о том, что ни один правитель не способен был даже в страшном сне подозревать о существовании такого противоестественного союза.

Она едва сдержала возбуждение, охватившее ее от одной мысли о том, что от конечной цели Общину Сестер отделяет всего два поколения.

Задавая вопрос, действительно ли ты хочешь знать ответ или просто выставляешь напоказ свою власть?
Дмитрий Харконнен. «Письма к моему сыну»

Барону Харконнену пришлось дважды оплачивать услуги доктора Сук.

Барон думал, что его огромный платеж ришезианскому премьеру Калимару будет достаточным для того, чтобы получить помощь доктора Веллингтона Юэха на тот срок, который потребуется для диагностики и лечения изнуряющего заболевания, но доктор наотрез отказался сотрудничать на таких условиях.

Желчный доктор Сук был полностью погружен в себя и свои научные исследования, которые проводил в лаборатории на спутнике Короны. Врач не выказал ни страха, ни уважения, услышав имя барона.

– Я могу работать для Ришезов, – сказал он твердым, лишенным какого бы то ни было выражения голосом, – но я им не принадлежу.

Питер де Фриз, посланный к Ришезам для выработки конфиденциальных деталей лечения барона Харконнена, внимательно всмотрелся в старое, словно вырезанное из дерева лицо, черты которого говорили об очевидном упрямстве. Сейчас они стояли рядом в маленькой лаборатории на искусственной научно-исследовательской станции, размещенной на большом спутнике, светившем по ночам с неба планеты Ришезов. Несмотря на прочувствованные просьбы премьер-министра Калимара, укололицый врач с вислыми усами и черными волосами, собранными под серебряным обручем, отказался ехать на Гьеди Первую. *Самоуверенный и надменный*, подумал де Фриз. *Это можно использовать против него.*

– Вы, сэр, ментат, привыкший продавать свои мыслительные способности и интеллект любому хозяину. – Юэх сжал губы и посмотрел на де Фриза с таким видом, словно тот был подлежащим вскрытию трупом в анатомическом театре. – Я же, напротив, являюсь членом Внутреннего Круга Сук, получившим полное имперское образование.

Он коснулся алмазной татуировки на своем морщинистом лбу.

– Меня нельзя продать, купить или арендовать. Вам нечем меня ухватить. А теперь, прошу вас, позвольте мне вернуться к моей важной работе.

Врач едва заметно кивнул в знак прощания и вышел в соседний лабораторный зал.

Этого человека никогда не ставили на место, ему никогда не причиняли боль... его никогда не ломали. Для Питера де Фриза это был достойный вызов.

Извинения, в которых рассыпался премьер Калимар, стоя у стола своего кабинета в правительственном квартале, ничего не значили для де Фриза. Однако следовало воспользоваться связями и разрешением важного чиновника для того, чтобы миновать все заслоны и охрану и снова попасть в исследовательский центр на Короне. Не имея другого выбора, ментат снова явился в стерильную лабораторию доктора Юэха. На этот раз один.

Надо сделать новую попытку выторговать медицинские услуги для барона. Питер никогда не осмелился бы вернуться на Гьеди Первую без врача, согласного сотрудничать.

Крадущейся походкой он вошел в уставленную машинами, опутанную проводами и наполненную законсервированными частями тела комнату с металлическими стенами – здесь были собраны лучшие образчики ришезианской электротехники, хирургического оснащения школы Сук и биологических образцов разных видов животных. Запах смазки, гнили, сожженной плоти, химикатов и дыма висел в воздухе холодной комнаты, несмотря на то что самое совершенное вентиляционное оборудование ежесекундно обновляло воздух помещения. Были видны раковины, металлические и плазовые трубки, извивающиеся кабели и мониторы. Над секционным столом светился голографический экран, на котором человеческая конечность была представлена в виде схемы биомеханического устройства.

Пока ментат осматривал лабораторию, в противоположном конце комнаты над столами вдруг показалась голова вошедшего доктора Юэха. Продолговатое лицо казалось смазанным жиром, и выдающиеся кости лицевого скелета придавали врачу вид железной статуи.

– Не беспокой меня больше, ментат. Прошу тебя, – произнес не допускающим возражения тоном врач, давая понять, что разговор этим исчерпан. Доктор даже не спросил, каким образом ментату удалось снова пробраться на Корону. Алмазная татуировка сверкнула на лбу, прикрытая полоской смазочного масла, небрежно оставленной испачканной рукой, которой врач смахнул пот. – Я очень занят.

– Тем не менее, доктор, мне надо поговорить с вами. Этого требует мой барон.

Юэх прищурил глаза, словно примеряя детали одного из своих киборгов к ментату.

– Меня не интересует состояние здоровья твоего барона. Это в настоящее время находится за пределами моей компетенции.

Он посмотрел на полки и стеллажи, заставленные замысловатыми протезами, с таким видом, словно ответ был очевиден без слов. Юэх демонстрировал полное безразличие и отчужденность, словно ничто не могло тронуть его холодную душу исследователя.

Де Фриз, не переставая говорить, подошел к доктору на расстояние вытянутой руки. Теперь ментат мог в случае необходимости задушить этого надменного коротышку. Ментат не обольщался: в случае убийства несносного врача де Фриза ждало суровое наказание.

– Мой барон всегда был здоровым, тренированным человеком, который гордился своей физической формой. При отсутствии всяких перемен в диете и физической активности он за десять лет удвоил свой вес и стал страдать от нарушения мышечной деятельности и вздутия живота.

Юэх нахмурился, но при этом внимательно взглянул на ментата. Де Фриз уловил заинтересованность, мелькнувшую в глазах врача, и продолжил, понизив голос, но готовый к решительному удару:

– Эти симптомы знакомы вам, доктор? Вы уже видели у кого-то нечто подобное?

Юэх задумался, что-то прикидывая в уме. Он переместился так, что теперь оборудование отделяло его от извращенного ментата. Длинная трубка продолжала извергать зловонные пары в дальнем конце лабораторного помещения.

– Ни один доктор Сук не дает бесплатных советов, ментат. Мои издержки очень велики, а исследования жизненно важны.

Де Фриз усмехнулся, его ум начал просчитывать возможные варианты.

– Неужели вы так погружены в свое ремесло, что не замечаете, как ваши покровители из Дома Ришезов неминуемо подвигаются к полному банкротству? Гонорар барона Харконнена может гарантировать оплату вашей работы в течение многих лет.

Извращенный ментат резким движением сунул руку в карман, чем заставил Юэха отпрянуть – доктор решил, что ментат сейчас достанет из-под полы оружие. Вместо этого де Фриз извлек из кармана плоскую черную панель с сенсорными кнопками. Появилась голографическая проекция старинного пиратского сундука, сделанного целиком из чистого золота, с реб-

рами из драгоценных камней. Стены сундука были украшены геральдическими грифонами Харконненов.

– После того как вы поставите диагноз моему барону, вы сможете вести свои исследования так, как сочтете нужным.

Заинтригованный Юэх подошел ближе, протянул руку к сундуку, но она прошла сквозь изображение. Синтезатор издал скрежещущий звук, и крышка сундука откинулась, обнажив его пустое чрево.

– Мы наполним этот сундук всем чем угодно по вашему усмотрению – меланжей, камнями су, голубым обсидианом, драгоценным опафиром, хагальским кварцем... любым компроматом. Все же знают, что доктора Сук можно купить.

– В таком случае пойдешь и купи хотя бы одного. При этом не забудь сделать публичное сообщение об этом.

– Мы бы предпочли заключить более... э... конфиденциальную сделку, как выразился премьер Калимар.

Старый доктор сжал губы и погрузился в глубокую задумчивость. Казалось, весь мир для него сосредоточился сейчас вокруг воображаемого сундука посреди лабораторного помещения. Все прочее перестало существовать, представлять какой бы то ни было интерес.

– Я не могу заниматься постоянным лечением, но, вероятно, смогу диагностировать заболевание.

Де Фриз пожал костлявыми плечами.

– Барон не задержит вас дольше, чем необходимо.

Уставившись на несметные богатства, которые посулил ему ментат, врач представил себе, насколько более продуктивной могла бы стать его работа, получи он деньги, обещанные де Фризом. Однако доктор Сук продолжал сомневаться.

– У меня есть другие обязанности, – сказал он. – Я назначен сюда коллегией Школы Сук для выполнения специальной работы. Киборги и протезы должны принести большую прибыль Дому Ришезов и нам, если проект будет иметь успех.

Приняв смиренный вид, ментат нажал кнопку на панели, и сундук заметно увеличился в размерах.

Юэх тронул свои вислые усы.

– Я могу совершить путешествие с Ришеза на Гьеди Первую – конечно, под вымышленным именем. Я могу осмотреть барона, поставить ему диагноз, а потом вернуться к своей работе.

– Интересная идея, – сказал ментат. – Итак, вы принимаете наши условия?

– Я согласен исследовать вашего пациента. А потом я подумаю, чем наполнить сундук, который вы мне предложили.

Юэх указал рукой на ближний стол.

– Поддай-ка мне вот этот измерительный прибор. Поскольку ты прервал мои занятия, то помоги в конструировании внутренних тел.

Два дня спустя, освоившись в удушливой атмосфере Гьеди Первой и привыкнув к большей силе тяготения, Юэх приступил к осмотру барона в его медицинском центре в Убежище Харконненов. Все двери были наглухо закрыты, все окна тщательно занавешены, все слуги отосланы. Питер де Фриз наблюдал за действием через свое потайное окошко и гнусно ухмылялся.

Юэх не стал читать медицинские документы о течении болезни, составленные его предшественниками в течение многих лет.

– Это было глупое любительство, – заявил он. – Меня не интересуют ни эти исследования, ни их результаты.

Открыв свой диагностический саквояж, доктор достал набор сканеров и другие сложные механизмы, о назначении которых мог судить только квалифицированный доктор Сук.

– Снимите одежду, барон.

– Вы что, решили поиграть в доктора? – Барон постарался соблюсти достоинство, сохранить контроль над ситуацией.

– Нет.

Харконнен отвлекся от мыслей о предстоящих биопсиях и зондированиях, представляя себе, как убьет этого надутого докторишку, если тот тоже не обнаружит причину заболевания. Барон побарабанил пальцами по столу.

– Никто из моих лечащих врачей не смог предложить эффективный курс лечения. Приняв во внимание выбор между чистым умом и чистым телом, я вынужден был его делать.

Не обращая внимания на грозные раскаты баронского баса, Юэх надел очки с зелеными линзами.

– Могу предположить, что вы хотели бы добиться и того и другого, так не слишком ли много вопросов вы задаете?

С этими словами врач включил батарею питания и систему сканирования и принялся исследовать обнаженное тело Харконнена. Барон лежал лицом вниз на кушетке, поминутно жалуясь на боли и недомогания.

Несколько минут Юэх молча исследовал кожу барона, его внутренние органы, обращая особенное внимание на естественные отверстия. Отдельные мелкие симптомы постепенно начали складываться в цельную картину. Чувствительный медицинский сканер выявил главный вектор направления развития болезни.

– Ваше заболевание явилось результатом полового контакта. Вы способны использовать свой член? – без малейшего намека на насмешку спросил доктор Сук. Это был просто вопрос профессионала.

– Использовать? Что значит использовать? – Барон возмущенно фыркнул. – Это до сих пор самое лучшее, что у меня есть.

– Это ирония судьбы. – Юэх взял скальпель и отрезал маленький кусочек кожи с крайней плоти Харконнена, который взвизгнул от неожиданности. – Мне надо сделать анализ.

Доктор не был намерен извиняться за причиненное беспокойство.

С помощью тонкой лопаточки врач положил образец кожи на предметное стекло и вложил его в гнездо линзы прибора. Используя верньеры и рычажки, он откорректировал усиление света и принялся вращать образец перед глазами. Плаз линз менял цвет от зеленого до алого и синего. После осмотра доктор подверг образец многостадийному химическому анализу.

– Это действительно было необходимо? – прорычал барон.

– Это только начало. – Доктор извлек из саквояжа другие инструменты – многие из них были острыми. Барону следовало подумать, не смог бы он сам на ком-нибудь попробовать некоторые из этих орудий пыток.

– Мне надо выполнить много тестов, – многообещающе произнес врач.

Облачившись в одежду, барон, посеревший и покрытый потом, откинулся на спинку кресла, страдая от порезов в тысяче мест, которые не болели до осмотра. Несколько раз его охватывало неудержимое желание убить наглого эскулапа, но он не осмелился прекратить столь важный для него диагностический процесс. Другие врачи были полными дураками, но на этот раз он, Владимир Харконнен, претерпит все, чтобы наконец узнать верный ответ. Барон надеялся, что лечение и возможное исцеление окажутся менее болезненными, менее агрессивными, чем обследование доктора Юэха. Барон налил себе бренди и осушил полный стакан.

– Я уменьшил поле возможных диагнозов, барон, – сказал Юэх, надув губы. – Ваше недомогание принадлежит к числу весьма редких заболеваний, четко очерченных и узконаправ-

ленных. Я могу еще раз собрать пробы, если вы потребуете, чтобы я трижды подтвердил свое заключение.

– В этом нет никакой необходимости. – Барон выпрямился и ухватил трость, готовый, если понадобится, треснуть ею непонятливого врача. – Что вы нашли?

Доктор заговорил монотонным голосом:

– Вектор передачи очевиден, болезнь возникла в результате гетеросексуального полового контакта. Вас заразила одна из ваших любовниц.

Радость от предвкушения ответа растворилась в полной растерянности.

– У меня нет любовниц. Женщины внушают мне отвращение.

– Да, я понимаю. – Юэх уже давно привык к тому, что пациенты отрицают очевидные вещи. – Симптомы настолько малозаметны, что я не удивляюсь тому, что ни один врач не смог их верно оценить. Даже Школа Сук не занималась такими болезнями, но я узнал об их существовании от моей жены Ванны. Она воспитанница Бене Гессерит, а Община Сестер иногда пользуется болезнетворными микроорганизмами...

Барон так резко подвинулся на край кресла, что едва не упал на пол. Злобная гримаса исказила его толстое лицо.

– Эти проклятые ведьмы!

– Ах, так теперь вы припомнили? – спросил Юэх, не скрывая чопорного удовлетворения. – Когда имел место этот контакт?

После короткого раздумья барон ответил:

– Более двенадцати лет назад.

Юэх потрогал ус.

– Моя Ванна рассказывала мне, что Преподобные Матери Бене Гессерит способны изменять обмен веществ своего организма так, что в нем в дремлющем состоянии могут существовать болезнетворные микробы.

– Сука! – взревел Харконнен. – Она меня заразила.

Доктор не проявил никакого интереса к возмущению и благородному негодованию барона.

– Более того, это не было пассивным заражением – такие патогенные организмы освобождаются усилием воли. Это не было случайностью, барон.

Мысленно Харконнен представил себе лошадиное лицо Мохиама, ее насмешливый вид, с которым она смотрела на него во время банкета у Фенринга. Она *знала*, она все время знала – она злорадно наблюдала за изменениями его тела, которое постепенно превращалось в отвратительный распухший обрубок плоти.

И это она виновата, только она одна.

Юэх снял очки и сунул их в докторский саквояж.

– Наша сделка состоялась, и сейчас я вынужден покинуть вас. Меня ждут дела на Ришезе.

– Вы согласились лечить меня. – Барон потерял равновесие, пытаясь встать, и снова упал в жалобно скрипнувшее под тяжестью его тела кресло.

– Я согласился *поставить вам диагноз*, и не более того, барон. Ни один доктор Сук не сможет ничего поделать с вашим заболеванием. Не известно его лечение, исцеление на данном этапе развития науки невозможно, но я уверен, что мы скоро займемся разработкой возможных подходов в нашем колледже.

Барон сжал рукой трость с отравленными стрелами, спрятанными в ее конце.

Он, однако, ясно представлял себе политические последствия убийства доктора Сука, если о нем узнают. Школа Сук имела больших покровителей в империи; овчинка явно могла не стоить выделки. Кроме того, он и так уже убил массу врачей. К тому же теперь у него есть ответ.

И законный объект мести. Теперь он знал, кто причинил ему такие страдания.

– Боюсь, что об этом вам лучше спросить у Ордена Бене Гессерит, барон.

Не говоря больше ни слова, доктор Веллингтон Юэх поспешил из баронского Убежища и улетел с Гьеди Первой на первом же лайнере Гильдии, от души радуясь, что никогда больше не увидит барона Харконнена.

Бывает ложь, верить в которую легче, чем в истину.

Оранжевая Католическая Библия

Гурни Халлек чувствовал себя одиноким даже в толпе своих деревенских земляков. Он вперился взглядом в кружку с водянистым пивом. Напиток был разбавленным и отдавал кислотной, но если его выпить побольше, то боль, сжимавшая сердце и сковывавшая тело, становилась тупее. Но утром наступало неизбежное похмелье и осознание безнадежности ожидания похищенной сестры.

За пять месяцев, прошедших с тех пор, как капитан Криуби и харконненовский патруль забрали ее, сломанные ребра Гурни срослись, синяки прошли и ссадины затянулись. «У меня гибкие кости», – горько шутил он по этому поводу.

На другой же день после похищения Бхет Гурни снова был в поле, медленно, преодолевая боль, копая канавы и высаживая в землю проклятые клубни. Другие сельчане, искоса поглядывая на него, продолжали работать, делая вид, что ничего особенного не произошло. Они понимали, что если урожай упадет, то Харконнены вернутся и накажут их еще сильнее. Гурни узнал, что у многих соседей тоже крали дочерей, но родители никогда не говорили об этом на людях.

Теперь Гурни редко пел в таверне. Он продолжал по инерции носить с собой балисет, но струны молчали, и губы отказывались повиноваться. Он пил горький эль и тихо сидел за столом, слушая бесконечные усталые разговоры товарищей. Люди, как заведенные, без устали жаловались на тяжелую работу, плохую погоду и опостылевших жен.

Его начинало тошнить при одной мысли о том, что придется переживать Бхет, но он надеялся, что она по крайней мере жива... Наверное, ее заперли в один из харконненовских домов терпимости и научили немислимым вещам, о которых не принято говорить вслух. Если же она откажется это делать или окажется неловкой, то ее просто убьют. После того рейда патрульных Гурни стало ясно, что Харконнены не испытывают недостатка в кандидатках на роль проституток вонючих борделей.

Дома родители просто выбросили дочь из памяти, заставив себя не думать о ней. Если бы не болезненное внимание Гурни, они бы с удовольствием дали зачахнуть цветнику Бхет. Родители даже устроили фальшивые похороны и прочли по этому случаю несколько стихов из потрепанной Оранжевой Католической Библии. Некоторое время мать каждый вечер зажигала свечу и, вперив в ее пламя неподвижный взор, беззвучно шептала заупокойные молитвы. Родители срезали каллы и маргаритки – любимые цветы Бхет и выставили в окне букет – в знак памяти.

Потом траур кончился, и жизнь потекла своим чередом. Родители перестали вспоминать Бхет, словно ее никогда не существовало.

Но Гурни не сдавался.

– Неужели вам все равно? – упрекнул он как-то вечером отца, глядя в его морщинистое лицо. – Как вы могли позволить им сделать такое с Бхет?

– Я ничего не *позволял* им. – Старик смотрел сквозь сына, как будто тот был сделан из мутного стекла. – Никто из нас не может ничего сделать, и если ты опять будешь выступать против Харконненов, они оплатят тебе твоей же кровью.

Гурни вылетел из дома и убежал в таверну, но от земляков, пивших там свое пиво, толку было не больше. Проходил вечер за вечером, и Гурни чувствовал все большее отвращение к своим односельчанам. Месяцы проходили, как в дурном смутном сне.

Внезапно отставив пиво, Гурни выпрямился на скамье. Он вдруг понял, во что превратился. Каждое утро он видел в зеркале свое грубое лицо и постепенно осознал, что перестал быть собой. Он, Гурни Халлек, одаренный чувством юмора, музыкальностью и сильным характером, пытался пробудить жизнь в этих людях. Но вместо этого он превращался в такого же, как они. Ему нет и двадцати, а он уже похож на своего стареющего отца.

Вокруг продолжался нескончаемый монотонный гул скучных разговоров, и Гурни с тоской посмотрел на стены из готовых щитов, на испачканные подтеками стекла питейного зала. Эта рутина не менялась в течение жизней многих поколений. Он стиснул в руке кружку – у него остался талант. Он не может сражаться с Харконненами силой оружия или кулаками, но у него есть другое оружие, не такое страшное, но зато более коварное.

Ощувив прилив энергии, Халлек улыбнулся.

– Я приготовил для вас мелодию, ребята, – такой вы еще от меня не слышали.

Люди натянуто заулыбались. Гурни взял в руки балисет и ударил по струнам с такой силой, словно инструмент был плодом, с которого надо снять кожуру. Халлек запел громким, бодрым голосом:

Мы работаем в полях, работаем в городах,
И это жребий нашей жизни:
Реки широки, долины низки,
а барон... барон жирен и толст.

Мы живем без радости, умираем без печали,
И это жребий нашей жизни:
Горы высоки, океаны глубоки,
а барон... барон жирен и толст.

Наших сестер крадут, сыновей убивают,
Наши родители забывают, а соседи притворяются —
И это тоже жребий нашей жизни!
Наш труд долгод, отдых короток,
а барон толстеет, отнимая жир у нас.

Глаза присутствующих расширились от ужаса.

– Прекрати эту песню, Халлек! – крикнул один из мужчин, встав из-за стола.

– Отчего же, Перд? – насмешливо отозвался Халлек. – Ты что, очень любишь барона? Я слышал, что он очень радуется, заполучив в свою спальню такого крепкого молодца, как ты.

Гурни храбро спел еще одну песню, потом еще одну, потом еще... Он пел до тех пор, пока не почувствовал, что снова свободен. Песни давали ему такую свободу, о которой он раньше не помышлял. Сотрапезники были встревожены и чувствовали себя очень неуверенно. Многие вставали и уходили, пока он пел, но Гурни не сдавался. Он продолжал петь, оставшись в таверне далеко за полночь.

В эту ночь Гурни возвращался домой бодрой пружинистой походкой. Он нанес своим мучителям ответный удар, хотя они, наверное, никогда об этом не узнают.

Он не выспится в эту ночь, на работу надо рано вставать, но это не беспокоило его – он чувствовал в душе и теле заряд невообразимой силы. Гурни вернулся в объятый мраком и тишиной дом – родители давно легли спать. Он поставил балисет в особый шкаф, лег на кровать и заснул с улыбкой на губах.

Не прошло и двух недель, как в деревню Дмитрий за несколько часов до рассвета тихо пожаловал харконненовский патруль.

Вооруженные солдаты сломали дверь, хотя родители Гурни никогда не запирали ее. Люди в военной форме внесли с собой ярко горящие светильники, разбросали мебель, побили посуду. Они с корнем вырывали цветы, которые Бхет когда-то так заботливо высаживала в горшки, стоявшие у двери. Сорвали даже занавески, висевшие на маленьких оконцах.

Мать Гурни испустила дикий крик и забилась в угол постели. Отец встал и проковылял до двери спальни, но вместо того чтобы попытаться защитить свой дом, он закрыл дверь спальни, словно эта тонкая доска могла спасти его.

Но солдат интересовал только Гурни. Они вытащили молодого человека из постели, и он, размахивая кулаками, бросился в драку. Солдаты нашли такое неистовое сопротивление забавным. Они повалили юношу на пол, лицом в очаг. У Гурни сломался зуб, на подбородке разошлась кровотокающая рана. Он попытался встать на четвереньки, но солдаты пнули его по ребрам.

После короткого обыска один из солдат, белокурый великан, появился в комнате, неся с собой чиненый балисет, и бросил инструмент на пол. Криуби заботливо повернул голову Гурни так, чтобы тот видел, где лежит балисет. Солдаты прижали голову парня щекой к кирпичам печи, а Криуби обутой в сапог ногой наступил на инструмент, сломав его гриф. Струны, издав жалобный вопль, превратились в беспорядочный спутанный клубок.

Гурни застонал: расправа с балисетом причинила ему нестерпимую боль, хуже, чем та, которую причиняли ему побои. Пропал весь труд, который он вложил в инструмент, пропала вся радость, которую он доставлял Гурни.

– Ублюдки! – крикнул он, и на его голову обрушился град ударов.

Из последних сил повернув голову, Халлек постарался рассмотреть их лица. Он узнал одного – рослого, квадратного шатена, бывшего землекопа из соседней деревни. Теперь парень красовался в новенькой форме с нашивками имменбреха – младшего командира. Другого – с носом картошкой и заячьей губой – Гурни тоже узнал, этого рекрута взяли из Дмитрия лет пять тому назад. Но ни один из них не узнавал земляка, не выказывал ни малейшего сочувствия. Теперь они были солдатами барона и ни за что не подвергли бы себя риску снова вернуться в родные деревни, в свою прежнюю жизнь.

Видя, что Гурни узнал их, патрульные выволокли его на улицу и принялись избивать с удвоенной энергией.

Криуби стоял рядом, высокий, печальный, оценивающий. Временами он задумчиво проводил пальцами по щеточке усов. Капитан гвардии в мрачном молчании смотрел, как его подчиненные бьют и пинают распростертое тело жертвы, разъярясь от нежелания Гурни кричать и стонать так сильно, как им того хотелось. Наконец они устали и сделали перерыв.

Потом они взяли в руки палки...

В конце концов, когда Гурни перестал двигаться, когда кости его были сломаны, мышцы раздавлены, а все тело превратилось в залитый кровью синяк, солдаты Харконнена оставили его в покое. В грубом свете фонарей он лежал на земле, истекая кровью и издавая негромкие стоны.

Криуби поднял руку, дав знак своим людям вернуться в машину. Они ушли, унеся с собой все светильники, кроме одного, который отбрасывал мерцающий свет на искалеченного человека.

Криуби озабоченно взглянул на Гурни и опустил рядом с ним на колени. Немного постояв так, он произнес слова, предназначенные только для избитого молодого человека. Несмотря на боль в избитом черепе, Гурни показались странными эти слова. Он ожидал, что капитан гвардии сделает свой триумф достоянием всех жителей деревни, но Криуби выказал скорее разочарование, нежели торжество.

– Любой другой человек давно бы сдался. Любой другой человек оказался бы на твоём месте более понятливым. Ты сам навлек это на себя, Гурни Халлек.

Капитан укоризненно покачал головой.

– Зачем ты заставил меня это делать? Почему ты упрямо навлекаешь на себя гнев? На этот раз я сохранил тебе жизнь. С большим трудом. Но если ты снова начнешь поносить Харконненов, нам придется убить тебя, – он недоуменно пожал плечами, – или убить твою семью, а тебя необратимо покалечить. Один из моих людей обладает поразительным талантом – вырывать жертвам пальцами глаза.

Гурни несколько раз пытался заговорить, с трудом шевеля разбитыми окровавленными губами.

– Ублюдки, – наконец произнес он, – где моя сестра?

– О твоей сестре не надо больше заботиться, для тебя она исчезла. Оставайся здесь и забудь о ней. Делай свою работу. У всех нас есть своя работа, которую мы должны выполнять для барона, и если ты будешь плохо справляться со своей, – Криуби раздул ноздри, – то мне придется снова взяться за свою. Если ты опять примешься выступать против барона, оскорблять и высмеивать его, чтобы разжечь недовольство, то мне придется действовать. Ты достаточно умен, чтобы понимать это.

Злобно застонав, Гурни упрямо мотнул головой. Сейчас его поддерживал только гнев. Он поклялся себе, что за каждую каплю крови, которая вытекает из его ран на землю, Харконнены сполна заплатят своей черной кровью. Он или умрет, или узнает, что случилось с его сестрой – и если каким-то невысказанным чудом Бхет осталась жива, то он спасет ее.

Криуби повернулся и направился к машине, где его уже ожидали солдаты, рассеявшиеся по местам.

– Не заставляй меня возвращаться, – бросил Криуби на прощание. Он обернулся через плечо и добавил еще одно странное слово: – *Пожалуйста.*

Гурни лежал неподвижно, гадая, сколько времени потребуется родителям, чтобы отважиться выйти из дома и посмотреть, жив их сын или нет. Затуманенным взором он видел, как транспорт с солдатами поднялся в воздух и покинул деревню. Интересно, зажжется ли хоть один огонь, выйдет ли кто-нибудь, чтобы помочь ему хотя бы теперь, когда патруль ушел.

Но дома деревни Дмитрий оставались темными. Не вспыхнуло ни одно окно. Все приоткрылись, что ничего не видели и не слышали.

Самые строгие ограничения человек накладывает на себя сам.

Фредре Гиназ. «Философия Оружейного Мастера»

Отправляясь на Гиназ, Дункан Айдахо был уверен, что прославленного клинка старого герцога будет вполне достаточно, чтобы сделаться великим воителем. Душа юноши была переполнена романтическими ожиданиями, он воображал себе полную упоительных схваток жизнь, смертоносные приемы боя, которым его здесь научат. Дункану было только двадцать лет, и надежда рисовала ему великое будущее.

Реальность оказалась, однако, совершенно иной.

Школа Гиназа оказалась архипелагом маленьких населенных островков, разбросанных среди лазурного океана, как крошки хлеба по обеденному столу. На каждом из этих островков размещалась Школа, где разные мастера обучали курсантов разным премудростям, начиная от рукопашного боя, тактики и стратегии и кончая политикой и философией. За время прохождения восьмилетнего курса Дункану предстояло переходить от одного мастера к другому, перенимая опыт лучших воинов империи.

Если ему удастся выжить.

Главный остров Школы, служивший одновременно космопортом и административным центром, был окружен рифами, исполнявшими роль волноломов. Высокие, расположенные

группами здания напомнили Айдахо щетину остистых крыс, одну из которых он приручил, когда жил в крепости-тюрьме Харконненов.

Многие здания в стране Оружейных Мастеров Гиназа, пользовавшихся почти религиозным почитанием в империи, были задуманы и построены скорее как музеи и мемориальные комплексы, нежели учебные корпуса. Это обстоятельство говорило о том, что они весьма высоко ценили свои боевые качества, и их уверенность в своих силах граничила с хвастовством. Мастера Школы считали себя центром вселенной. Будучи политически нейтральными, мастера предлагали свои услуги всем желающим и предоставляли своим курсантам право самим выбирать, кому и как служить. Мифы, окружавшие Школу, становились еще более убедительными от того, что среди выпускников Школы были многие главы Великих Домов Ландсраада. Мастера Жонглеры разносили по всей империи песни, в которых воспевались великие деяния легендарных героев Гиназа.

Центральный небоскреб, в котором Айдахо предстояло пройти заключительные испытания после восьмилетнего обучения, служил усыпальницей Йоола-Норета, основателя Школы Гиназа. Саркофаг, прикрытый прозрачным колпаком из плаза и защищенный хольцмановским силовым полем, был недоступен для зрения. Однако право увидеть саркофаг получали только «достойные».

Дункан поклялся себе, что станет достойным...

В космопорту его встретила стройная, с выбритой головой женщина, одетая в черное *джи* мастера рукопашного боя. Отрывисто и по-деловому она представилась как Карсти Топер.

– Мне поручено забрать твои вещи. – С этими словами она протянула руку к рюкзаку Айдахо и длинному свертку, в котором была шпага старого герцога.

Дункан крепче сжал клинок.

– Я отдам шпагу с одним условием – если вы гарантируете мне ее сохранность.

Женщина недовольно поморщилась.

– Мы ценим свою честь больше, чем другие Дома Ландсраада. – Протянутая рука не дрогнула.

– Но не больше, чем Дом Атрейдесов, – ответил Айдахо, все еще не желая отдавать оружие.

Задумавшись, Карсти нахмурила лоб.

– Возможно, не больше, но не меньше.

Дункан отдал ей свои вещи, и они направились к орнитоптеру дальних сообщений.

– Иди к машине, она доставит тебя на твой первый остров. Делай то, что тебе велят, и не жалуйся. Учись всему. – Она плотно прижала к себе рюкзак и шпагу Айдахо. – Свои вещи ты получишь назад, когда придет время.

В тот день Дункан так и не увидел город Гиназ и его административный центр. Его сразу увезли на затерянный в просторах океана низменный остров, едва выступавший над поверхностью моря. Весь остров порос густыми джунглями, среди которых кое-где находились одинокие хижины. Трое служащих в форме высадили его на этом островке и отбыли, не ответив ни на один вопрос Дункана. Дункан остался один. Он стоял на берегу, прислушиваясь к рокоту морского прибоя, который живо напомнил ему о Каладане.

Дункан понял, что это было его первое испытание.

Навстречу Дункану из чащи, раздвинув листья пальм, вышел загорелый до черноты седовласый мужчина с тонкими, жилистыми руками. На незнакомце была надета черная безрукавка, стянутая на поясе ремнем. Человек прищурился от яркого света, на лице его застыло каменное выражение.

– Я – Дункан Айдахо. Вы – мой первый инструктор, сэр?

– Инструктор? – Человек поморщился. – Да, крысенок, и мое имя Джеймо Рид – но заключенные не пользуются именами, потому что здесь каждый знает свое место. Делай свою работу и не создавай проблем. Если другие не смогут с тобой справиться, то это сделаю я.

Заключенные?

– Я прошу прощения, мастер Рид, но я прибыл сюда учиться на Оружейного Мастера... Рид расхохотался.

– На Оружейного Мастера? Это круто!

Не дав Айдахо времени на обустройство, человек направил его на грязную работу в бригаду аборигенов Гиназа. Дункан общался с ними с помощью жестов, так как никто из них не владел имперским галахским языком.

Несколько дней, страдая от жары и обливаясь соленым потом, бригада рыла каналы и колодцы для водоснабжения одной из деревень внутренней части острова. Густой, жаркий, насыщенный испарениями воздух кишел мошкаррой, нещадно кусавшей рабочих. Дункан с трудом дышал в этой атмосфере. С приближением вечера мошки исчезали, а их место занимали комары и черные мухи. Кожа Айдахо покрылась зудящими, распухшими волдырями. Приходилось в огромных количествах пить воду, чтобы восполнить потери жидкости с потом.

Дункан руками перетаскивал тяжелые камни, а солнце немилосердно обжигало его обнаженную мускулистую спину. Скрестив руки на груди, сжимая бич, в тени мангового дерева стоял мастер Рид и наблюдал за работой. За все время он так и не обмолвился о цели приезда сюда Дункана Айдахо. Дункан же не жаловался и не задавал лишних вопросов. Он ожидал, что Гиназ преподнесет ему еще не одну неожиданность.

Видимо, это такой род испытания.

Дункану не было и девяти лет, когда он перенес жестокие пытки от рук Харконненов. Он видел, как Глоссу Раббан убил его родителей. Будучи мальчиком, он убил охотников в Лесном Заповеднике и сумел бежать на Каладан к своему покровителю – старому герцогу – только затем, чтобы увидеть, как его благодетель погибнет на арене. Теперь же, после десяти лет службы Дому Атрейдесов, Дункан считал каждый прожитый им день средством тренировки, упражнением воли и физических сил для предстоящих битв. Он станет Оружейным Мастером Гиназа...

Месяц спустя из прибывшего на остров орнитоптера бесцеремонно высадили светлокожего рыжеволосого молодого человека. Парень стоял на пляже, явно чувствуя себя не в своей тарелке, он был расстроен и растерян. Дункан наверняка выглядел так же, когда прибыл на остров. Прежде чем кто-нибудь смог поговорить с рыжеволосым, мастер Рид послал рабочие команды, вооруженные тупыми мачете, рубить джунгли, которые разрастались быстрее, чем их успевали вырубать. Вероятно, такова была практика здешнего обращения с осужденными – заставляя их выполнять бесцельную, как у Сизифа, работу. Миф о Сизифе Дункан слышал, живя у Атрейдесов.

Айдахо встретил рыжеволосого только через два дня, когда пытался уснуть, лежа на самодельной лежанке из пальмовых листьев. На противоположной стороне маленькой лагуны был расположен лагерь другой команды заключенных, к которой приписали вновь прибывшего. Он лежал в шалаше и громко стонал от ужасных солнечных ожогов. Дункан пробрался в тот лагерь и смазал волдыри незнакомого парня мягкой мазью – он видел, что так делают аборигены.

Рыжеволосый шипел от боли, но не испустил ни одного крика. Наконец он заговорил по-галахски, чем несказанно удивил Дункана:

– Благодарю тебя, кто бы ты ни был.

Он лег на спину и прикрыл глаза.

– Плохо мы начинаем учебу в этой проклятой Школе, правда? Что я вообще здесь делаю?

Этот молодой человек, Хий Рессер, как выяснилось, прибыл на Гиназ из одного из Малых Домов Груммана. По семейной традиции, из каждого поколения отпрысков отбирали кандида-

тов для прохождения обучения на Гиназе, правда, на этот раз семье не повезло – Хий оказался единственным подходящим кандидатом.

– Все считают, что я – неудачный выбор, что посылать меня сюда – это злая шутка, а отец вообще убежден, что я не выдержу испытаний.

Рессер вздрогнул, присев от боли во вскрывшихся волдырях.

– Меня все недооценивают, – добавил он.

Они оба не понимали, по какой причине этого аристократа прислали на остров, населенный заключенными.

– По крайней мере это сделает нас крепче, – высказал предположение Дункан.

Когда на следующий день Джеймо Рид увидел, что молодые люди общаются между собой, он почесал свою седую шевелюру, нахмурился и послал их на работы в разные концы острова.

Дункан снова некоторое время не видел Рессера...

Шли месяцы. Дункан не получал никаких сведений относительно своей дальнейшей судьбы, его не учили никаким навыкам, он не выполнял никаких специальных упражнений. В нем начал нарастать гнев – он теряет время, вместо того чтобы учиться защищать Дом Атрей-десов. Как же он станет Оружейным Мастером, если дальше будет прозябать на этом проклятом острове?

Однажды утром мастер Рид удивил Дункана тем, что не разбудил его на рассвете и не послал на работу. Мастера вообще не было видно. Вдруг до уха Айдахо донеслось ритмичное биение механических крыльев орнитоптера. Сердце юноши бешено заколотилось, готовое выпрыгнуть из груди. Он выбежал из хижины и увидел, что экипаж приземлился на кромку пляжа. Поток воздуха от работающих крыльев заставлял листья пальм вращаться, как лопасти.

Из орнитоптера показалась стройная женская фигура в черном джи. Бритоголовая женщина заговорила с мастером Ридом. Жилистый мастер тепло улыбнулся и сердечно пожал женщине руку. Дункан впервые увидел, какие белые зубы у мастера. Карсти Топер отступила в сторону и взглянула на заключенных, которые, высыпав из своих хижин, во все глаза уставились на необычную женщину.

Бригадир Рид обернулся к заключенным, стоявшим возле своих жалких жилищ.

– Дункан Айдахо! Подойди сюда, крысенок!

Айдахо со всех ног бросился по галечному пляжу к орнитоптеру. Подбежав ближе к летающей машине, он увидел, что Хий Рессер уже сидит в кабине, прижав к стеклу улыбающееся веснушчатое лицо.

Женщина поздоровалась с Дунканом легким полупоклоном, потом, словно сканером, прошла взглядом по всей его фигуре с головы до ног. Повернувшись к мастеру Риду, она произнесла по-галахски:

– Можно поздравить вас с успехом, мастер Рид?

Рид в ответ пожал своими худыми плечами, в его блеснувших глазах вдруг появилось живое выражение.

– Другие заключенные не попытались его убить. Он не попал ни в какие серьезные переделки. Кроме того, он избавился от лишнего жира и некоторой вялости в движениях.

– Это была часть моего обучения? – спросил Айдахо. – Я должен был закалиться в рабочей команде?

Бритоголовая женщина уперла руки в свои узкие бедра.

– Это были настоящие заключенные, Айдахо. За убийства и кражи эти люди осуждены на пожизненные каторжные работы.

– И вы послали меня сюда, к ним?

Джеймо Рид шагнул вперед и неожиданно крепко обнял Дункана.

– Да, крысенок, и ты выжил. Так же, как и Хий Рессер. – Он отечески похлопал Дункана по спине. – Я горжусь вами.

Пораженный и сконфуженный Дункан презрительно фыркнул.

– Я пережил куда худшее заключение, когда мне было восемь лет.

– Ты побываешь и в худших местах. – Тоном, в котором не чувствовалось ни грана юмора, Карсти Топер объяснила: – Это было испытание характера и послушания... и терпения. Оружейный Мастер должен иметь терпение, чтобы досконально изучить противника, выработать план действий и заманить его в западню.

– Но обычно Оружейный Мастер имеет в своем распоряжении гораздо больше информации о своем положении, – возразил Дункан.

– Но зато мы увидели, что ты сам представляешь собой, крысенок. – Рид смахнул с щеки слезу. – Не разочаровывай меня, я хочу увидеть тебя на выпускных испытаниях.

– Это будет через восемь лет, – уточнил Дункан.

Топер жестом предложила Дункану войти в орнитоптер, и он был страшно рад, что она выполнила свое обещание и вернула ему шпагу старого герцога. Бритоголовой женщине пришлось повысить голос, чтобы перекричать шум работающих двигателей:

– С этого момента начнется твое настоящее обучение.

Специальные знания могут стать огромным недостатком, если заводят тебя слишком далеко по пути, который ты не в состоянии объяснить.

«Наставление ментату»

В своем алькове для медитаций, расположенном в самом темном отсеке Убежища Харконненов, Питер де Фриз не слышал ни визга ампутационных пил, ни криков пытаемых жертв, доносившихся через открытую дверь холла. Мысли ментата были сосредоточены на других, более важных предметах.

Несколько мощных препаратов резко усиливали процессы мышления.

Сидя с прикрытыми глазами, Питер представлял себе работу механизмов, управляющих империей, своим мысленным взором он ясно видел, как цепляются друг за друга зубья бесчисленных шестерен, вращающих маховик власти. Главными шестернями были Великие и Малые Дома Ландсраада, Космическая Гильдия, Бене Гессерит и коммерческий торговый конгломерат ОСПЧТ. И вся работа этого огромного механизма целиком и полностью зависела от одной вещи.

От меланжи, от пряности.

Дом Харконненов имел фантастическую прибыль от своей монополии на пряность. Когда они несколько лет назад узнали о секретном проекте «Амаль», барон сразу и без посторонней помощи понял, какие финансовые убытки он понесет, если на рынок поступит дешевая замена меланжи – эта катастрофа сделает Арракис ничего не стоящей планетой.

Император (точнее, Фенринг) очень искусно скрывал планы по созданию синтетической пряности. Огромные расходы на проведение работ маскировались махинациями с имперским бюджетом – там немного повысили налоги, здесь ввели новый штраф, где-то взыскали старые долги или продали дорогую недвижимость. Но Питер де Фриз знал, куда надо смотреть и что искать. Последствия, планы, приготовления, волны третьего и четвертого порядка, которые не могли остаться незамеченными. Только ментату было под силу проследить за ходом всех этих хитросплетений, выявить указания на существование долговременного проекта, выполнение которого грозило финансовым крахом Дома Харконненов.

Однако барон не собирался складывать оружие и спокойно взирать на разрушение своего могущества. Он даже попытался спровоцировать военный конфликт между Бене Тлейлаксом и Домом Атрейдесов, но план провалился... и все из-за проклятого герцога Лето.

Внедрять шпионов на планету, ранее называвшуюся Иксом, оказалось, как Питер предвидел, весьма трудно, и ментатские проекции говорили о том, что тлейлаксы не собирались заканчивать свои эксперименты. Действительно, поскольку император послал на Икс два допол-

нительных легиона сардаукаров под видом миротворцев, стало ясно, что либо исследования достигли своей кульминации, либо... Шаддам начал терять терпение.

Сейчас, находясь в состоянии транса, Питер де Фриз не шевелил ни единым мускулом, двигались только его глаза. Шею его окружал круглый поднос, на котором лежали стимулирующие мышление средства. Поднос медленно вращался. Желтая муха уселась на его нос, но ментат не увидел и не почувствовал этого прикосновения. Насекомое сползло на губу и слизнуло каплю сока сафо.

Де Фриз задумался, выбирая лекарство на крутящемся столе, и, выбрав, движением глаз остановил его вращение. Платформа опрокинулась, вылив в рот ментату содержимое флакона с тикопийным сиропом... и вместе с ним несчастную муху, за которой последовала капсула меланжевого концентрата. Ментат раскусил ее и проглотил пряный порошок, почувствовав его жгучий вкус. После этого он немедленно принял вторую капсулу – такого количества меланжи он еще никогда не принимал за один присест, но сейчас ему была просто необходима сверхъестественная ясность ума.

В дальней камере раздался дикий вой пытаемого человека, который начал признаваться, но де Фриз ничего не замечал и не слышал. Нечувствительный к внешним раздражителям, он еще глубже погрузился в собственное сознание. *Глубже*. Он ощутил, что его сознание открывается, как раскрывается цветок, распуская свои лепестки. Он поплыл по континууму, чувствуя, что каждая его часть становится доступной разуму. Кроме того, теперь ментат ясно видел свое место в этом бесконечном континууме.

Особенно явно его внутреннему взору открылся один из возможных вариантов развития будущего, то была экстраординарная ментатская проекция, основанная на лавине информации и интуиции, многократно усиленной приемом меланжи. Внутреннее зрение превратилось в череду болезненно живых кадров, всплесков воображения, мелькавших перед глазами. Питер ясно увидел, как тлейлаксианский мастер-исследователь гордо берет в руки флакон синтетической пряности и пробует ее. Это успех!

Смазанное изображение. Вот де Фриз видит Харконненов, пакующих на Арракисе свои вещи, оставляющих на произвол судьбы разработки пряности. Сардаукарская стража берет в плен солдат Харконненов и увозит их с пустынной планеты. На крепостях Карфага и Арракина спускают знамена с голубыми грифонами Харконненов.

Теперь на этих башнях реют черно-зеленые знамена Дома Атрейдесов!

Из горла ментата донесся сдавленный звук. Питер изо всех сил пытался привести в порядок свои основанные на предзнании видения и сделать из них разумный вывод.

Харконнены утратят свою монополию на пряность. Но не обязательно из-за того, что тлейлаксы в заговоре с императором сумеют воплотить в жизнь проект «Амаль».

Но как в таком случае?

Железный ошейник психостимуляторов мертвой хваткой сдавил мозг, ум прокладывал дороги размышлений, используя то одни цепи синапсов, то другие, но каждый путь заканчивался тупиком. Питер начинал все сначала, но конец каждый раз оказывался одним и тем же.

Как это произойдет?

Столь неумеренное потребление стимуляторов не приветствовалось ментатской традицией, но Питер де Фриз не был нормальным ментатом, то есть талантливым, одаренным человеком, прошедшим подготовку в Школе Ментатов. Питер де Фриз был ментатом «извращенным», то есть выращенным в аксолотлевом чане тлейлаксом из клеток умершего ментата и получившим воспитание под руководством преподавателя, изгнанного из Школы. После продажи своего извращенного изделия тлейлаксы обычно не интересовались его дальнейшей судьбой, но у Питера не было сомнений, что у них есть наготове еще один гхола, которого они могут предоставить барону, если ему в один прекрасный день надоест он, де Фриз.

Такая извращенная продукция приносила тлейлаксам бешеный доход, поскольку давала таким, как де Фриз, весьма высокие аналитические способности, превосходящие способности среднего ментата, но зато такие извращенцы становились непредсказуемыми, опасными и плохо поддающимися контролю.

Десятилетиями тлейлаксы проводили эксперименты с психомодуляторами на производимых ими ментатах; в годы своего становления де Фриз стал одним из таких подопытных кроликов. Эффекты оказались непредсказуемыми, и на их основании нельзя было делать надежных заключений. Было ясно только одно, что в результате в головном мозгу наступили изменения, и, как надеялся сам де Фриз, – благотворные.

С тех пор как он был продан Дому Харконненов, Питер сам провел необходимые пробы, очистив организм и настроив его на условия, которые были ему выгодны. С помощью тщательно подобранной смеси медикаментов он сумел достичь степени ясности ума, достаточно высокой для быстрой обработки данных.

Почему Дом Харконненов утратит монополию на пряность? И когда?

Казалось мудрым предложить барону увеличить добычу и проверить безопасность подпольных складов пряности на Ланкивейле и в других местах. *Мы должны защитить себя от возможной катастрофы.*

Тяжелые веки дрогнули, приподнялись. Яркий свет ударил в глаза; с большим трудом ментат сосредоточился. Вот он услышал скрип. Через открытую дверь де Фриз увидел, как два человека в форме провезли по коридору скрипучую каталку, на которой лежала бесформенная куча плоти, бывшая совсем недавно живым человеком.

Почему Дом Харконненов утратит свою монополию на пряность? С грустью де Фриз осознал, что лекарства, которые он принял, начали выводиться из организма, распались от невероятных усилий раскрыть перспективу сверхъестественного видения. Почему? Надо перейти на более глубокий уровень. Я должен узнать ответ!

Словно в лихорадке, он порывисто снял с шеи вращающийся поднос, сбросив соки и капсулы на пол. Упав на колени, он собрал все пилюли, какие смог найти, и проглотил их. Как собака, он слизал с пола разлившийся сок сафо и без сил распростерся на холодном полу. *Почему?*

Когда на ментата нашло благодатное состояние, он перевернулся на спину и, лежа на мокрых липких плитах пола, уставился в потолок. Непроизвольные функции организма замедлились, теперь ментат выглядел как труп, но мозг его заработал в бешеном темпе, электрохимическая активность его невероятно возросла, нейроны передавали сигналы, обрабатывали их, отбирали нужные электрические импульсы, преодолевали синаптические щели все быстрее и быстрее.

Почему? Почему?

Проводящие пути, отвечающие за познание, посылали импульсы по всем направлениям, токи пересекались, переплетались; ионы калия и натрия сталкивались в каналах с другими радикалами мозговых клеток. Внутренний механизм передачи информации в мозгу отказал, не выдержав бешеной скорости обработки информации. Де Фриз находился на грани ментального хаоса и впал в кому.

Замечательный мозг ментата перешел в режим выживания, отключив все функции, чтобы избежать необратимого повреждения...

Питер де Фриз очнулся в луже лекарств. Нестерпимо жгло в ноздрях, во рту и в горле.

Рядом с ментатом расхаживал барон и укорял его, как неразумное дитя.

– Посмотри, что ты здесь натворил, Питер. Извел столько меланжи, я уже был почти готов купить у тлейлаксав нового ментата. Не будь впредь таким безмозглым транжирой!

Де Фриз заставил себя сесть и попытался рассказать барону о своем видении падения Дома Харконненов.

– Я... Я видел...

Но слова не шли из уст ментата. Пройдет немало времени, пока он вновь обретет способность облекать мысли в связные предложения.

Но еще хуже было то, что, несмотря на сильную передозировку, ментат так и не нашел ответ на вопрос барона.

*Чрезмерное знание никогда не приводит к простым решениям.
Кронпринц Рафаэль Коррино. «Рассуждение о власти»*

Разбросанные по окантованному льдами морю внутри северного полярного круга Ланквейля китобойные корабли были похожи на города – громадные заводы, которые месяцами бороздили серо-стальные воды, прежде чем вернуться в доки космопорта, где они сдавали свой груз.

Абульурд Харконнен, младший сводный брат барона, предпочитал охотиться с маленьких судов, укомплектованных туземными экипажами, для которых добыча меховых китов была рискованным промыслом, а не отраслью промышленности.

Абульурд вглядывался в ледяную даль прищуренными светлыми глазами, а обжигающе-холодный ветер разметывал по плечам его длинные пепельные волосы. По низкому небу неслись рваные темные облака, но принц уже давно привык к суровому климату. У Харконненов было множество блистательных и роскошных дворцов в других планетарных державах, но Абульурд выбрал своим домом этот замороженный гористый мир.

Принц был в море уже неделю, с энтузиазмом помогая смуглым китобоям. Абульурд охотно брался за любое дело, хотя даже внешне разительно отличался от уроженцев Ланквейля. Руки болели, ладони покрывались волдырями, которые скоро превратятся в твердые мозоли. Буддистамистов – таково было вероисповедание туземцев, – казалось, немало забавляло желание правителя ходить в море на тяжелый промысел, но они давно были наслышаны о его эксцентричности. Абульурду были чужды помпезность и высокомерие, он никогда не выставлял напоказ свое богатство и не злоупотреблял властью.

В этих высоких полярных широтах меховые киты вида бьондакс плавали стадами, как водяные бизоны. Чаще всего встречались животные с золотистым мехом, китов с экзотическими пятнистыми шкурами было гораздо меньше и встречались они реже. Впередсмотрящие на наблюдательной платформе стояли рядом с молитвенными трещотками и вымпелами, внимательно разглядывая в бинокли ледяные воды в поисках одиноких китов. Свободные от вахты китобойи молились. Туземные охотники были очень щепетильны в выборе животных, предпочитая китов с красивой шкурой, за которую на рынке можно было взять хорошую цену.

Абульурд вдыхал соленый воздух и слушал свист всепроникающего ветра, наполненного мелкой ледяной крошкой. Он ждал начала действия, стремительной охоты, когда капитан и его первый помощник начнут выкрикивать свирепые команды, относясь к принцу, как к простому члену экипажа. Но сейчас ему ничего не оставалось делать – только ждать и думать о доме...

Ночью, когда китобойное судно раскачивалось и кренилось, сотрясаясь от ударов льдин, бившихся о стальную корпус, Абульурд будет петь песни или играть с экипажем в местные азартные игры, где ставками служили бусины четок, и декламировать за фанты требуемые сутры вместе с суровыми, глубоко религиозными китобоями.

Тускло блестящие в каютах обогреватели не шли ни в какое сравнение с ревушим огнем в камине его шумной резиденции в Тула-Фьорде или на романтической частной даче в устье того же фьорда. Несмотря на удовольствие, которое Абульурд получал от охоты на китов, он всегда скучал по своей спокойной и сильной жене. Он и Эмми Раббан-Харконнен были женаты несколько десятилетий, и разлука на несколько дней делала их союз еще слаще.

В жилах Эмми текла благородная кровь, но происходила эта женщина из незначительного Малого Дома. Четыре поколения назад, до заключения союза с Домом Харконненов, Ланкивейль был леном мелкопоместного Дома Раббанов, которые больше занимались религией, чем политикой. Представители этого Дома строили монастыри и основывали семинарии в горах, вместо того чтобы разведывать и разрабатывать ресурсы планеты.

Много лет назад, после смерти отца, Дмитрия Харконнена, Абульурд взял с собой Эмми, с которой провел семь лет на Арракисе. Старший брат Владимир сосредоточил всю полноту власти Дома Харконненов в своих железных руках, но воля отца – закон, и право контроля над операциями с пряностью получил Абульурд, добрый сын и настоящий книжный червь. Принц прекрасно понимал всю важность своего положения, всю ответственность, которая лежала на его плечах, ибо он знал, какие богатства приносит пряность его Дому, но, на свою беду, Абульурд так и не смог вникнуть в политические нюансы и сложности жизни пустынной планеты.

Абульурда принудили покинуть Арракис и отправили в опалу, так, во всяком случае, это было обставлено. Но что бы ни говорили другие, сам принц добровольно предпочел жить на Ланкивейле, исполняя посильные для него обязанности среди народа, который был ему понятен. Он от души жалел тех, кого злая воля барона забросила на Арракис, а сам Абульурд поклялся себе, что сделает на Ланкивейле все, что будет в его силах, хотя он еще даже не удосужился объявить свой полноправный титул правителю области. Утомительные занятия политикой казались принцу пустой тратой времени и человеческих сил.

У них с Эмми был единственный сын, тридцатичетырехлетний Глоссу Раббан, который, согласно ланкивейльской традиции, получил фамилию по женской линии. К несчастью, сын был груб и взял от своего дяди больше, чем от родителей. Абульурд и Эмми хотели родить больше детей, но семейство Харконненов не отличалось большой плодовитостью...

– Альбинос! – крикнул впередсмотрящий, остроглазый парнишка с темными волосами, заплетенными в косичку, падавшую на ворот теплой парки. – Чисто-белый мех, плывет один – двадцать градусов к порту.

Судно превратилось в гудящий улей. Гарпунеры взяли за свое оружие – отравленные нервно-паралитическим ядом гарпуны, а капитан приказал увеличить обороты двигателя. Люди карабкались по трапам и, прикрыв ладонями глаза, всматривались в море. Вокруг громоздились айсберги, похожие на огромные белые зубы. С последней охоты прошли сутки, на корабле произвели полную приборку, палубы сияли чистотой, трюмы открыты, люди готовы действовать.

Абульурд дождался своей очереди и посмотрел в систему биноклей, вглядываясь в океанский простор поверх белых гребней волн. Он видел пятна, которые могли быть белым китом, но на поверку оказались просто обломками льдины. Но наконец и принц увидел его – белого кита, который напролом плыл сквозь волны, вспарывая воду своим изогнутым, как лук, блестящим белоснежным телом. Альбиносы, редчайшие представители вида, были изгоями, их изгоняли из стад, и они редко доживали до взрослого состояния, лишённые поддержки сородичей.

Люди подобрали оружие, когда корабль вышел на след жертвы. Молитвенные трещотки продолжали греметь, вращаясь на ветру. Капитан перегнулся через леер мостика и гаркнул голосом, от которого мог бы расколоться средней величины айсберг:

– Если мы не попортим ему шкуру, то выручим столько денег, что можно будет возвращаться домой.

Абульурд любил смотреть на оживленные, полные энергии лица матросов. Он и сам испытывал волнение и трепет, заставлявшие сильнее стучать сердце, разгонявшее кровь даже в такой лютой холод. Он никогда не брал свою долю, поскольку не нуждался в деньгах, и другие китобой делили ее между собой.

Альбинос, чуя погоню, поплыл быстрее, направляясь к архипелагу айсбергов. Капитан прибавил скорость, за судном вскипал бурун от работающих с перегрузкой винтов. Если бьондакс нырнет, то они его упустят.

Меховые киты проводили месяцы под тяжелыми ледяными полями. Там, в теплых, подогретых вулканическими течениями водах киты поглощали несметное количество криля, спор и богатейшего ланкивейльского планктона, который не нуждался в солнечном свете для фотосинтеза.

Раздался громкий щелчок, и в спину кита вонзился вымпел. Почувствовав укол, животное нырнуло. Один из членов экипажа нажал кнопку на панели управления и послал по проводу электрический импульс, который заставил кита вынырнуть и плыть дальше. Китобойная шхуна, идя рядом с китом, терлась правым бортом об айсберг. Стальной корпус скрежетал, но выдерживал удары. Капитан подвел шхуну вплотную к киту. Два мастера-гарпунера, двигаясь с преувеличенным спокойствием, перешли в лодки преследования – удлиненные моторные суда с узкими носами и режущими лед киями. Люди пристегнулись ремнями, закрыли прозрачные защитные колпаки и спустили суда на ледяную воду.

Лодки преследования пошли по волнам, ударяясь о льдины, но неуклонно приближаясь к цели. Шхуна обошла животное и пошла на сближение с противоположной стороны. Гарпунеры пошли наперерез альбиносу, открыв колпаки и выпрямившись в своих лодках. Сохранив равновесие, они вонзили парализующие гарпуны в кита, поразив его обездвиживающими зарядами.

Кит развернулся и стремительно поплыл к главной шхуне. Мастера-гарпунеры начали преследование, но на этот раз животное оказалось в непосредственной близости от шхуны, и через ее борт перегнулись еще четыре гарпунера. Как тренированные римские копьеметатели, они метнули свои гарпуны с такой силой, что немедленно обездвижили кита. Животное обмякло. К нему приблизились лодки преследования, и два мастера-гарпунера нанесли киту coup de grâce².

В следующую минуту, когда лодки преследования пристали к борту шхуны, с ее борта скользнули меховщики и обвальщики, обутые в специальные шиповки. Люди взошли на плавающую в воде мертвую тушу.

Абульурд много раз видел, как брали кита, но испытывал глубокое отвращение к виду работы мясников. Он вышел на палубу правого борта и стал смотреть на стену айсбергов, вырисовывавшихся на горизонте. Эти зубчатые формы напомнили ему крутые отвесные скалы фьорда, близ которого он жил.

Китобойная шхуна находилась сейчас в таких высоких широтах, куда редко заходили даже туземные охотники. Китобойные флотилии ОСПЧТ никогда не отваживались заходить так далеко на север, так как их громадные корабли не могли ходить в столь опасных и предательских водах.

Стоя в одиночестве на носу, Абульурд наслаждался призматической чистотой арктического льда, кристаллами, которые преломляли и усиливали тусклый свет северного солнца. Он услышал треск столкнувшихся айсбергов, не отдавая себе отчет в том, что уловило в этот момент его периферическое зрение. Что-то давило на подсознание до тех пор, пока Абульурд не взглянул пристально на один из айсбергов, поразивший его своим более темным серым цветом. Эта ледяная гора почему-то меньше, чем остальные, отражала свет.

Он прищурился, потом взял лежавший рядом бинокль и принялся рассматривать странный айсберг. Абульурд слышал чавкающие звуки разделываемого мяса, крики матросов, деливших тушу на доли, которые они заберут с собой. Сосредоточившись, Абульурд подкрутил окуляры и снова присмотрелся к громадной глыбе льда.

² Удар милосердия (*фр.*).

Довольный, что это занятие отвлекает его от кровавого зрелища, Абульурд тщательно рассматривал странную глыбу, которая имела слишком правильную форму, чтобы быть случайно отколовшимся от ледового шельфа куском льда, который теперь, свободно дрейфуя в океане, сталкивается в воде с другими айсбергами.

И вдруг на уровне воды Абульурд увидел нечто, подозрительно напоминающее *дверь*.

Решительным шагом принц направился на капитанский мостик.

– Вы будете работать здесь еще не меньше часа, не правда ли, капитан?

Широкоплечий человек кивнул.

– Так точно. Потом мы пойдем домой. Вы хотите спуститься и принять участие в разделке туши?

Абульурд едва не вздрогнул. Перспектива вымазаться в китовой крови не вызвала у него ничего, кроме отвращения.

– Нет... на самом деле я хотел бы одолжить у вас одну из шлюпок, чтобы посмотреть на одну интересную вещь, которую я обнаружил на айсберге.

Конечно, надо было попросить сопровождающих, но все матросы и китобои были заняты разделкой туши. Даже здесь, в этих, не обозначенных ни на одной карте водах, Абульурд был счастлив оказаться подальше, чтобы не нюхать запах смерти.

Капитан вскинул свои кустистые брови. Абульурд видел, что суровый морской волк едва не выказал свой скепсис, но смолчал. Его широкое плоское лицо не выражало ничего, кроме уважения к правителю планеты.

Абульурд Харконнен умел управлять судами – он часто выходил во фьорды и исследовал береговую линию, – поэтому он, не колеблясь, отклонил предложение китобоев сопровождать его в опасном предприятии. И так, он в одиночку отправился в море, передвигаясь с малой скоростью и внимательно наблюдая за опасными перемещениями льдин. Позади продолжалась разделка, наполняя воздух запахом крови и внутренностей.

Дважды, блуждая в лабиринте плавучих гор, Абульурд терял из виду цель своей экспедиции, но потом снова находил ее. Спрятанный среди других айсбергов, этот не дрейфовал. Видимо, он фиксирован к месту якорем, подумал принц.

Он осторожно подвел утлое суденышко к зубчатому краю странного айсберга и причалил к нему. Монолит производил впечатление чего-то нереального и находящегося не на своем месте. Когда Абульурд осторожно ступил на плоскую поверхность монолита, то понял, насколько экзотичен этот предмет.

Лед не был холодным.

Абульурд наклонился и потрогал рукой молочно-белую поверхность, казавшуюся ледяной. Потом постучал по ней кулаком. Вещество было какой-то разновидностью полимерного кристалла, прозрачного и твердого, почти идеально имитирующего лед. Он сильно топнул ногой, изнутри отдалось гулкое эхо. Все это действительно очень странно.

Абульурд обогнул зазубренный угол и подошел к месту, на котором виднелась геометрически правильная линия трещин, это был параллелограмм, похожий на входной люк. Принц долго смотрел на него, пока не разглядел углубление, панель доступа, поврежденную, видимо, во время столкновения с настоящим айсбергом. Абульурд нашел кнопку активации, нажал на нее, и трапезиевидная дверь скользнула в сторону.

Принц едва не задохнулся от сильного душливого запаха корицы, возбуждающего аромата, который он мгновенно узнал. В свое время, на Арракисе, он вволю нанюхался этого запаха. Меланжа.

Он глубоко вдохнул воздух, только для того чтобы окончательно удостовериться в правильности своей догадки, и вошел в темный зловещий коридор. Пол был гладким, словно его истоптало множество ног. Тайная база? Командный пункт? Секретный архив?

Взгляду Абульурда открывались помещение за помещением, заполненные контейнерами с нулевой энтропией, запечатанными рундуками с гербами Дома Харконненов. Хранилище пряности, заложенное членом его семьи, – и никто не сказал ему о нем ни слова. Карта с координатами показывала, насколько глубоко под воду простирается хранилище. Здесь, на Ланкивейле, под самым носом у Абульурда, барон спрятал огромные нелегальные запасы пряности!

За количество спрятанной здесь меланжи можно несколько раз купить такую планетную систему, как Ланкивейль. Ум Абульурда пришел в смятение, не в силах справиться с осознанием того сокровища, на которое он совершенно случайно наткнулся. Ему надо подумать. Надо поговорить с Эмми. При ее великой мудрости она даст ему тот совет, в котором он нуждается. Вместе они найдут решение, поймут, что надо делать.

Абульурд считал членов экипажа китобойной шхуны честными и цельными людьми, но такое сокровище может ввести в соблазн даже лучших из них. Абульурд спешно покинул подвал, запер за собой дверь и перешел в шлюпку.

Вернувшись на шхуну, он постарался накрепко запомнить координаты хранилища. В ответ на вопрос капитана, нашел ли принц что-нибудь интересное, Абульурд отрицательно покачал головой и уединился в своей каюте. Он не мог довериться своей способности контролировать выражение лица в присутствии других людей. Предстоит еще долгий путь, прежде чем он увидит свою жену. О, как ему недоставало ее, как он нуждался в ее мудрости!

Прежде чем покинуть Тула-Фьорд, капитан подарил Абульурду печень мехового кита в качестве вознаграждения, хотя ее стоимость не шла ни в какое сравнение с долей, которая причиталась принцу как члену экипажа.

Когда он и Эмми наконец оказались одни за обеденным столом, Абульурд нервничал и не находил себе места, ожидая, когда повар закончит приготовление кулинарного шедевра из китовой печени.

Дымящуюся и источающую аромат китовую печень, обложенную горами соленой зелени, подали на двух серебряных позолоченных блюдах. Было и дополнительное блюдо – копченые устрицы. За длинным обеденным столом могли свободно усесться тридцать человек, но Эмми и Абульурд сели за стол вдвоем, сами накладывая себе порции из больших блюд.

У Эмми было приятное широкое ланкивейльское лицо и квадратный подбородок, в котором не было ничего блистательного или аристократического, но Абульурд обожал это лицо. Волосы Эмми были иссиня-черными и прямыми, подстриженными до плеч. Круглые карие глаза напоминали своим цветом полированную яшму.

Абульурд и его жена часто обедали в общем зале, принимая участие в разговорах, но поскольку принц только сегодня вернулся после недельного отсутствия, слуги решили, что супруги нуждаются в уединении, чтобы спокойно поговорить друг с другом. Абульурд несколько не колебался, стоит ли рассказывать жене о тайне, которую он обнаружил в ледяном море.

Эмми была молчалива, но чувства и мысли ее были глубоки. Прежде чем что-то сказать, она всегда думала и никогда не говорила, если ей нечего было сказать. Сейчас она, не перебивая, молча слушала рассказ мужа. Когда Абульурд замолчал, Эмми некоторое время обдумывала его рассказ. Он подождал, понял, что она уже обдумала несколько возможностей, и спросил:

– Что мы будем делать, Эмми?

– Должно быть, все это богатство украдено из императорской квоты. Вероятно, оно лежит в айсберге уже много лет. – Она кивнула, чтобы подчеркнуть свою убежденность. – Тебе не стоит мारать об него руки.

– Но меня обманул мой собственный сводный брат.

– Должно быть, у него есть какие-то планы относительно этой меланжи. Он ничего не сказал тебе, поскольку знал, что ты сочтешь делом чести сообщить о пряности императору.

Абульурд пожевал кисловатый лист салата, проглотил его и запил белым каладанским вином.

Эмми помолчала, потом снова заговорила:

– Если ты привлечешь внимание к этому хранилищу, то я могу придумать тысячу способов, какими нам могут навредить, навредить Ланкивейлю, навредить твоей семье. Лучше бы ты не находил этой пряности.

Он посмотрел в ее яшмовые глаза, ища в них хотя бы намек на искушение, но увидел в них только озабоченность и опасения.

– Возможно, Владимир уходит от уплаты налогов или просто украл эту меланжу, чтобы пополнить кофры Дома Харконненов, – предположила Эмми, и взгляд ее стал жестким. – Но он все же твой брат. Если ты донесешь на него императору, то это навлечет катастрофу на твой Дом.

Абульурд подумал о других последствиях и застонал.

– Если барона посадят в тюрьму, то мне придется взять на себя управление всеми харконненовскими державами. Если мне снова отдадут Арракис, то надо будет либо вернуться туда, либо переселиться на Гьеди Первую. – С совершенно несчастным видом Абульурд отхлебнул еще вина. – Меня тошнит от той и другой перспективы, Эмми. Мне очень нравится жить здесь.

Эмми придвинулась к мужу и коснулась его руки. Она погладила его ладонь, а он поднял ее руку к губам и поцеловал ей пальцы.

– Итак, мы нашли приемлемое решение, – сказала она. – Мы знаем, где лежит пряность... так пусть она там и остается.

Пустыня – хирург, срезающий кожу, чтобы показать, что таится под ней.

Фрименская поговорка

Когда над пустынным горизонтом поднялась медно-красная луна, Лиет Кинес и семеро фрименов, отделившись от тени скал, направились к пологим волнам дюн, где нельзя будет спрятаться от глаз постороннего наблюдателя. Один за другим люди подняли вверх кулаки, приветствуя, по фрименскому обычаю, восход Первой Луны.

– Приготовиться, – скомандовал Стилгар спустя мгновение. В призрачном лунном свете юноша напоминал своим узким лицом пустынного ястреба. Расширенные зрачки делали синие глаза абсолютно черными. Стилгар застегнул маскировочный костюм, его примеру последовали остальные мятежники. – Говорят, что в ожидании свершения мести время движется медленно, но сладостно.

Лиет Кинес согласно кивнул. Он в отличие от других был одет, как избалованный изобилием воды деревенский мальчишка, но глаза его были тверды, как веланская сталь. Стоявший рядом его более рослый ровесник, товарищ по снетчу и кровный брат Варрик, тоже наклонил голову. Сегодня ночью этим двоим предстояло играть роль беззащитных детей, застигнутых в пустыне... лакомой приманки для харконненовского патруля.

– Мы сделаем то, что должно быть сделано, Стил. – Лиет похлопал Варрика по плечу. На этих двенадцатилетних мальчиках была кровь более сотни харконненовских солдат, и они давно бы перестали вести счет, если бы не товарищеское соперничество. – Я доверяю брату мою жизнь.

Варрик положил ладонь на руку друга.

– Лиет будет бояться умереть, если меня не будет рядом.

– С тобой или без тебя я не собираюсь умирать этой ночью, – ответил Лиет, чем вызвал смех товарища. – Я собираюсь исполнить мечь.

После оргии ядовитой смерти, разразившейся в Байларском Становище, ярость фрименов распространилась от сietetча к сietetчу со скоростью воды, пропитывающей песок. По следам орнитоптера, оставленным возле спрятанной цистерны, люди узнали, кто виноват. *Все Харконненов и их присные должны заплатить за это.*

В предместьях Карфага и Арсунта весть о массовом убийстве была передана робким с виду рабочим и слугам, работавшим в цитаделях Харконненов. Некоторые из внедрившихся во вражеское окружение фрименов чистили полы в казармах, другие работали там продавцами воды.

Рассказы о происшествии в виде все более смешного и расцветченного множеством деталей анекдота передавались от одного солдата к другому, а фримены подмечали, кому из солдат эти рассказы доставляют наибольшее удовольствие. Разведчики внимательно изучили маршруты движения патрулей, выявили имена наиболее подозрительных, и в конце концов выяснили, кто конкретные виновники и где их можно найти...

С отрогов близлежащих гор к восьмерым мстителям подлетела, издавая высокий писк, летучая мышь, принесшая на своих перепончатых крылышках какое-то сообщение. Она уселась на локоть Стилгара и замерла, ожидая поощрения.

Юноша отстегнул шланг защитного костюма и вылил оттуда каплю драгоценной воды в рот мыши. Потом он приложил кончик шланга к уху и некоторое время слушал мышиный писк. Легонько постучав по головке летучей мыши, Стилгар подбросил ее в воздух. Так сокольниковый отпускает в полет свою птицу.

Стилгар повернулся к ожидавшей вестей группе. На его лице, красноватом в свете луны, играла хищная улыбка.

– Их орнитоптер только что видели над хребтом. Солдаты летят по разработанному маршруту, осматривая пустыню. Но они патрулируют уже давно и потеряли бдительность, так что в маршруте возможны отклонения.

– Сегодня они запутаются в паутине смерти, – сказал Варрик с вершины дюны, совсем не детским жестом вскинув вверх кулак.

Фримены проверили оружие, сняли ножи с фиксаторов, удерживавших клинки в ножнах, удостоверились в прочности веревочных удавок. Полами накидок они смели с поверхности песка все следы своего прихода и приготовились отойти, оставив на дюне двоих юношей.

Стилгар всмотрелся в ночное небо, лицо его дрогнуло.

– Мне сказал об этом умма Кинес. Когда мы составляли каталог лишайников, то наткнулись на ящерицу, которая вдруг исчезла из виду прямо на наших глазах, словно растворившись в песке. Кинес тогда сказал мне: «Вот хамелеон, способность которого сливаться с окружающей обстановкой расскажет вам все, что нужно знать о происхождении экологии и основах самоидентификации личности. – Стилгар со значением всмотрелся в лица своих товарищей, голос его дрогнул. – Я не знаю, что в точности он имел в виду... но сейчас все мы должны стать хамелеонами пустыни.

Одетый в светлую одежду Лиет Кинес ступил на пологий склон дюны, намеренно оставляя за собой невероятно отчетливые следы. Варрик столь же неуклюже последовал за ним, в то время как остальные фримены распростерлись на песке. Отсоединив дыхательные трубки, они покрыли лица свободными капюшонами и начали неистово двигать руками и ногами, погружаясь в мелкий, как пыль, песок. Когда дюна поглотила их, они застыли в неподвижности.

Лиет и Варрик побегали по следам, уничтожив их, а затем пошли вперед, по-прежнему оставляя четкие отпечатки своих ног. Они закончили как раз в тот момент, когда из-за гряды скал, светя красными бортовыми огнями, вынырнул патрульный орнитоптер.

Двое одетых в белое фрименов застыли на открытой местности, выделяясь на фоне светлого песка, освещенные яркими лучами луны. Ни один настоящий фримен никогда не позво-

лил бы себе такой беспечности, но харконненовские солдаты не знали этого. Они ничего не заподозрят.

Как только в небе показался орнитоптер, Лиет подал рукой преувеличенно резкий сигнал тревоги.

– Давай, Варрик, устроим им хорошенькое шоу.

Двое друзей ударились в якобы паническое бегство.

Как они и предвидели, орнитоптер сделал круг, чтобы перехватить беглецов. Мощный прожектор залил дюну беспощадным светом, из иллюминатора высунулся смеющийся бортовой стрелок. Он дважды выстрелил из лазерного ружья, отметив перед мальчиками полосу расплавленного, превратившегося в стекло песка.

Лиет и Варрик как вкопанные застыли на крутом склоне дюны. Стрелок выстрелил еще трижды, но снова промахнулся.

Орнитоптер приземлился на обширной площадке на вершине соседней дюны недалеко от того места, где лежали погребенные в песке Стилгар и его товарищи. Лиет и Варрик обменялись улыбками, приготовившись ко второй части игры.

Бортовой стрелок Кьель приложил к плечу приклад не успевшего остыть ружья и пинком открыл дверь.

– Пошли охотиться на фрименов.

Он выпрыгнул на песок, как только Гаран посадил патрульный орнитоптер.

Позади в поисках своего оружия копошился рекрут Джостен – новичок со свежим, почти девичьим лицом.

– Было бы гораздо легче подстрелить их сверху, – проворчал он.

– Ну какой же это спорт, – отпарировал Гаран своим грубым голосом.

– Может быть, ты не хочешь пачкать кровью свою новенькую форму, парень? – бросил через плечо Кьель. Они встали возле бронированной машины, оглядывая раскинувшиеся перед ними дюны, по которым, стараясь спастись, бежали прочь два диких кочевника. Глупцы, как могли они рассчитывать на спасение, если стали целью доблестных харконненовских солдат?

Гаран вскинул на плечо ружье, и вся троица двинулась в погоню. Двое молодых фрименов бежали, как жуки, хотя угроза оружием скорее всего заставит их вернуться и сдаться... Хотя лучше будет, если они станут драться, как загнанные в угол крысы.

– Слышал я истории об этих фрименах. – Джостен запыхался, стараясь поспеть за своими старшими товарищами. – Говорят, что их дети – убийцы, а женщины пытаются поповших к ним в плен так, как не снилось даже Питеру де Фризу.

Кьель фыркнул от смеха.

– У нас лазерные ружья, Джостен. Что они смогут сделать – швырять в нас камни?

– Иногда у них бывают пистолеты маула.

Гаран обернулся на молодого рекрута и пожал плечами.

– Почему бы тебе не вернуться в орнитоптер и не взять оттуда станнер? Используем широкое защитное поле, если дела пойдут плохо.

– Да, – согласился Кьель, – тогда потеха затянется надолго.

Двое одетых в белое фрименов продолжали неуклюже бежать по песку, а харконненовский патруль неумолимо сокращал дистанцию.

Довольный тем, что ему не надо будет принимать участие в схватке, Джостен во всю прыть припустил к ожидавшему на гребне дюны орнитоптеру. С вершины он еще раз оглянулся на товарищей и нырнул в темноту кабины. Оказавшись в орнитоптере, он первым делом увидел фигуру одетого в темную одежду человека, руки которого с быстротой молнии бегали по панели управления.

– Эй, что вы тут... – крикнул Джостен.

В тусклом свете он разглядел узкое лицо человека. Синие радужки странно смотрелись на фоне синих белков, взгляд фримена изобличал человека, которому не привыкать к убийству. Прежде чем Джостен успел что-нибудь предпринять, его схватили за руку с силой орлиных когтей и втащили в кабину. В свободной руке фримена мелькнул молочно-белый нож. Нестерпимо холодная льдинка боли пронзила горло рекрута до самого позвоночника. Нож тотчас же выдернули, чтобы не пропала ни одна капля крови.

Фримен отпрянул назад, как ударивший жертву скорпион. Джостен упал вперед, чувствуя, как из горла по всему телу начинает распространяться красная, как кровь, смерть. Он попытался задать вопрос, самый главный, быть может, в своей жизни вопрос, но вместо слов из рассеченного горла вырвалось нечленораздельное бульканье. Фримен достал что-то из кармана защитного костюма и приложил к горлу Джостена. Это была абсорбирующая ткань, поглощавшая вытекающую кровь.

Может быть, этот человек пустыни хочет его спасти, подумалось на мгновение молодому солдату. Это повязка? Может быть, произошла страшная ошибка? Может быть, этот тощий туземец пытается ее исправить?

Но кровь Джостена вытекала из раны слишком быстро, чтобы можно было рассчитывать на спасение. Жизнь его уходила, и Джостен понял, что материю приложили к ране не для того, чтобы остановить кровь, а только для того, чтобы сберечь ее влагу до последней капли...

Когда Кьель приблизился к двум фрименам на расстояние выстрела, Гаран оглянулся, ища в лунном свете орнитоптер.

– Кажется, я слышал какой-то звук из орнитоптера.

– Наверное, это Джостен топает ножками от радости, – отозвался бортовой стрелок, не опуская оружия.

Пойманные фримены, дрожа, остановились на мелком песке. Они пригнулись и обнажили маленькие, безобидно выглядящие ножи.

Кьель громко расхохотался.

– Что вы собрались делать этими игрушечками? Ковыряться в зубах?

– Я выковыряю зуб из твоего трупа, – крикнул один из мальчиков. – У тебя, случайно, нет такого старого золотого зуба, вроде тех, какие продают в Арракине?

Гаран прыснул и посмотрел на своего напарника.

– Это становится забавным.

Идя друг за другом, патрульные зашагали по ровной песчаной площадке.

Как только они приблизились к мальчикам на пять метров, песок вокруг солдат взорвался. Из пыли внезапно возникли мужские фигуры, покрытые мелкой галькой и песком и выглядевшие, как восставшие из могилы мертвецы.

Гаран издал бесполезный предупредительный вопль, а Кьель выстрелил во фрименов, ранив одного из них в плечо. Пыльные фигуры рванулись вперед. Сгрудившись вокруг пилота, они так тесно обступили его, что тот не смог вскинуть лазерное ружье к плечу. Фримены атаковали с яростью кровососов, накинувшихся на кровоточащую рану.

Когда они поставили Гарана на колени, он издал тонкий старушечий крик. Фримены скрутили его так, что он мог только дышать и моргать глазами. И кричать.

Одна из одетых в белое «жертв» бросилась вперед. Молодой человек – это был Лиет Кинес – держал в руке маленький нож, над которым Кьель и Гаран потешались всего несколько минут назад. Юноша стремительно опустился на колени и, работая кончиком ножа – аккуратно, как ювелир, – вырезал глазные яблоки из глазниц Гарана, превратив их в два красных эдипова пятна.

Стилгар скомандовал:

– Связать этого и крепко держать. Мы доставим его в сиегч Красной Стены, пусть им займутся женщины. Они знают, что с ним делать.

Гаран снова принялся дико кричать...

Когда фримены бросились на Къеля, тот, защищаясь, стал размахивать ружьем, словно дубиной, держа его за дуло. Цепкие руки ухватили ружье, и в этот миг Къель удивил фрименов необычным поступком – он выпустил из рук оружие. Фримен, вцепившийся в ружье, от толчка не устоял на ногах и упал на спину.

Къель ударился в бегство. Драться не имело смысла; схватка могла стоить ему жизни. Они уже повязали Гарана, а Джостен наверняка убит в орнитоптере. Он оставил мысль о поединке и побежал так, как не бегал никогда в жизни. Он бежал по темным ночным пескам от скал, от орнитоопера... прямо в пустыню. Фримены, конечно, могут его поймать, но для этого им придется побегать.

Задыхаясь, бросив на произвол судьбы товарищей, Къель несся по дюнам, не разбирая дороги, не имея другой мысли, кроме одной: убежать как можно дальше...

– Мы захватили орнитоптер целым и невредимым, Стил, – сказал Варрик. Лицо его светило от возбуждения и гордости. Командир мрачно кивнул. Умма Кинес чрезвычайно обрадуется этому известию. Теперь он, если нужно, сможет всегда воспользоваться орнитоптером в своих инспекционных поездках по сельскохозяйственным районам. А откуда взялся орнито-птер, никто ему не скажет.

Лиет посмотрел на ослепленного пленника, пустые глазницы которого прикрыли бинтами.

– Я видел своими глазами, что харконненовские молодчики сделали с Байларским Становищем... видел отравленную цистерну, замутненную воду.

Тело напарника было уже надлежащим образом упаковано и уложено в задний отсек орнитоопера. Труп отвезут в сиегч и передадут в руки мастеров смерти.

– Это не искупит и десятой доли страданий тех несчастных.

Подойдя к своему кровному брату, Варрик скривился от отвращения.

– Мое презрение к ним так велико, что я даже не хочу забирать их воду для нашего племени.

Стилгар взглянул на юношу так, словно тот совершил святотатство.

– Ты бы хотел, чтобы их трупы мумифицировались здесь в песке и чтобы их вода даром испарилась в воздух? Это оскорбление Шаи Хулуду.

Варрик покорно склонил голову.

– Это говорил не я, а мой гнев, Стил. Я не мог хотеть этого.

Стилгар поднял голову и посмотрел на восходящую красновато-коричневую луну. Все дело продолжалось не больше часа.

– Мы совершим ритуал *тал хаи*, чтобы их души никогда не знали отдыха. Они будут осуждены блуждать по пустыне до скончания века. – Голос его стал грубым и устрашающим. – Но мы должны при этом хорошо замести свои следы, чтобы никто не привел этих призраков в наш сиегч.

Фримены забормотали молитву, страх придавал горечи радости мести. Стилгар напевал стихи древнего заклатья, а его товарищи рисовали на песке замысловатые фигуры, извилистые линии, которые должны были навсегда привязать души проклятых к дюнам.

На залитой лунным светом поверхности песка фрименам была хорошо видна фигура неуклюже бегущего бортового стрелка.

– Этот – наше приношение Шаи Хулуду, – сказал Стилгар, закончив петь заклятие. Проклятие *тал хаи* было совершено. – Мир будет пребывать в равновесии, и пустыня останется довольной.

– Пыхтит, как сломанный вездеход, – произнес Лиет, стоя возле Стилгара и вытягиваясь на цыпочках, чтобы не казаться маленьким рядом с командиром отряда. – Теперь осталось недолго.

Фримены собрали вещи. Все, кто поместился, забрались в орнитоптер, а остальные отправились в сиетч, пользуясь давно выработанной походкой, которая не производила неестественных для пустыни звуков и колебаний.

Бортовой стрелок продолжал бежать, охваченный слепой паникой. Теперь ему казалось, что он избежал опасности, что впереди брезжит призрак надежды, хотя бег через океан дюн вел его в никуда.

Всего через несколько минут за ним пришел червь.

Цель спора есть изменение природы истины.

Наставление Бене Гессерит

При всей своей дьявольской злобности барон Владимир Харконнен никогда раньше не испытывал такой ненависти.

Как эта сука Бене Гессерит смогла сделать мне такую гадость?

В одно туманное утро он вошел в свой тренировочный зал, запер за собой дверь и приказал не беспокоить его. Из-за чрезмерной тучности он не мог пользоваться отягощениями и системами блоков, поэтому барон просто сел на пол и попытался поочередно поднимать ноги. Когда-то он отличался большой ловкостью в телесных упражнениях, а теперь даже такое элементарное упражнение давалось ему с большим трудом. В течение двух месяцев после того, как доктор Юэх поставил свой диагноз, в мозгу Владимира Харконнена возникали картины сладостной мести. Хорошо бы схватить Мохиам и постепенно вырывать из ее чрева внутренние органы – медленно, один за другим, – так, чтобы ведьма оставалась в сознании. Потом он бы позабавился с ее внутренностями, заставив ее смотреть на это. Уж он бы постарался доставить ей интересное зрелище... сжег бы печень, заставил бы эту суку сожрать ее собственную селезенку, а потом удавил бы Преподобную ее кишками.

Теперь понятно, почему Мохиам смотрела на него с таким самодовольным видом на банкете у Фенринга.

Это она меня искалечила!

Барон посмотрел на свое отражение в большом, во всю стену зеркале и в ужасе отшатнулся. Своими мощными руками он оторвал плазовое зеркало от стены и швырнул его на пол. Зеркало не разбилось, и Харконнен принялся гнуть его, отчего отражение приняло еще более жуткий вид.

Было ясно, что Мохиам отомстила ему за изнасилование, это барон понимал, но, с другой стороны, это она, ведьма, шантажировала его, заставив вступить с ней в связь первый раз. Это она требовала, чтобы он оплодотворил ее – дважды! – чтобы она родила от него дочь для Бене Гессерит. Это было нечестно. Это *он* жертва, а не она.

Барон кипел, возмущался и негодовал. Нельзя было и думать о том, чтобы хотя бы один соперник из Ландсраада узнал о причине его болезни. Все они хорошо понимают разницу между силой и слабостью. Если же соперники будут и дальше верить, что тучность и отечность барона Харконнена суть следствия его излишеств, свидетельство его успехов, то он сможет сохранить власть и влияние. Если же всем станет известно, что этой отвратительной болезнью его наградила женщина, заставившая его, Владимира Харконнена, совокупиться с ней, то... От такой мысли барону становилось физически плохо.

Да, конечно, слушать вопли Мохиам – это сладкая месть, но все же это мелочь, недостаточная для человека его положения. Все же Мохиам была всего лишь отталкивающим придатком Ордена Бене Гессерит. Ведьмы воображают себя всемогущими, способными сокрушить

любого, даже великого главу Дома Харконненов. Наказать их – дело фамильной чести и гордости, дело утверждения власти и положения во имя всего Ландсраада.

Кроме того, это доставит ему удовольствие.

Но если он будет действовать необдуманно и поспешно, то никогда не получит от ведьм средств для исцеления. Доктор Сук сказал, что науке не известны средства лечения, что возможность излечиться целиком и полностью находится в руках Преподобных Матерей Бене Гессерит. Община Сестер сделала из барона развалину, и только она может вернуть ему прежнее великолепное тело.

Будь они прокляты!

Ему придется притворяться, влезать в их дьявольский ум, чтобы понять, что там находится. Надо будет найти способ шантажировать их. Он сдерет с них (фигурально, конечно же, фигурально!) черные похоронные накидки и заставит гольшом дожидаться его суда.

Он швырнул измятое зеркало на плиты пола, угодив в тренажер. В руках у барона не было трости, поэтому он не смог сохранить равновесие и грохнулся спиной на мат.

Нет, это просто невыносимо...

Взяв себя в руки, барон проковылял в свой захламленный кабинет и вызвал Питера де Фриза. Громовой голос Владимира Харконнена разнесся по коридору, и слуги со всех ног кинулись искать ментата.

Целый месяц де Фриз выздоравливал после глупейшей выходки с передозировкой пряности. Идиот заявил, что видел падение Дома Харконненов, но не смог предложить никакого средства, с помощью которого барон сумел бы избежать такого печального будущего.

Сейчас ментату предоставлялась возможность искупить свой промах и предложить план удара по Бене Гессерит. Каждый раз, когда де Фриз своей очередной глупостью доводил барона до белого каления и рисковал быть казненным, он находил какое-то очень удачное решение и вновь доказывал свою незаменимость.

Как мне причинить вред Бене Гессерит? Как скрутить их в бараний рог и заставить корчиться?

Ожидая ментата, барон выглянул в окно и посмотрел на промышленный пейзаж Харко-Сити, с его маслянисто блестящими закопченными зданиями, вокруг которых не было и намека на зелень. Обычно вид успокаивал барона, но на этот раз он лишь еще больше упал духом. Прикусив от досады губу, барон почувствовал, как из его глаз потекли слезы жалости к себе.

Я сокрушу Общину Сестер!

Эти женщины не глупы. Далеко не глупы. Для своих селекционных программ и политических махинаций они сами выращивали интеллектуалов для пополнения своей элиты. Для того чтобы усовершенствовать программу и усилить Орден, им потребовались гены высшей пробы – гены барона Харконнена. Как же он ненавидел их!

Надо разработать очень тонкий план... Поможет только хитрость, помноженная на хитрость...

– Милорд барон, – произнес Питер де Фриз, открывая дверь. Голос выползал из его глотки, как ядовитая змея из гнезда.

Из коридора до слуха барона донеслись крики, шум и лязг металла. Что-то грохнуло в стену, посыпались осколки мебели. Барон отвернулся от окна и увидел входящего в кабинет похожего на медведя племянника, пришедшего вслед за ментатом. Раббан нисколько не напрягся, но каждый его шаг громом отдавался под сводами кабинета.

– Это я, дядя.

– Вижу. А теперь оставь нас. Я звал Питера, а не тебя.

Обычно Раббан проводил все свое время на Арракисе, выполняя приказы барона, но, возвращаясь на Гьеди, он всегда горел желанием принять участие в обсуждении важных дел.

Барон вздохнул и задумался.

– Я передумал, Раббан. Ты можешь остаться, если хочешь. Так или иначе, но я все равно буду вынужден тебе об этом рассказать.

В конце концов, это чудовище – его наследник, единственная надежда Дома Харконненов. Этот парень все равно лучше, чем его отец, размазня Абульурд. Какие они разные, хотя у обоих есть серьезные недостатки.

Племянник расплылся в счастливой кукольной улыбке, гордый от сознания того, что и его посвятят в какое-то важное дело.

– Рассказать о чем, дядя?

– О том, что я собираюсь предать тебя смерти.

Взгляд Раббана на мгновение потускнел, но потом снова прояснился.

– Этого не может быть.

– Почему ты так уверен? – Глаза барона сверкнули. Ментат переводил взгляд с дяди на племянника, наблюдая за пикировкой.

Раббан быстро нашелся:

– Потому что если бы ты действительно собирался предать меня смерти, то не стал бы меня об этом предупреждать.

На оплывшем лице барона появилась мимолетная улыбка.

– Да, кажется, ты не такой уж полный кретин, как я думал.

Приняв эти слова как комплимент, Раббан уселся в кресло-собаку, которое, изогнувшись под его тяжестью, постепенно приняло форму тела племянника.

Барон рассказал подробности того, как Мохиам заразила его, и потребовал составить план мести Ордену Бене Гессерит.

– Нам надо найти способ поквитаться с ними. Мне нужен план, умный и хитрый план, который приведет нас к выигрышу.

Женственные черты ментата расслабились, лицо обмякло, глаза потеряли выражение. В режиме ментата он прокручивал в мозгу все вероятные возможности с невероятной скоростью. Язык поминутно высывался изо рта, де Фриз облизывал губы, вымазанные ярко-красным соком сафо.

Раббан пнул пяткой кресло, чтобы оно приняло иную конфигурацию.

– А почему бы нам не организовать полномасштабное нападение на Валлах IX? Мы же можем попросту стереть их города с лица планеты.

Де Фриз вздрогнул и в какую-то долю секунды взглянул на Раббана. Движение было столь быстрым, что барон не смог бы сказать, действительно ли ментат оглянулся на племянника барона. Владимиру Харконнену была невыносима сама мысль о том, что примитивные измышления Раббана могут повлиять на тонкое рафинированное мышление ценного ментата.

– Ты хочешь сказать, что мы должны действовать, как салусанский бык, попавший на торжественный обед? – спросил барон. – Нет, нам нужно больше изящества. Посмотри в словаре определение этого слова, если оно тебе не известно.

Однако Раббан не обиделся. Он подался вперед и прищурил глаза.

– У нас есть корабль-невидимка.

Барон ошеломленно воззрился на племянника. Как только барон начинал думать, что этот оковалок не способен даже служить рядовым в гвардии, Раббан вдруг поражал его неожиданной способностью проникать в суть вещей.

Они осмелились применить невидимку только однажды, уничтожив тлейлаксианские корабли, чтобы подставить герцога Атрейдеса под удар. Раббан убил эксцентричного ришезианского изобретателя, и технология изготовления невидимок оказалась навсегда утраченной. Но, как бы то ни было, в распоряжении Харконненов имелось оружие, о существовании которого никто не подозревал, даже ведьмы Бене Гессерит.

– Что ж, это возможно... если только у Питера нет других идей.

– Они есть, мой барон. – Веки де Фриза дрогнули, глаза обрели ясность выражения. – Суммация ментата. – Тон стал высокопарным. – Я нашел удобную лазейку в законах империи. Это очень интригующе, мой барон.

Питер слово в слово, как запоминающая машина, произнес текст закона, а потом предложил свой план.

От эйфории у барона моментально прошли все его боли и недомогания. Он повернулся к племяннику.

– Теперь ты видишь, какой у него потенциал, Раббан? Я бы тоже предпочел прославиться тонкостью, нежели грубой силой.

Раббан неохотно кивнул:

– Все же я думаю, что нам надо захватить корабль-невидимку. Так, на всякий случай.

Племянник вспомнил, как пилотировал невидимку, когда поразил корабли тлейлаксов, чтобы спровоцировать полномасштабную войну между ними и Домом Атрейдесов.

Не желая слишком потворствовать самодовольству ментата, барон согласился с предложением Раббана.

– Никогда не повредит иметь запасной план.

Приготовления были скорыми, но весьма тщательными. Капитан Криуби приказал своим людям буквально следовать всем наставлениям Питера де Фриза. Раббан расхаживал по ангарам и казармам с видом верховного главнокомандующего и поддерживал на должном уровне боевой дух войск.

Транспорт Гильдии был уже вызван, а харконненовский фрегат был нагружен сверх нормы людьми и вооружением, не говоря о сверхсекретном корабле-невидимке, который использовался только один раз, десять лет назад.

С военной точки зрения, невидимое оружие предоставляло такие преимущества нападающей стороне, каких не знала вся военная история человечества. Теоретически оно давало Дому Харконненов возможность наносить врагам сокрушительные удары, оставаясь в тени. Вообразите только, какую сумму заплатил бы виконт Моритани за возможность обладать таким оружием.

При первом использовании невидимка сработала очень эффективно, но дальнейшее выполнение плана пришлось затормозить из-за возникших неполадок в механической части корабля-невидимки. Большинство проблем были мелкими, но некоторые – касавшиеся генератора невидимого поля – плохо поддавались устранению. Ришезианского изобретателя не было в живых, и никто не мог оказать содействия. Тем не менее последние испытания прошли довольно успешно, хотя механики дрожащими от страха голосами докладывали, что судно может оказаться не вполне боеспособным...

Одного нерасторопного такелажника пришлось медленно раздавить паровым прессом, чтобы его товарищи не тянули время, прониклись трудовым энтузиазмом и не сорвали срок отправления. Барон спешил.

* * *

Полностью нагруженный фрегат завис на геостационарной орбите над Валлахом IX, непосредственно над учебным комплексом Школы Матерей. Сидя на капитанском мостике вместе с Питером де Фризом и Раббаном, барон не стал посылать предупредительный сигнал в штаб-квартиру Бене Гессерит. Впрочем, он и не должен был этого делать.

– Изложите свое дело, – из системы сообщений донесся женский голос, напряженный и неприветливый. Не было ли в нем оттенка удивления?

Де Фриз ответил по всем формальным правилам межпланетного этикета:

– Его Превосходительство барон Владимир Харконнен с Гьеди Первой желает говорить с Вашей Верховной Матерью по частному каналу.

– Это невозможно, поскольку отсутствует предварительная договоренность.

Барон подался вперед и заговорил громовым голосом:

– В вашем распоряжении пять минут на установление частной связи с Верховной Матерью, в противном случае я буду говорить по открытой системе, а это может вызвать некоторые... э-э... неудобства.

Последовала несколько затянувшаяся пауза. За несколько секунд до истечения пяти минут в системе раздался хриплый старческий голос:

– Я – Верховная Мать Харишка. Мы говорим по моей персональной связи.

– Отлично, а теперь слушайте внимательно. – Барон победно улыбнулся.

Де Фриз доложил обстоятельства дела.

– Статьи Великой Конвенции весьма недвусмысленно трактуют определенные серьезные преступления, Верховная Мать. Эти законы были установлены во времена, когда мыслящие машины наводили ужас на человечество. Одним из самых страшных преступлений считается применение атомного оружия против людей. Другим преступлением считается ведение биологической войны.

– Да, да. Я не военный историк, но могу найти человека, который в точности процитирует нужные статьи закона. Почему ваш ментат не позаботился о таких бюрократических мелочах, барон? Я не вижу, какое отношение все это имеет к нам. Может быть, вы еще захотите рассказать мне какую-нибудь детскую сказку на ночь?

Сарказм говорил только о том, что Верховная Мать начала нервничать.

– Формы надо соблюдать, – наставительно произнес барон. – Наказанием за эти преступления является немедленное уничтожение виновного по решению Ландсраада. Каждый Великий Дом приносит клятву применить для наказания все свои вооруженные силы. – Он помолчал, потом снова заговорил. На этот раз его слова стали еще более угрожающими. – На этот раз форма не была соблюдена, не правда ли, Верховная Мать?

Питер де Фриз и Раббан, ухмыляясь, посмотрели друг на друга.

Барон продолжал:

– Дом Харконненов готов подать формальную жалобу императору и Ландсрааду с обвинением Бене Гессерит в нелегальном использовании биологического оружия против Великого Дома.

– Вы говорите вздор. Орден Бене Гессерит никогда не стремился к военному могуществу.

Верховная Мать явно была в тупике. Неужели она и правда ничего не знает?

– Так знайте, Верховная Мать, – мы располагаем неопровержимыми доказательствами того, что ваша Преподобная Мать, Элен Гайус Мохиама, намеренно использовала биологическое оружие против моей персоны, в то время как я выполнял некую миссию по просьбе Общины Сестер. Спросите эту суку сами, если ваши подчиненные скрывают от вас такую важную информацию.

Барон не упомянул о том, что Община шантажировала его незаконными хранилищами пряности. К обсуждению этого предмета он был готов, поскольку все такие хранилища находились в столь отдаленных уголках владений Харконненов, что их никто никогда не сможет обнаружить.

Довольный барон откинулся на спинку кресла, слушая наступившее молчание и живо представляя себе, как побледнела от страха эта старая Верховная Мать. Он воткнул нож глубже и повернул его в ране.

– Если вы сомневаетесь в правильности нашей интерпретации, то перечитайте слова Великой Конвенции и подумайте, стоит ли вам рисковать, выступая на открытом суде Ланд-

сраада. Имейте также в виду, что инструмент вашего нападения – Сестра Элен Гайус Мохиам была доставлена на мою планету кораблем Гильдии. Гильдия не выразит своего удовольствия, когда узнает об этом. – Барон побарабанил пальцами по консоли. – Если даже Община Сестер после этого уцелеет, вы столкнетесь с суровыми имперскими санкциями, на вас наложат штраф и, может быть, даже приговорят к изгнанию.

После недолгого молчания Харишка вновь заговорила. Верховная Мать сумела взять себя в руки, и в ее голосе не чувствовалось ни смятения, ни страха.

– Вы преувеличиваете свое дело, барон, но я хочу знать все. Чего вы хотите от нас?

Барон почти физически чувствовал, как кривится лицо Верховной Матери.

– Я спущусь на вашу планету и лично встречу с вами. Пришлите пилота, чтобы он провел нас сквозь защитные системы Валлаха.

Харконнен не потрудился сообщить Харишке, что в случае, если с ним что-нибудь случится, обстоятельства дела немедленно будут доложены чиновникам Кайтэйна и переданы императору. Верховная Мать и так все давно поняла.

– Конечно, барон, но скоро вы поймете, что все это не более чем недоразумение.

– Пусть Мохиам тоже присутствует на нашей встрече. Обеспечьте меня также средствами лечения и эффективного исцеления – в противном случае я устрою такое представление, что у вашей Общины не останется никаких шансов уцелеть.

На престарелую Верховную Мать тирада барона не произвела видимого впечатления.

– Сколько человек в вашей свите?

– Скажите ей, что у нас целая армия, – прошептал Раббан дяде на ухо.

Барон отмахнулся от племянника.

– Я и шесть человек.

– Ваша просьба о встрече удовлетворена.

Сеанс связи закончился, и Раббан спросил:

– Я могу идти, дядя?

– Ты помнишь, что я говорил тебе об изяществе?

– Я посмотрел это слово и, как вы велели, выучил его определение.

– Оставайся здесь и думай, что значит это определение, пока я буду беседовать с Матерью ведьм.

Рассерженный Раббан затопал в свою каюту.

Час спустя лихтер Общины Сестер пришвартовался к фрегату Харконненов. На палубу ступила молодая женщина с каштановыми волосами и узким лицом, одетая в блестящую черную форму.

– Меня зовут Сестра Кристейн. Я провожу вас на планету. – Глаза ее сверкнули. – Верховная Мать ждет вас.

Барон пошел за женщиной в сопровождении шестерых специально отобранных и вооруженных до зубов солдат. Питер де Фриз тихим голосом, чтобы не услышала ведьма, сказал:

– Не вздумайте недооценивать Бене Гессерит, мой барон.

Фыркнув, барон прошел мимо ментата и ступил на трап лихтера.

– Не волнуйся, Питер, теперь они в наших руках.

Религия – это покорение взрослого ребенком. Религия – это заключенная в застывшую оболочку вера прошлого: мифология, которая есть не что иное, как догадки, скрытые допущения, упования на вселенную и все заявления, которые люди делали в поисках усиления своей личной власти... Все это смешано под покровом одежд просвещения. И в любом случае главной остается невысказанная заповедь: «Ты не должен ни о чем спрашивать!» Но как бы то ни было, мы спрашиваем. Мы нарушаем эту заповедь как бы походя. Работа, которой мы должны посвятить себя, заключается в освобождении воображения и

в его обуздании, но таком, чтобы оно служило раскрытию глубинных творческих способностей человечества.

Кредо Общины Сестер Бене Гессерит

Прекрасная женщина, по воле судьбы заточенная в затерянном мире, леди Марго Фенринг не жаловалась на суровый климат, жуткую жару или отсутствие удобств в этом пыльном гарнизонном городке. Арракин был расположен на плоском соляном озере, от которого на юг простиралась низменная бескрайняя пустыня, а к северо-востоку поднималась возвышенность, переходящая в зубчатый хребет Защитного Вала. Граница владений червей не была четко обозначена, но проходила в нескольких километрах от городка, поэтому он ни разу не подвергался нападению больших червей, хотя иногда люди задумывались об этой проблеме. Что будет, если что-нибудь изменится? Жизнь на пустынной планете не может быть надежной и безопасной.

Марго задумалась о Сестрах, пропавших без вести после того, как их отправили на работу в пустыню как членов Защитной Миссии. Они давным-давно исчезли в пустыне, выполняя приказ Верховной Матери: их больше никто не должен был видеть.

Арракин был полностью погружен в ритм жизни пустыни... сухость климата и премии, назначаемые за сбереженную воду, ужасные бури, которые налетали так же неожиданно, как налетает в море шторм, легенды об опасностях и о людях, эти опасности переживших. Здесь Марго чувствовала себя в атмосфере безмятежной и очень духовной. Здесь, вдали от глупой и пустой суеты императорского двора, она могла спокойно заниматься естествознанием, философией и религией. Здесь, только здесь могла она заниматься важными делами, открывая при этом себя.

Что отыскивали в пустыне пропавшие без вести женщины?

Наблюдая лимонно-желтый рассвет, она стояла на балконе второго этажа Резиденции. Тонкая пыль и мелкий песок, поднявшиеся в воздух, просеивали свет восходящего солнца, придавая ландшафту незнакомый, прямо-таки волшебный вид, с длинными тенями, в которых пряталось сейчас все живое. Марго наблюдала за полетом пустынного ястреба, который парил в направлении высушенного солнцем горизонта, лениво, но мощно взмахивая время от времени большими крыльями. Рассвет казался сошедшим с полотна старого мастера, пастельные тона омывали четкие силуэты крыш города и зубчатую линию Защитного Вала.

Где-то далеко отсюда, в бесчисленных сиечах, гнездящихся в скалистой стране, жили неуловимые фримены. У них был ответ на мучившие ее вопросы, они обладали информацией, которую велела ей добыть Верховная Мать Харишка. Прислушались ли кочевники к словам проповедниц Защитной Миссии, восприняли ли их учение или просто убили посланниц, забрав их воду?

Позади Марго располагалась оранжерея, вход в которую был заперт воздушным замком, который могла открыть только она, леди Марго. Граф Фенринг, который до сих пор спал в их покоях, специально позаботился, чтобы в эту оранжерею доставили самые экзотические растения со всей империи. Но предназначались они исключительно для глаз его супруги.

Недавно до нее дошли слухи о фрименской мечте – превратить Арракис в зеленую планету; это был типичный эдемский миф, которые во множестве распространяли среди туземцев Сестры Защитной Миссии. Эта мечта служила косвенным свидетельством в пользу продолжающейся работы пропавших без вести Сестер. Но не было бы ничего необычного в том, что люди, измученные постоянной борьбой за выживание, сами, без подсказки Сестер Бене Гессерит, создали миф о грядущем рае. Эти истории было бы интересно обсудить с имперским планетологом Кинесом и даже спросить его, кто такой таинственный «умма» фрименов. Пока Марго не представляла, как связать воедино разрозненную информацию.

Пустынный ястреб нашел восходящий теплый поток и начал неподвижно парить в воздухе.

Все еще стоя у балконного окна, Марго сделала глоток меланжевого чая из маленькой чашки, которую держала в руке; успокаивающий вкус пряности наполнил рот. Хотя леди Марго жила на Арракисе уже двенадцать лет, она потребляла меланжу в очень умеренных количествах, чтобы не привыкнуть к ней и чтобы ее глаза не окрасились в синий цвет, цвет пристрастия к пряности. Однако по утрам пряность помогала ей во всей полноте воспринимать естественную красоту Арракиса. Она слышала, что меланжа никогда не кажется одинаковой, что она, как жизнь, и меняется каждый раз, когда сталкиваешься с ней...

Изменение было главным понятием на этой планете, ключом к пониманию фрименов. Невнимательному поверхностному наблюдателю Арракис казался неизменным – все та же пустыня, бесконечная в пространстве и вечная во времени. Но пустыня была чем-то неизмеримо большим. Экономка Марго, фрименка по имени Шадур Мапес, однажды высказала это вслух: «Арракис не тот, каким кажется, миледи». Этими словами была высказана мучительно недостижимая истина.

Некоторые говорили, что фримены странные, подозрительные и вонючие. Чужестранцы смотрели критическим оком и обладали острыми языками, но никто из них даже не делал попытки понять коренное население. Марго же странность и необычность фрименов казалась интригующей. Ей страстно хотелось узнать об их свободолобивом образе жизни, понять, как они мыслят и как сумели выжить в пустыне. Если она узнает этот народ, то сможет хорошо справиться со своей задачей.

Она может узнать ответы на интересующие ее вопросы.

Изучая нравы фрименов, работавших в здании Резиденции, Марго научилась распознавать едва различимые отличительные черты в языке жестов, интонациях голоса, запахе. Если фримену было что сказать и он считал, что вы заслужили это слышать, то он говорил без всяких обиняков. В противном случае они проходили мимо, прилежно выполняя свою работу, а потом, склонив голову, исчезали в своих общинах, как песчинки исчезают в горе песка.

Сначала в поисках ответа Марго решила прямо спрашивать фрименов, работавших в здании, не знают ли они о судьбе пропавших без вести Сестер в надежде, что слуги передадут вопрос в пустыню, но потом поняла, что эта стратегия не оправдывает себя – фримены просто ускользнут от ответа, отказавшись участвовать в таком опросе.

Может быть, надо было показать свою уязвимость, чтобы заслужить доверие туземцев. Сначала фримены будут потрясены, потом растеряются... и, может быть, даже согласятся с ней сотрудничать.

Мой единственный долг – это служба Общине Сестер. Я – верная дочь Бене Гессерит.

Но как вступить с фрименами в контакт, не обнаружив себя и не возбуждая подозрений? Можно было написать записку и оставить ее в таком месте, где ее наверняка найдут. Фримены всегда слушали, собирая информацию своими незаметными способами.

Нет, Марго будет действовать тоньше, и в то же время обойдется с фрименами с должным уважением. Надо возбудить в них мучительное любопытство.

Потом она вспомнила о странной практике, о которой ей рассказали люди из Другой Памяти... или она читала о ней во время учебы на Валлахе IX? Впрочем, это не важно. На Старой Земле, в благородном обществе страны, называвшейся Японией, существовала традиция найма убийц ниндзя, тихих, но эффективных, для того чтобы покончить со спором, который не поддавался законному разрешению. Когда человек решал прибегнуть к помощи тайного убийцы, он приходил к одной стене, становился к ней лицом и шептал имя жертвы и сумму, которую он был готов заплатить за убийство. Никого не было видно, но сделка заключалась. Никто не видел ниндзя, но они всегда слышали, если к ним обращались.

Здесь, в Резиденции, фримены тоже всегда слушали.

Марго распустила светлые волосы по плечам, ослабила застёжки волнистого балахона и вышла в холл. В огромном здании, несмотря на ранний час прохладного утра, работало множество людей – слуги чистили, сметали пыль, полировали полы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.